СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

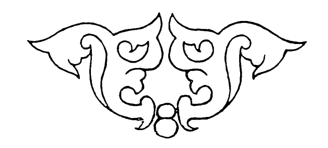
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
И. П. ЕРЕМИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. О. СКРИПИЛЬ

ВЕРТОГРАД МНОГОЦВѢТНЫЙ

КУПЕЦТВО

Чин купецкий без грѣха едва может быти,
на многи бо я злобы враг обыче лстити;
Изряднѣе лакомство в купцѣх обитает,
еже в многия грѣхи оны убѣждает.
Во-первых, всякий купец усердно желает,
малоцѣнно да купит, драго да продает.
Грѣх же есть велий драгость велию творити,
малый прибыток лѣть есть без грѣха строити.
Вторый грѣх в купцѣх часто есть лживое слово,
еже ближняго в вещех прелстити готово.
Третий есть клятва во лжу, а та умноженна,
паче песка на брезѣ морстем положенна.
Четвертый грѣх татбою излише бывает,
таже в мирѣ в мѣрилѣх часто ся свершает, —
Ибо они купуют во мѣру велику,
а внегда продаяти, ставят не толику.
Инии, аще мѣру и праву имѣют,
но не право мѣрити вся вещы умѣют.
Инии хитростию вещы отягчают,
мочаще я, нѣции худыя мѣшают.
А вся сия без грѣха немощна суть быти,
яко бог возбраняет сих лукавств творити.
Пятый есть грѣх: нѣции лихоимства дѣют,
егда цѣну болшити за время умѣют;
Елма бо мзды чрез время нѣко ожидают,

тогда цѣну вящшую в куплях поставляют.
Шестый грѣх, егда куплю являют благую,
потом лестно ставляют ину вещь худую.
Седмый грѣх, яко порок вещы сокрывают,
вещь худую за добру купующым дают.
Осмый, — яко темная мѣста устрояют,
да худыми куплями ближния прелщают,
Да во темности порок купли не узрится
и тако давый сребро в купли да прелстится.
О сынове тмы люты! Что сия творите?
Лстяще ближния вашы, сами ся морите.
В тму кромешную за тму будете ввержени,
от света присносущна вѣчно отлучени!
Отложите дѣла тмы, во свѣтѣ ходите,
да взидете на небо, небесно живите.

МОНАХ

Монаху подобает в келии сѣдѣти,
во постѣ молитися, нищету терпѣти,
Искушения врагов силно побѣждати
и похоти плотския труды умерщвляти, —
Аще хощет в небеси мзду вѣчную взяти,
неоскудным богатством преобиловати.
Пагубно же оному по градѣ ходити,
из едина в другий дом преходяще пити.
Но увы безчиния! Благ чин погубися,
иночество в безчинство в многих преложися.
О честных нѣсть здѣ слово: тыя почитаю,
безчинныя точию с плачем обличаю.
Не толико миряне чреву работают,
елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравшии житие водити
на то устремишася, да бы ясти, пити, —
Тоже не поелику есть во славу бога,

Черновой автограф стихотворения „Купецтво“.

Рукопись Московского Гос. исторического музея, Синод. собр., № 659, л. 317 об.

Вертоград
Многоцветный
Пользы ради душевныя
православныхъ христі
анъ, Бжіимъ наста
вленіемъ и пособіемъ,
а трудоположеніемъ
многогрешнаго во іеро
монасехъ Симеона
Полоцкаго устроенный
и насажденный в лето
от созданія міра, зрп
А от рождества еже по
плоти Бга слова, ахоп.
совершися мца августа
вь.

Титульный лист „Вертограда“.

Рукопись Московского Гос. исторического музея, Синод. собр., № 288, л. 1.

но излише, даже скорбь раждается многа.
Скорбь чреву, болѣзнь главѣ, а ум изчезает,
тако постник не знает, еже содѣвает.
Множицею есть зрѣти по стогнам лежащих,
изблевавших питие и на свѣт не зрящих,
Мнози колесницами возими бывают,
полма мертвии суще, народ соблазняют.
Мнози от вина буи сквернословят зѣло,
лают, клевещут, срамят и честныя смѣло,
А за то во утрий день без казни бывают,
яко без обителей в градѣ ся скитают.
Нѣции постригшися посестры питают
неправым собранием и с нѣми бывают.
Инии тайно от поп в струзѣх пострижени
ходят, лстяще мир, аки на то устроени.
Мнози не стрижении монашеско ходят,
безчинными дѣлесы соблазнь в мирѣ родят.
Оле развращения! Ах, соблазнь велика!
Како стерпѣти может небесе владыка!
В одеждах овчих волци хищнии бывают,
чреву работающе, духом погибают.
Узриши еще в ризы красны облеченны,
иже во убожество полное стрижени.
Ни жених иный тако себе украшает,
яко инок несмыслный, — за что погибает,
Ибо мысль его часто — да от жен любится;
под красными ризами — увы! — дух сквернится.
Таковии ко женам дерзают ходити,
дружество приимати, ясти же и пити.
Сродство себѣ с онѣми ложнѣ повѣдают,
или тетки, матери, сестры нарицают;
Под ними же имены хотят мужи быти,
без брачнаго союза зол брак сотворити.
О, безчиния люта! Оставлше сродныя,
притворяют сродники себѣ неправыя,

Имже дѣлом от Христа себе удаляют,
суща жениха своих душ пренебрегают,
За что, яко блудници, будут отлучени,
аще не обратятся, и вѣчно казнени.
Престаните, иноцы, сия зла творити,
тщитеся древним отцем святым точни быти, —
Да идѣже они суть во вѣчной радости,
будете им общници присныя сладости!

ГРАЖДАНСТВО

Како гражданство преблаго бывает,
гражданствующым знати подобает.
Разная седми мудрых суть мнѣния,
но вся виновна граждан спасения.
Премудрый Виас даде слово свое,
гражданство быти преизрядно тое,
В нем же закона, як царя, боятся
и царя, яко закона, страшатся.
Хилон блажит, гдѣ законов слушают,
велесловных же ритор не глашают.
Клеопул паки той град похваляет,
гдѣ безчестия всяк ся устрашает
Гражданин паче закона самаго,
на преступники в книгах писаннаго.
Периандер же то славит гражданство,
в нем же всѣм прочим, имущым равенство,
Добродѣтелми зовутся лучшая
и наричутся злобы вся хуждшая.
Питтак похвалу дает граду тому,
в нем же началство не дается злому.
Фалес град блажит, гдѣ граждане мнози
ни пребогати, ни зѣло убози.
Солону град люб, в нем же обид творцы
вся равно имут праведныя борцы,

Не токмо бѣду от них страдавшыя,
 но ни едины тщеты познавшыя;
Еще — идѣже блазии блажатся,
 честь приемлюще, злии же казнятся;
Еще — и в нем же граждане слушают
 началных, — сии закон почитают.
Сия суть, яже крѣпят государства,
 чинна и славна содѣвают царства.

НАЧАЛНИК

1

Пастыр с овцами образ предлагает,
 как нам жити в мирѣ подобает.
Пастыр началны знаменует люди;
 стадо подданых во образ нам буди.
Егда же пастырь стадо присѣщает,
 овца на пути не лежит, но встает,
Аки честь ему хотящи творити;
 таков к началным подначалный быти
Выну да тщится, сирѣчь да говѣет,
 яко же овца, елико умѣет,
И яко мѣсто божие держаща,
 о безбѣдствии подначалных бдяща.
Взаим же пастыр овцы соблюдает
 и на рамах си блудныя ношает;
Тако началник должен есть творити,
 бремя подданых крѣпостно носити,
Не презирати и за псы имѣти,
 паче любити, яко своя дѣти,
И то в памяти выну содержати,
 яко земля тѣх и его есть мати.
Паче овчата пастырска боятся
 жезла и свиста едина страшатся;

Подначалници страх должни началным,
о их цѣлости по вся дни печалным;
Тѣм и апостол к страху увѣщает
и мечем острым началных прещает.
Пастырь же жезлом укрощает стада,
женет на паству, женет и внутрь града;
Тако началник жезлом да управит,
винна накажет, невѣжду наставит, —
Обаче косен да будет язвити,
идѣже довлѣ есть токмо страшити.
Еще глас пастырск овцы добрѣ знают
и того выну прилѣжно слушают:
Шествуют тамо, аможе глашает,
едина другу в слѣд его варяет;
То поддании должни суть хранити,
гласу началных послушливи быти:
Всякая душа властем да бывает
богопокорна, — Павел увѣщает.
Пастыри взаим пред овцами ходят,
овцы на паству благую возводят;
Сице началных долг есть предходити
стаду подданых, на пажит водити
Здраву, спасенну, божию канону,
ниже гражданску противну закону;
Образ да будут себѣ подчиненным,
еже ходити путем божественным.
К сим овцы млеком пастыря питают
и на одежды волну свою дают;
Поддании же долг свой да воздают,
господы своя хлѣбом да питают;
И ины нужды должни исполняти,
не ропчюще же, но во благодати.
А яко пастыр от волк защищает,
во дни и в нощи мало усыпает,
Егда же стрижет волну, а не тѣло

живое рѣжет, то бо хранит цѣло
И кожу блюдет, да не повредится,
да паки стрищи волну прилучится, —
Тако державци должни снабдѣвати,
подданыя си от враг защищати;
И егда даже от онѣх взимают,
долг свой да вземлют, а не изкожают, —
Да и впред мощно будет постригати,
дань, яко волну, праведно взимати.
Но оле времен развращенных зѣло!
Рѣжут днесь волну, и кожу, и тѣло.
Сам, врачю вышний, изволь исцѣляти,
скудости бѣдных людей исполняти,
Да твою милость выну прославляют,
в звании своем честно пребывают.

2

Блаженна страна и град той блаженный,
в них же началник благий поставленный,
Горе же граду и странѣ бывает,
юже началник не благ управляет;
Гнѣв тамо божий, гдѣ начало злое,
милость тогожде, идѣже благое.
Да будет же благ, должен есть хранити,
яже аз хощу сим словом явити.
Перва начална сия добродѣтель, —
благочестия да будет хранитель,
С благодарствием о всѣх богом данных,
сану приличных, многими желанных.
Живущ же тако, богом снабдѣваем
бывает, правим, от бѣдств защищаем;
И яко бога он выну говѣет,
от подначалных точну честь имѣет.
Вторая сану началных прилична

есть добродѣтель, в мирѣ не обычна:
Та смирение есть божественное,
Христом господем в'конец храненное;
Имать началник в памяти держати,
яко не в вѣки будет обладати;
Смерть бо пришедши хочет власть отяти,
с прочими людми во персти сравняти.
Третия властей добротворение,
еже хранити им разсуждение
Во всяких дѣлѣх, а не уповати
на един свой ум, вьну вопрошати
Умных совѣта: тако бо вершити
благо вся мощно, а не грѣшити.
Очеса лучше видят, неже око,
никто о себѣ да держит высоко;
В мнозѣ совѣтѣ есть спасение,
в едином умѣ поползновение.
Четвертая есть добродѣтель властей:
правду хранити, блюсти от напастей
Подчиненныя и чести даяти
достойным, а не на злато смотряти;
Равно судити мала и велика
на лице зрящым прещает владыка.
Не яко сѣть им закон да бывает,
юже не крѣпку паук соплѣтает;
Та бо животно мало уловляет,
болшее — сѣти самыя терзает.
Не суди тако, но един суд буди
всѣм, иже в едной суть области люди.
Пятая — крѣпость прилична владущым,
не склонным быти к прелесть глаголющым,
Ниже златыми вериги влеченным
быти, ни другов прошенми прелщенным.
Шестая — кротость и приступность буди,
за ню же господь возлюбит и люди,

Яко Мойсея кротка бог любяше
и во всѣх нуждах ему помогаше.

ЗАКОН

Врачевства, во ковчезѣ егда пребывают,
недужным ни малую помощь содѣвают;
Подобнѣ аще злато замкненно хранится,
стяжателю прибыток ни един творится.
Тако закони в книгах всуе положени,
аще прилѣжно в царствѣ не будут хранени.

ТРУД

Чрез лѣто пчелы тощно работают,
сладкий из цвѣтов мед людем сбирают;
Аще не хощет кая работати,
не дадут в рои своем пребывати:
Огрызше крилѣ, вон ю извергают, —
гражданом мира образ проявляют,
Да праздных людей не имѣют в себѣ,
ибо комуждо трудитися требѣ,
Да своим трудом питаем бывает,
а не чуждая труды поглощает.
Не хотящым же трудов полагати,
не подобает хлѣба подаяти:
„Праздный да не яст", — апостол сказаше,
иже от Христа правдѣ учен бяше.
Подобает же вон я изгонити,
да научат ся в трудѣх выну быти.

РАЗНСТВИЕ

Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати,
Аристотеля книги потщися читати.[1]

Он разнствие обою сие полагает:
царь подданым прибытков ищет и желает,
Тиран паки прижитий всяко ищет себѣ,
о гражданстей ни мало печален потребѣ.

НИЩЕТА ЦАРЕЙ

Царие и князи, суще пребогати,
обыкоша скудость едину страдати:
Много рабов имуть, сокровище в злато
соблюдают иным зѣло пребогато,
Но нищи суть в други правду глаголивы, —
вси бо по их воли глагол дѣют лстивы.

ДИАДИМА

Благоразумный нѣкто на царство избранный.
егда хотяше быти на то увѣнчанный,
Взем диадиму в руцѣ, сице глаголаше:
„О честное увясло, крашение наше!
Честно ты паче еси, нежели блаженно,
ибо, аще бы то ким было разсужденно,
Кия скорби, печали и бѣдства по тебѣ
послѣдуют, не взял бы тя из земли себѣ,
Оставил бы тя в персти земнѣй истлѣвати
и перстом не хотѣл бы тебѣ ся касати“.

РАЗБОЙНИК

Морский разбойник, Дионид реченный,
от Александра царя вои хищенный,
Егда от царя вопрошаем бяше,
вскую на мори разбои творяше,
Отвѣща: „Яко едным разбиваю
кораблем, за то злу титлу ношаю.

Разбойника мя люди именуют,
тебе же царя обычно титулуют,
Яко многими полки брань твориши
морем, землею, вся люди плѣниши.
Аще то правда, изволи судити,
потом же мене по дѣлом казнити".
Царь, слышав отвѣт, дерзости дивися,
обаче сердцем нань не разъярися.
Обличение оному простил есть,
близ правды быти слово разсудил есть.
Увѣща токмо разбоя престати,
паче же честно с враги воевати.

ОБРАЗ

Франтиск именем первый краль францийский бяше,
сей яко писание и мудрость любяше,
Ея же родители его не любяху,
но подобием варвар в простотѣ живяху.
Абие честных дѣти писаний взискаша,
кралевску люблению тако угождаша;
И бысть в малѣ времени мудрость разширенна,
образом краля во всей земли умноженна.
Обычай бо есть в людех царя подражати,
еже ему любезно всѣм то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
царствуяй восприемлет ради всѣх исправы.

Александр Макидонский Тир град обстояше,
ров велий бывш пред градом засыпать хотяше;
Видя же воев лѣность, в первых насыпал есть
сам кошь землею и в ров пред всѣми всыпал есть.
То видящи ратници царя подражаху,
в яму ону носяще землю засыпаху;
И тако приход к граду себѣ содѣяша
и по малѣ времени град силою взяша.

Сице царие дѣлом своим возбуждают
на дѣло вои, елма образ им являют.

ЛЮБОВ К ПОДДАНЫМ

Егда за грѣх Давыдов бог люди казняше
всегубителством, тогда Давыд вопияше:
„Аз есмь грѣх сотворивый, боже, — обратися
на мя с казнию ти, сим милостив явися".
Оле любве царския! Сам хощет умрети,
аки отец ли мати за любыя дѣти.

ДѢЛАТИ

Алфонс краль арагонский нѣким обличися,
яко своима в дѣлѣ рукама трудися.
Даде отвѣт краль мудрый: „Егда богом крали
и естеством не к дѣлу руцѣ восприяли?".
Научи сим отвѣтом: царем не срам быти,
рукама дѣло честно своима робити.

ИСТИННА

Царь локренский Салевкий егда царствоваше,
закон во своем царствѣ сей народствоваше:
Да кто прелюбодѣйству виновен явится,
абие очию си свѣта да лишится.
В малѣ времени по том сын его единый
тому преступлению содѣяся винный.
Увѣдѣ отец о том, совѣт собирает,
на обезочение сына осуждает.
Граждане со слезами к царю припадают,
оставления казни сынови желают:
„Прости сына, о царю, грѣх его остави,
наслѣдника царствия от казни избави.
Мы, иже под законом, должни казнь страдати,

аще велѣния ти будем презѣрати.
Но сын законодавец твой нам имат быти,
убо изволи его казни свободити".
Царь, истинны хранитель, во преки вѣщаще,
всяко обезочити сына осуждаше.
По мнозѣм же прѣнии царь гнѣвен явися,
сей суд послѣдний из уст его испустися:
„О, граждане честнии, болѣзнь ми отвсюду
сын любезен, а правды не растлю отнюду.
Грѣх винен отмщению, — от вас моление,
да преложу на милость злобы отмщение.
Обое ми досадно, и еже простити,
и ваше желание презрѣнно пустити.
В недоумѣнии есмь, что лучши избрати,
вам ли или истиннѣ дѣлом угождати.
Но обѣма угожду: вас ради простится,
единаго сын ока весма да лишится;
За правду же другое мнѣ изъято буди,
да не рекут неправа мене царя люди, —
Да очы, а не око, аще не в едином,
но во отцѣ изъяты будут купно с сыном".
И совершися суд сей с великим ужасом,
в образ правды будущым сотворенный часом.
Подобнѣ бог изволи щедрый сотворити:
хотѣв роду нашему ослабу явити,
Дал есть сына своего до смерти страдати
плотию, да бы во вѣк нам не умирати.
И тако довле правдѣ Христом сотворися,
казнь на него и на ны полма положися.
За наш он грѣх пострада, остави в нас око,
с ним же мощно нам взити на небо высоко.
Тѣмже он есть свѣт мира, яко сам речеся,
его свѣтом в свѣт вѣчный род наш возведеся.
За что ему честь, слава во вся вѣки буди,
„Слава ти, щедрый боже", — да рекут вси люди.

СУД

Траян кесарь на войну из Рима идяше; —
егда уже на коня своего всѣдаше,
Се вдовица нѣкая ногу похитила
и со многими слезы суда есть просила,
Да изволит праведный суд свой сотворити
на дерзнувшыя сына оныя убити.
Глаголаше ко царю: „Ты царство правиши,
аз же обиду страждху; молю, да судиши“.
Кесарь рече: „Потерпи, егда возвращуся,
тогда ти суд праведный творити потщуся“.
Она рече: „Аще ся, царю, не вратиши,
како ми праведный суд, бѣднѣй, сотвориши“.
Царь паки: „То наслѣдник мой содѣет тебѣ“.
Она: „Како то могу обѣщати себѣ!
Но аще и содѣет, то в ползу не твою,
он тѣм дѣлом прославит правду людем свою.
Аз от тебе требую, да ся ты славиши,
егда обиду мою судом ти отмстиши.
Ты мнѣ днесь должен еси: твое то есть дѣло;
жаль мой нудит мя к тебѣ глаголати смѣло.
Лесть же есть, егда того кто-либо не дает,
что по долгу звания дати подобает.
Наслѣдник твой за себе имать то творити,
ему мзда, аще право потщится судити, —
Тебѣ ничто же за то; ты ми да явиши
милость, да бы во мирѣ славу получиши“.
Сими глаголы кесарь в сердци умягчися,
абие суд ей дати правый приложися;
Ссѣд с коня, дѣла ея абие слушаше,
взыскав правду, осуди яко подобаше.
И тако жалость вдовы тоя утолил есть,
возсѣд на коня в путь свой стопы положил есть.

РИЗА

Философ в худых ризах обычно хождаше,
ему же во двор царский нужда нѣка бяше.
Прииде убо к вратом, стражи и отгнаху,
дважды, трижды и паче то ему дѣяху.
Он шед премѣни ризу, к вратом запустися,
абие неудержно в двор царский пустися.
Пришед же к царю, нача ризу цѣловати
и елико можаше честь ей воздавати.
Царю же вопросившу, что то знаменаше, —
„Чтущую мя чествую, — смѣло отвѣщаше, —
Ибо егоже входа мудрость не имяше,
то ми сия честная риза содѣяше“.
Оле суетства суетств! Доброта не зрится,
красная риза паче человѣка чтится:
Яже добродѣтели дана не бывает,
та честь от людей ризѣ новѣй ся творяет.
Художничее дѣло во чести хранится,
а лице естественно не честно творится;
Аки бы художество человѣка тлѣнна
изрядно было паче дѣла божественна.

ПРАВДЫ БЕЗМѢСТИЕ

Камвизес царь персидский вину прилѣжаше,
что величеству его не прилично бяше.
Имѣ же в друзѣх своих болярина думна,
вѣрнаго себѣ во всем Праксаспа разумна,
Иже за любовь к царю дерзнул увѣщати,
во еже бы пития многаго престати.
Огорчися Камвизес за увѣщание
и за праведна слова к нему вѣщание;
Рече: „В малѣ узриши, яко ум мой цѣло
в пиянствѣ пребывает и рук моих дѣло“.

По времени не множѣ много вина пил есть,
сын же Праксаспов царю у стола служил есть.
Ему же царь повелѣ за прагом стояти
и лѣву руку горѣ подъемшу держати;
Сам же взем лук и стрѣлу остру наложил есть,
в сердцѣ того юноши прямо угодил есть, —
Еже велѣв из персѣй юнаго изъяти
и обличителю си оно показати
С сицевыми словесы: „Вижд, не погрѣшает
рука царская, аще чашы истощает“.
Оле лютаго правды ненавидѣния
и безчеловѣчнаго за ту отмщения!
Тиранское убийство пиянству придал есть,
кровь невинну за слово правды излиял есть.
Оле злобы пиянства! Того вси гонзайте,
правды слово любите, не месть содѣвайте.

СЛАВОЛЮБИЕ

Князь карфагинский Ганнон нареченный
славолюбием бяше побѣжденный
И, хотя в мирѣ бог наречен быти,
птиц глаголивых велѣ накупити:
И учащым я тому наставляти,
„князь Ганнон бог есть“ свѣтло глаголати.
Егда же тыя изучены быша
то глаголати, волно я пустиша,
Да лѣтающе то слово вѣщают,
Ганнона бога миру проглашают.
Но прелщен Ганнон, ибо спира она
птиц изученных забыла Ганнона:
На воли суще на глас естественны
вся птицы скоро бяху возвращенны.
Ганнон же цѣны и труд отщетися,
сам в посмѣх людем умным обратися.

Точнѣ и нынѣ славы ловители,
чести, достоинств, хвалы любители
Глаголивыя люди собирают,
хлѣбом и дары тому изучают,
Да глаголют я боги земны быти,
мудры, богаты, всяко нарочиты.
И поют убо добрѣ глаголюще,
сребром и хлѣбом прикормлени суще.
Но внегда хлѣбом оным оскудѣти,
тщатся и птицы тыя отлѣтѣти
На волю свою; в ней же забывают
оныя пѣсни, ину же глашают;
В похвалы мѣсто поют хуления,
ругателства, смѣх и поношения.
Нѣсть убо требѣ славы нам любити
и птиц сицевых ловити, учити;
Божия славы нужда нам искати,
он же изволит в небѣ нам воздати
Велию славу и честь безконечну
в свѣтлости святых и радость превѣчну.

МЕЧЬ ИСТИННЫ

Дионисий мучитель Сиракусов страны
от ласкателя бяше Дамокла прелщаны
Блажением щастия, богатства и славы, —
да же не утерпѣти царю тоя хвалы
И глаголати сладцѣ к тому ласкателю:
„Хощеши ли то знати, любый приятелю?“.
Ему же соизволшу, царь велѣ садити
Дамокла на престолѣ и всѣм его чтити.
Слузи абие слово царско сотвориша,
ласкателя на златый престол возсадиша:
Багряницу царскую вскорѣ принесоша,

в златозарную ризу его облекоша,
Вѣнец златый на главу его возложиша,
скипетр неоцѣненный всечестно вручиша.
Приидоша краснии юноши служити,
повелѣния слово дѣлом сотворити;
Представиша трапезу, златом украшенну,
брашны и питиями дивнѣ исполненну;
Различный мусикии род ту предстояше,
сладкими гласы ушы с сердцем веселяше.
Вкратцѣ буди рещи ми: вся ту дана быша,
яже царя самаго сердце веселиша.
Сице Дамокл почтенный превозвеселися,
в жребии блаженнѣйших быти вомѣнися.
Но тогда повелѣ царь власом увязати
мечь острый и над главу его низпущати, —
Его же узрѣв Дамокл, зѣло устрашися,
вострепетав всѣм тѣлом, лицем измѣнися,
Преста ясти и пити, всепечален бяше,
пѣснѣй слушати, зрѣти юнош не хотяше.
Моляше царя слезно, еже пущен быти
не на престолѣ златѣ, но в дому си жити.
Не желаше блаженства себѣ царска к тому,
но покоен сѣдѣти возлюбил есть в дому.
Сицев есть во истинну живот человѣка,
от начала бытия до кончины вѣка:
Егда бо яст и пиет, ни что ино дѣет,
егда в чести, в богатствах и во славѣ спѣет,
В то время мечь истинны божия блистает,
на тонцѣ висящь власѣ, смертию прещает.
Что зная, человѣче, како ся снѣеши,
вскую сластей от тебе плотских не вержеши?
Остави о суетных в мирѣ весел быти,
помни, яко смерть славных не знает щадити,
Избери в мирѣ слезы, да радость на небѣ
богом данная будет безконечна тебѣ.

ЩАСТИЮ НЕ ВѢРИТИ

Из числа седми мудрых муж избранный,
собственным Солон именем прозванный,
с царем лидийским Крезом глаголаше
и увѣщаше,
Да во щастии си не уповает,
непостоянство того помышляет,
яко обыче оно не стояти,
люди прелщати.
Он же из дѣтства имѣ имармену,
всегда работну, аки бы плѣненну;
ни в коей вещи противства познаше,
прещаслив бяше.
Тѣмже Солона словес не приял есть,
надежду в щасти своем полагал есть:
на вся дерзаше, щастие безмѣрно
мня быти вѣрно.
Но прелестное вѣры не сдержало,
на брани с Киром не пособствовало;
егда бѣ нужда, тогда отступило,
Креза прелстило;
Ибо от ратник кировых плѣнися,
Киром же на смерть люту осудися,
еже на дровах быти положенну,
огнем сожженну.
Внегда и убо на та полагаху
и огнь всеядущ возжещи хотяху,
слово Солона мудра помянул есть
и воздохнул есть,
„О, Солон, Солон!“ гласно провѣщая.
Кир же глагол сей прилѣжно внушая,
повелѣ Креза о том вопросити,
что хощет быти,
Яко Солона поминает себѣ,

лежа на дровах, в послѣдней потребѣ.
Крез даде отвѣт: „Того поминаю,
нынѣ бо знаю,
Яко истинну он ми глаголаше,
не уповати егда увѣщаше
в щастии мнозѣ, еже ми служило,
а днесь прелстило“.
Кир же то слово к себѣ обратил есть,
о щастии си тожде помыслил есть;
абие велѣ Креза свободити,
волна пустити.
И ты, кто-либо еси та читаяй,
не буди в щасти твоем уповаяй,
но всю надежду обрати ко богу
в щедротах многу,
Иже ни хощет, ни может прелщати,
кто в нем надежду вѣсть всю полагати,
но яко отец чадо соблюдает
и ущедряет.

ТРИУМФ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ПОБѢДНОЕ

Рим ветхий, егда в силѣ своей бяше
и негли весь мир во власти держаше,
Внегда случися нань кому востати,
брань кровавую мечем воздвизати,
Ратныя люди против посылал есть
и воеводѣ все дѣло вручал есть.
Той аще промысл знатный проявляше
и силны враги бранию смиряше,
Аще воинства римска не губил есть,
а враг пять тысящь боем поразил есть
Единѣм, — тому закон ликовати
повелѣваше ли триумфовати,
Еже есть свѣтло в град Римский входити,

славу побѣды народно явити, —
Иже вход каков бяше да знается,
се пером моим миру предается.
Во-первых, иже вожд торжествоваше,
собрав вся воя, крѣпость их блажаше.
И раздаяше вѣнцы им различны,
покоегождо службѣ преприличны:
Овым златыя, иным сребреныя,
нѣким же в почесть токмо дубовыя.
Различнии же их образы бяху,
противу дѣлу вси ся устрояху:
Аще кто первый на стѣну возъиде,
стѣно образный тому вѣнец приде;
Аще кто град взя, тому вѣнец бяше
дан, иже града образ имѣяше;
Аще на мори корабль вражий ял есть,
тако образный вѣнец восприял есть.
Раздѣль же вѣнцы, яко подобаше,
на колѣсницу пресвѣтлу въсхождаше,
Торжеству сличну, — под ню же впряжени
иногда бяху скории елени,
Иногда паки лвове прелютии,
иногда кони, яко снѣг, бѣлии.
Тѣми вожд возим, чрез врата вхождаше
торжественная, яже град создаше
Во славу его нарочито зѣло,
да торжествует грядый в град весело.
Но в предѣ его мусикия бяше,
яже различнѣ радость восклицаше;
Трубы, органы, кимвалы звяцаху,
сердца зрителей в радость возбуждаху.
По них волове вѣнцы украшени
златорозии бываху ведени,
Иже ся в жертву Дию закалаху,
не убо бога истиннаго знаху.

Таже користи, титлы побѣжденных
  род и образы градов заплѣненных
Преднесощася, и водими бяху
  звѣри страннии, народ удивляху;
Тужде древеса ношаху странная,
  во Римстей странѣ не увидѣнная.
Въ слѣд их ступаху иже побѣжденни
  и желѣзными оковы скрѣпленни;
Изряднѣе же вожди вражих полков
  слящаху выя от тяжестных оков.
По сих златии вѣнцы возблистаху,
  яже вождеви страны присылаху.
На конец сам вожд, сѣдя в колесницѣ,
  в порфирѣ, в златѣ явствова си лице,
Запястиами златыми блистая,
  вѣнец дафниев на главѣ ношая;
Такожде и вѣтв в десницѣ держаше,
  чрез украшенна в град врата вхождаше.
О, воистинну честь велика зѣло!
  Имѣ в нем быти сердце превесело.
На торжество то людие бѣжаху
  бѣлоодеждни и вси восклицаху,
Привѣтствующе побѣды оному,
  яко вождеви преумнохраброму.
В той же самый час бяху отверзени
  идолов храмы, вѣнцы украшени;
Дым фимиама сладкий испущаху,
  обоняющых чувство услаждаху.
Торжествуяй же в главное здание,
  в Капитолиум твори ступание,
Идѣже плѣнных, яко же хотяше,
  или в работу ли на смерть даяше.
И до конца дне он бѣ повелитель,
  в дѣлѣх извѣстных по воли правитель.
Но прежде тѣх дѣл жертвы приносил есть

благодарныя Дию и просил есть,
Еже и во пред Рим ему хранити,
противу врагом в пособие быти.
Потом народнѣ сам пиршествоваше,
царства велможы к себѣ призываше;
Но к тым же скоро посыла молити,
да не изволят на пир приходити,
Еже бы болшу не приити кому
и не преяти в той день чти[2] оному.
В конец торжества к людем исхождаше,
сребро за радость щедро раздаяше,
Иже весело ему восклицаху,
подобных торжеств и на пред желаху;
В домы отшедше, во книги писаша,
вѣком послѣдним память оставляша.
Сию же свѣтлость не всуе твориша, —
иныя вожды к рвению будиша.
И люди ратны: да сии ратуют
храбро, ови же умно вождествуют.

МЕСТЬ

Албоин лонгобардов краль жену имяше,
яже ся Росимунда по имени зваше;
Тоя отца Албоин нѣкогда убил есть,
из кости главы его чашу устроил есть.
Во нѣкое же время с женою пияше
и в той чаши вино ей пити подаяше,
Глаголя: „Пий весела с отцем, рождшим тебе,
от меча десницы ми не соблюдшым себе“.
Росимунда в обиду то себѣ вмѣнила,
отмщение творити в сердци положила.
Бѣ же в дворѣ лонгобард Хелмехилд реченный,
добротою лица си велми украшенный,
Мужь зѣло храбрый: той же дѣвицу любяше,

Росимундѣ служшую, еже она знаше.
И совѣща дѣвицѣ блудно с онѣм жити,
чесого елма дѣва не хотѣ творити,
Проси ю, да зовет и на мѣсто извѣстно,
сама с ним да пребудет, той отшедши лестно.
Сотвори дѣва тако, мѣсто показала,
на нем же Росимунда того ожидала.
Хелмехилд в нощи время приде, дѣвы чая, —
пребысть с Росимундою, кто бяше не зная.
Егда же, грѣх содѣяв, хотѣ отходити,
Росимунда, явлшися, ят слово творити:
„Или оглаголю тя кралю за се дѣло
и конечно лишится главы твое тѣло,
Или ти Албоина днесь да убиеши,
а с царством за супругу мене да поймеши“.
Он, окаянный, избра краля си убити
и со Росимундою в супружествѣ жити.
Шед убо уби краля, обагрил есть ложе
кровию его, — жена злобѣ допоможе.
Бывшу погребению, Росимунда тщится,
да злобник ону поймет и краль сотворится.
Лонгобарди вопреки тому дѣлу сташа,
Хелмехилда онаго за краля не взяша.
Она с ним совѣщаше из страны бѣжати,
злата, сребра доволство великое взяти.
И тако сотворивше, кораблем отплыша
морем и до Равенны тѣм града приплыша, —
Идѣже нѣкто Лонгин обладатель бяше
и приплывшыя гости всечестно прияше.
Жиша тамо убийцы, казни не прияша;
но зри, кую кончину жития си взяша.
Лонгин, видя прекрасну Росимунду быти,
к тому богатства зная, хотѣ с нею жити.
Нача ю, да погубит мужа, увѣщати:
„Благо — рече — со мною тебѣ ся счетати;

Будем бо Италии страною владѣти
и лонгобарды в нашей области имѣти".
А жена безумная зол совѣт прияла,
о смерти Хелмехилда тощно промышляла;
Уготова питие, отраву положила,
усмотрѣвши час на то, мужеви вручила, —
Иже пия познал есть смертну чашу быти,
похищь ону за власы, велѣ ей допити,
Еже оста во чаши, и мечем прещаше, —
она той же яд испи, аще не хотяше.
И тако отравою оба погибоста,
погубившая краля сама исчезоста,
А богатство многое в чюжди иде руки,
злыя же душы в люты отидоша муки.

ЖЕНА

Нин царь Семирамиду толико любяше
подложницу, яко же сам онѣй служаше.
Та, видящи плѣненна царя себѣ быти,
рече к нему: „О, царю, хощу тя просити
О вещь едину, токмо не могу дерзати,
да бы отречением срама не прияти".
Царь рече: „О, царице любезная зѣло,
ничто ти отреку аз, извѣсти ми смѣло".
Она лстивыя рѣчи нача глаголати,
ласканием царское сердце умягчати:
„О, царю прелюбезный, аще мя любиши,
едино прошение да ми исполниши.
Имам злата и сребра излише от тебе
и самаго ты еси мнѣ поручил себе,
Едины токмо вещы лишенна тобою,
но, молю, ты мя тоя сподоби собою.
Желание ми в сердцы во вся дни стужает
и возвеселитися право мнѣ не дает;

Хотѣние мя томит, да мя ты почтиши
и поне на един день царство да вручиши.
Да аз изиду явѣ царски украшенна
и от всѣх, яко же ты, да буду почтенна;
Велѣния моего вси да послушают,
слово абие дѣлом вси да совершают".
Царь слышав разсмѣяся и рече си слово:
„О, любезная жено, сие ти готово".
И абие повелѣ миру возвѣстити,
яко царь хощет жену свою воцарити.
И назнаменова день, вон же быти дѣлу,
тако Семирамиду сотвори веселу.
Приближившуся тому дни, царь завѣщает,
да всяк Семирамиды гласа послушает;
И аще бы кто дерзнул не послушен быти,
того, яко же врага, смертию казнити.
Приде день нареченный, мѣсто сготовася,
безчисленно множество народа собрася;
Изводится царица, честно посадися,
в царская облеченна, народу явися;
Вси ей поклонение, аки царю, даша
и привѣтство пречестно онѣй глаголаша.
Она повелѣния различна творила,
яко власть имущая, винныя судила.
Что либо велѣла есть, во всем послушаху
и слово ея дѣлом абие творяху.
По многих велѣниих — оле что дерзает! —
царя Нина связати воем завѣщает.
Сотвориша то скоро; — потом представити
себѣ повелѣла есть и обезглавити.
Послушливии раби слово сотвориша,
царя своего царства и жизни лишиша.
Тако зла подложница любовь возмездила,
воцаривша ю царя смертию казнила
И сама на престолѣ царстем утвердися.

Коварству злыя жены, читаяй, дивися
И вѣждь, яко нѣсть злоба под солнцем лютшая,
по свѣдѣтелству мудрых, яко жена злая.

КЛЕВЕТА

Во градѣ превелицѣ нѣкто царствоваше,
многими земли, страны славно обладаше.
Ему же даде господь супругу благую,
благочестным житием доброцвѣтущую.
Той умыслил святая мѣста посѣтити,
идѣже страда Христос поклон сотворити;
Восприем убо путь свой, странствие творяше,
а супруга во градѣ царственном осташе.
При ней же и брат царский, юный тѣлом, был есть,
иже не мало время доброчинно жил есть.
Елма же прият возраст, нача свѣрѣпѣти
и на красная лица женская смотрѣти,
А зане же царица зѣло красна бяше,
очы своя на ону часто обращаше,
И нача безвременно к онѣй приходити,
таже не убояся мысли си открити,
Что любовию ея велми палим бяше
и плотска сожития с оною желаше.
Царица удивлшися безстудствию его,
не яви лица ему весело своего.
И яла есть к чистотѣ словом увѣщати,
да бы не мыслил братня ложа оскверняти.
Он, посрамлен тогда быв, печален явися
и воздержен на нѣко время сотворися.
Но демону палящу паки его тѣло,
еще дерзнул к царицѣ приступити смѣло
И о нечистом дѣлѣ точнѣ глаголати, —
даже не зна царица, что с ним содѣяти.
Рече убо оному: „Имам на пирг ити,

во еже бы ся нѣчто тамо утѣшити;
Ты мене аще тамо един предвариши,
желаемое дѣло удобь получиши“.
Он с радостию иде и на пирг возшел есть,
ожидая царицы, на долзѣ сѣдѣл есть.
Она в той час лѣствицу велѣла отъяти,
да бы не ктому дерзал словом ей стужати.
Пристави же два раба оному служити
и двѣ дѣвѣ нуждная по вся дни носити,
Яже свыше вервием он к себѣ влачаше
и сосуды вниз тѣм же вервием спущаше.
Тако сѣдѣ цѣлое лѣто и другое,
даже царь возвратися во царствие свое.
Ему же близ пришедшу, царица мыслила,
да бы честь достойную царю сотворила.
Грады, веси и пути строити веляше,
сама во стрѣтение царское идяше
С боляры и велможи. Но и заключенна
царска брата содѣя тогда свобожденна, —
Иже предварь царицу ко царю течаше,
цѣлование ему достойное даше.
Царь, видя брата блѣда и во долгих власѣх,
непщева, яко болен бяше в многих часѣх;
Ят его о здравии плоти вопрошати,
худости и влас долгих хотѣ вину знати.
А зане же брат с царем на единѣ бяше,
на честную царицу клеветы вѣщаше,
Глаголя: „Яко жена не есть вѣрна тебѣ,
многи прелюбодѣи собрала есть себѣ;
С ними же ложе твое выну оскверняше
и мене на зло дѣло часто увѣщаше.
Но бояся аз бога, не хотѣх пребыти,
аще бы ми от нея и убиту быти.
Она, яко по воли мене не имяше,
на пирзѣ мене гладом и хладом томяше“.

Царь, услышав глаголы, вѣру брату ял есть,
царицу погубити во ум себѣ взял есть, —
Яже о бѣдѣ своей ни от части знаше,
во срѣтение царю радостно идяше.
И пришедши смиренно ему поклонися,
лобзание подати царю приближися, —
Иже, гнѣвом палимый, ону похитил есть
за власы и о землю люто ударил есть; —
Яже ели живая на земли лежаше,
ничто слыша слов мужа, ничто глаголаше.
И он в ярости блудом ону обвинил есть
и смертию казнити абие судил есть.
Призвав же рабы своя, велѣ восхитити
жену на колесницу, скоро овозити
В далекочюжду страну и смерти предати,
во еже бы никому о ней вѣсти взяти.
Раби царское слово дѣлом сотвориша,
вземше на колесницу, ону возложиша
И в далеку пустыню, бѣдну, отвезоша;
в ню же по мнозѣх днех егда приидоша,
Зашедше во глубину, хотѣша убити,
но сердца жену красну начаша любити;
Первие убо ону блудити хотѣша,
потом же погубити волю си имѣша.
И елма яша ону к земли полагати,
она к господу яла слезы источати,
Просящи пособия, да не оживится,
но точию от злых раб да не осквернится.
Егда же паки ону нудиша лежати,
она гласом велиим яла есть кричати.
В то время нѣкто силный близу пут течаше
и вопль сущий в пустыни во уши прияше.
Притек с людми, обрѣте борющуся жену
со скверными рабами, но не одоленну;
Мня разбойники быти, оны погубил есть,

а благочестну жену скверны свободил есть.
И зря благообразну, нача вопрошати,
да бы о случаи си хотѣла сказати.
Она достоинство си пред ним утаила,
да примет во рабу прилѣжно просила:
Токмо да не понудит в чистотѣ страдати,
а она вѣрно во всем хотѣ работати.
Велможа, видѣв бѣду, то ей обѣщал есть —
не прикоснутися ей — и с собою взял есть.
Пришед же в дом свой, женѣ по чину сказаше,
яко ту жену честну во рабу си взяше;
Жена, зрящи лѣпоту ея, удивися,
благонравию паче того почюдися.
Егда же дни доволны вѣрно им служаше,
божиим пособием всѣм любима бяше.
Князь убо со женою сына ей вручиста,
да наставляет его яко вѣсть, просиста;
Она того младенца тощно пѣствоваше,
здравие его паче своего храняше.
И о санѣ ни слова своем извѣстила,
но елико можаше в тайнѣ сохранила.
Присно же ко господу молбы возсылаше,
во бдѣнии и постѣ мнозѣ пребываше;
Ему же враг завидѣв, хотѣ спону дати,
да бы ю в супружество кому-либо взяти.
В то время в дворѣ князя брат его живяше,
иже воинску службу храбро совершаше.
Тому демон во сердце любовь к ней вложил есть,
иже ю в супружество прилѣжно просил есть;
Она всѣми образы ему отрицаше,
яко в чистотѣ жити имать, глаголаше.
Брат княжий разгнѣвався ял есть промышляти,
како бы отмщение женѣ той отдати.
Во едину убо нощь, егда утрудися
жена и с отрочатем спати положися,

Он во первосоние отрока заклал есть,
а ей спящей во руку нож держати дал есть.
Бѣдная, не знающи, что враг ей содѣя,
возбнувши, познала нож у руки своея;
Потом кровь отрочате многу ощутила,
страшным гласом абие мног вопл сотворила.
Тогда со свѣщами к ней мнози притекоша,
отрока закланнаго при ней обрѣтоша
И нож, во руцѣ ея держимый, узрѣша, —
ону заклавшу быти вси согласно рѣша.
Родители со страхом ту же прибѣгоша,
от жалости о сынѣ едва не умроша.
И враг, брат княжий, ту же абие явися,
аки не знаяй дѣло, на жену ярися:
Всяких мук достойную осуждая быти
и не престаше брата к тому приводити.
Но господь сердце его кротко сотворил есть,
о женѣ того дѣла никако мыслил есть;
Аггел божий во сердце его полагаше,
яко онаго врага то зло дѣло бяше.
Тѣмже не хотѣ жены на муки отдати,
точию умысли ю за море изгнати;
К корабленником убо слезную послал есть,
в чюждых ю оставити странах приказал есть.
Они, приемше жену, за море плаваху,
а зряще жену красну похотми горяху;
Наченше ей безстудно о том глаголати,
да бы ся не отрекла с ними пребывати.
Она, яко глас змиин, сей от них слышаше,
всячески неистовым себе защищаше;
Яша убо лютии плачущей претити,
яко, аще не ляжет, имут утопити.
Она рече: „Убийте или утопите,
точию плоти грѣшнѣй скверны не творите!".
Сквернии, елма ничто успѣти могоша,

на пустый остров нѣкий ону извергоша.
По нем же она хождши зѣло утрудися,
хладна сущи и гладна, спати положися.
Елма же уснула есть по молитвѣ мнозѣ,
с упованием цѣлым о господѣ бозѣ,
Тогда мати божия спящей ей явися,
ея же, яко солнце, лице просвѣтися,
И рече ей: „О, жено, много ты страдала,
да бы супружескую чистоту сдержала.
Отселѣ не имаши искусов прияти,
бог ти имать от всѣх враг свободу подати;
Обида и невинность твоя проявится,
а злокозниство врагов ти свѣтло обличится.
Собери токмо траву, яже под главою,
прокаженных будеши исцѣляти тою;
Тѣм художеством имать бог тя прославити
и пред лицем мужа ти здраву поставити“.
Возбудившися она, зѣло рада бяше,
с молитвою слезною траву собираше.
И рукава оною своя исполнила,
потом, во корабль вшедши, чинно усушила, —
Ибо в третий час на день корабль приближися,
правлением божиим к онѣй устроися;
Она корабленники яла есть просити,
да бы ю изволили в корабль свой впустити;
Они, видяще жену честну, сотвориша
милость с нею и в корабль, да плывет, впустиша.
Преплывши убо море, в град нѣкий вступила,
прокаженна травою тамо исцѣлила,
Потом и ины многи тою исцѣляше,
мало ея во винѣ пити подаяше.
Слава о ней велика вездѣ разширися,
даже и князю тому слышати случися,
Его же брат отрока при онѣй заклаше, —
той же враг проказою в то время боляше.

Хотя убо князь брата того исцѣлити,
посла рабы ту жену к себѣ умолити,
Яже по многих молбах в град его идяше
и в дом вниде, но никто оныя познаше.
Прием ю князь, начал есть прилѣжно просити,
да бы хотѣла брата его исцѣлити.
Она, богом правима, сице глаголаше:
„Исцѣления дѣло нѣсть то сила наша;
Бог врачь есть всемогущий, убо того требѣ,
да грѣхи своя скажет брат твой при мнѣ тебѣ
И при седми послусѣх, тогда исцѣлѣет;
без того врачба моя силы не имѣет“.
Князь брату слово ея скоро извѣстил есть,
а на исповѣдь его едва увѣстил есть.
Собравшымся убо всѣм, грѣхи сказоваше
многи, а о убийствѣ сына не сказаше.
Цѣлителница рече: „Вижду тя таити
грѣх нѣкий, того ради не могу цѣлити“.
Князь брата всеприлѣжно нача увѣщати,
да бы, ничтоже тая, потщался сказати.
Видя же, яко болный страхом держим бяше,
аще бы нань смерть мыслил, сказати веляше,
С клятвою обѣт дѣя, что имать простити,
о отмщении злобы никогда мыслити.
Тогда, вѣру ем, болный нача воздыхати
и многия из очес слезы изливати;
С покаянием сердца грѣх свой изъявил есть,
яко он княжа сына иногда убил есть,
Отмщая кормилицѣ, юже он любяше,
а она в супружество с онѣм не идяше.
Сей глагол князь услышав зѣло умилися,
изгнания честныя жены прослѣзися;
Жаль бѣ сына умерша, но одолѣваше
жаль, яко невинную жену он изгнаше.
Поплакав же час нѣкий, просил есть от жены,

да бы брат, еще и враг, был уисцѣленны.
Она по обычаю вином напоила
с травою и абие цѣлбу сотворила.
Вси возрадовавшеся, жену ту блажиша,
но о изгнаннѣй женѣ умилно тужиша.
Она же им рекла есть: „Печаль отложите!
Аз изгнанная вами, — бога похвалите,
Яко чрез мене, грѣшну, цѣлбу сотворил есть,
здраву мя на ту вашу нужду возвратил есть“.
Князь со женою слышав зѣло веселися,
да с нима пребывает, прилежно молися;
Многая ей богатства радостно даяху,
исцѣленному, да есть супруга, прошаху.
Но она рече: „Нѣсть лѣть того ми творити,
еще бо ми далече подобает ити“.
И почивши ту нѣчто, в путь свой запустися,
от князя же ей почесть многа сотворися;
Даров от них прияти никаких хотяше,
но цѣлѣнием болных в пути ся питаше.
И прииде во град свой, в нем же обитала,
но яко бѣ царица, никому сказала.
И тамо убо болных премного цѣляше,
даже глас ушес царских о ней дохождаше.
А в то время брат оный, ю оклеветавый,
близ смерти проказою бѣ изнемогавый.
Посла убо царь скоро жену пригласити,
да бы брата недуга того свободити.
Цѣлѣбница пришедши недуга смотряше
и о исцѣлѣнии надежду творяше,
Аще токмо изволит вся грѣхи явити
пред царем, яже ему случися творити,
Пред архиереем же и пред всѣм сигклитом,
и не тяжка бысть царю тѣм она совѣтом.
Царь убо рече брату вся грѣхи сказати,
нимало и о смертных страха содержати.

Собранным убо бывшым, грѣхи сказоваше,
но иже о царицѣ во сердцѣ держаше.
Цѣлѣбница рекла есть: „Нѣчто ты таиши,
от моего врачевства цѣлбы не влучиши“.
Царь прилѣжно ят брата о сем увѣщати,
да бы не боялся всѣх грѣхов си сказати.
Тогда он рече, слезы из очес пущая:
„Оле, беззакония моя суть тяжкая!
Аз невинну царицу разлучих с тобою, —
о царю! — яко она не пребысть со мною.
Аз, окаянный, ону умышлях прелстити,
а она никакоже хотѣ блуд творити;
Моею клеветою она погубленна, —
се великая злоба моя всѣм явленна“.
Царь услышав ят себе за власы терзати,
по лицу бити, „увы, увы!“ глаголати:
„Како аз без вопроса дерзнух осудити,
тако чистую жену живота лишити!
О, горе мнѣ, бѣдному! Имам отвѣт дати,
от царя небеснаго казнь люту прияти“.
Сицевая прогласив, к брату обратися,
о грѣсѣ и болѣзни его умилися.
И плакався доволно к цѣлящей вѣщаше:
„Потщися исцѣлити, — се брат вся сказаше“.
Она дала есть траву ему с вином пити,
и абие в здравие нача приходити.
И помалѣ времени весь здрав сотворися,
о нем же царь с боляры радостен явися.
Но слезы радость его полма преплетаху,
о невинной царицѣ из очес течаху, —
Что и боляре зряще умилно сѣдѣша,
о той же во печали превелицѣ бѣша.
То видящи царица слез не удержаше,
но яко струи воды из очес точаше.
Егда же вины тѣх слез от нея прошаху,

от словес ю царицу бывшую познаху,
Порядубо вся сказа, яже с нею быша.
Царь, егда ты глаголы от нея услыша,
Нападе ей на выю, нача лобызати,
прощения за грѣх свой, иже к ней, желати.
И в веселии мнозѣ хотѣ ю пояти
с собою, яко прежде с нею обитати;
Царь во супругу ону себѣ приимаше,
сигклит ю за царицу имѣти хотяше.
Но она ко епископу слово обратила:
„Вѣждь, отче, яко обѣт в скорбѣх сотворила,
Еже не ктому мужа до кончины знати,
но в иночестем чинѣ богу работати.
Аще убо обѣт сей ты мой разрѣшиши,
аз не буду виновна, ты же да узриши:
Бог истяжет от тебе за мене отвѣта,
за зло преступление моего обѣта;
Аще ся человѣком угоден явиши,
всяко разрѣшением бога огорчиши“.
То слышав, архиерей обѣт утвердил есть,
иноческия ризы на ню возложил есть.
И тако до конца си богу работаше,
его же пособием сохраненна бяше
От скверны и от смерти, — купно матерь бога
Марию прославляше за благая многа,
Яже ей в бѣдѣ бывшей матерски явила,
егда траву сказавши цѣлбы научила.
О, жены предоблия! Коль много терпяше
чистоты ради! — а бог ону соблюдаше.
Тако всѣм женам требѣ доблественным быти
и во нуждах чистоту не вредну хранити,
Паче нестерпимую смерть себѣ избрати,
неже осквернению плоть свою предати.

НЕБЛАГОДАРСТВИЕ

Филиппу Макидонску воин любый бяше,
иже в нѣкое время кораблем плаваше;
Случижеся кораблю сокрушенну быти
и воину живому ко брегу приплыти.
Его же македонин нѣкий в дом приял есть,
честно, угодно чрез дни три десят питал есть.
По сих во путь отпусти, дав доволно хлѣба
и чесого либо в путь бѣ ему потреба.
Воин с клятвами рече: „Елма с царем буду
бесѣдуяй, благих ти никако забуду,
Яже изволил еси ты ми сотворити,
бѣдника обнищавша обилно чредити".
Возвращжеся в отечество, к царю припущенный
и прежния милости онѣм сподобленный,
О корабли съкрушенном часто глаголаше
и плавание на дсцѣ свое поминаше.
О страннoприемцѣ же ни мало явил есть,
паче же пакость ему люту сотворил есть:
Ибо умолил царя, да ему дарует,
еже македоник ов село державствует.
О, треклята воина! Клятву преступил есть
и за благодать мужа злобу сотворил есть.
Но мало веселися, ибо вѣсть приял есть
муж ов о его злобѣ и к царю писал есть
Писание молебно, дѣло извѣщая
и како за благодать воин творит злая.
Царь прочет писание, велми удивися,
на неблагодарнаго мужа разъярися.
И познав его злобу, велѣ крѣпость дати
македонину, еже село си держати.
Воина же безчестно велѣ обнажити
и на плѣщѣх огненну печать положити,
Изображшу: „Се странник безблагодарственный!

Тако имѣния бѣ и чести лишенный“.
О, аще бы такия нынѣ знаменати,
не стало бы у купцев желѣз на печати!

ЛЕВ

Андрод раб нѣкоему господину бяше
и в бѣгство чрез пустыню от него вдаше.
Стрѣте его лев хромый, язву показуя,
терния изъятия от него требуя.
Андрод, приступив к звѣрю, терн острый изъял есть,
оток язвы очистив, ногу обвязал есть.
За то лев чрез три лѣта оному служаше
и во пещерѣ своей ловом препиташе.
Случися же нѣкогда из тоя изъити
Андроду и от сверстник своих яту быти, —
Иже господину си елма представся,
на снѣдь звѣрем в град Римский абие судися.
Но в то же время и лев ов бѣ уловленны,
на утѣху кесарю во Рим приведенны.
Егда убо бысть время ему ся тѣшити,
на снѣдь звѣрем бѣдныя люди изводити,
Первый на позорище Андрод поставися
и по случаю ов лев на него пустися,
Иже уврачеван им и сожитель бяше
во единой пещерѣ; лев же и познаше,
Начал есть ласкатися, к ногам припадати,
вмѣсто жестоты любовь древнюю являти.
То кесарь чародѣйство вознепщева быти,
повелѣ люта рыся на него пустити.
Рысь гладный вержеся нань, но лев защитил есть,
самого рыся вскорѣ мертва сотворил есть.
Тому кесарь удивлся, вины взискиваше
и, егда праведную Андродом познаше,
Живот ему дарова: судив право быти,

прощеннаго от звѣря кесарю простити.
Людие паки любовь ему проявиша,
кесаря, да Андроду даст лва, умолиша; —
Иже прием лва в градѣ в домы с ним хождаше,
подаяние злата и сребра взимаше.
Людие на смиренна лва цвѣты вергаху,
о вождѣ и водимом сице глаголаху:
„Сей лев бѣ человѣку в пещерѣ сожитель,
сей же человѣк лву бѣ сему исцѣлитель.
Оле чюдодействия! Лви ся покаряют,
благодарствие свое за милость являют“.

ЖАБЫ ПОСЛУШЛИВЫЯ

Брат нѣкий в обители смиренно живяше
и без прекословия началных слушаше.
Тамо близ бяше блато, во нем же живяху
многи жабы и воплем своим досаждаху
Молящымся иноком. Такожде случися
жабам кричати, егда жертва приносися.
Началник, не претерпѣв, инока послаше,
да велит им молчати ему завѣщаше.
Се же рече смѣяся, — а брат послушливый,
в правду посланна себе быти помысливый,
Иде к жабам и рече: „Именем Христовым
завѣщаю вам, жабы, не быти таковым.
Престаните отселѣ досадно кричати!“.
Оттолѣ гласа тамо жаб не бѣ слышати.
Нынѣ же человѣци во церкви стояще,
молбы си при безкровной жертвѣ приносяще,
Многим глаголанием досады творяют;
речеши ли молчати: никако слушают,
Еще огорчившеся хулят иерея,
обличения злобы не любят своея.
Наипаче сокочут язычныя бабы,

досаждающе паче, неже овы жабы.
Тщитеся убо, бабы, жабы подражати,
во время жертв духовных глас свой удержати!

ИКОНА БОГОРОДИЦЫ

Иконописец нѣкто благочестив бяше,
ко матери божией любовь соблюдаше.
Обыкл же образ ея прекрасно писати,
а демона под ноги ея полагати,
Скаредно писаннаго, — за что разъярися
враг и жестоко ему претяй появися,
Обѣщая велику пакость сотворити,
аще не престанет и тако скаредити.
Зограф же врагу рече: „Аз тя не боюся,
паче скаредство твое явити потщюся“.
Исчезе демон с гнѣвом. По том случай бяше, —
зограф образ дѣвыя на стѣнѣ писаше
В храмѣ нѣкоем, — тамо не забы явити
и скаредства вражия под ноги вмѣстити,
Изображая, яко та есть она жена,
ею же змия того бѣ глава сотрена.
Враг, не терпя досады, хотя и свалити,
потщася вся подставы древяны ломити.
Тым убо падающым, зограф он смутися,
но божией матери молебно вручися.
И простре образ руку, мужа похищая,
от падения смертна чюднѣ свобождая.
Падоша вси подставы, зограф же висяше,
держим рукою дѣвы. Оле чюдо бяше!
Что видяще людие, подмост пристроиша,
зографа кромѣ вреда к земли низпустиша,
А Христа бога матерь честно величаху,
содѣянное чюдо миру возвѣщаху,
Демонския же козни в конец обругаша, —
его же падению винна быти знаша.

ПОГРЕБЕНИЕ

Симонид рифмотворец по мори плаваше;
егда у пристанища нѣкоего сташе,
Обрѣте тѣло наго, земли не отдано, —
взем е, сотвори быти в ямѣ закопано.
Обноществовав тамо, видѣ погребенна
человѣка собою, во снѣ си явленна,
Глаголюща то к себѣ: „Се тя увѣщаю,
утром да не плывеши: — милость ти воздаю“.
Возбнув Симонид, начат сон той разсуждати,
вѣру поем, не хотѣ от брега отстати.
Инии смѣющеся от брега отплыша
и, возвѣявшей бури, потоплени быша.
Видящу Симониду, тако возплатися
соблюдением милость, яже сотворися.
Он же в горницѣ нѣцѣй вечерю ядяше,
от предстоящих людей сие слово взяше:
„Се у врат два юноша на долзѣ толцают,
да изыдеши скоро, тебе призывают“.
Он не вѣдый кто бяше, изшед соглядаше
и се ни единаго мужа обрѣташе.
А в то время горница она повалися
и кто либо в ней бяше до смерти убися.
О чюдо! Егда кого вышний соблюдает,
не обычными средствы от смерти спасает.

КЛЯТВА ВО ЛЖУ

Купец нѣкто богатый во градѣ живяше,
но, расточив богатство, зѣло обнищаше.
Сей, пришед к жидовину, у него просил есть
взаим сребра на куплю, жид не отвратил есть
Лица от просящаго; токмо ему рече:
„Даждь ми залог на сребро, добрый человѣче“.

Купец отвѣща ему: „Не имам что дати,
но споручника дам ти, ты изволи взяти, —
Споручника же велми честна и благаго,
дам Николая тебѣ отца пресвятаго“.
Жидовин рече: „Слышу того мужа быти
праведна, ни обыкша никого же лстити;
Споручению его хощу вѣру яти
и тебѣ взаим сребра яко требѣ дати“.
Совѣщавшася убо в монастырь идоста,
в храм свята Николая оба приидоста.
И внегда пред образом его има стати,
купец он христианин ял есть глаголати:
„Олтарь, пред ним же стою, и отца святаго
Николая даю ти, яко праведнаго
Споручника за сребро, — яко ти воздати
имам в день нареченный, а никако лгати“.
Жид на глаголы сия сребра ему дал есть,
он тѣм благополучно куплю содѣял есть;
Пособием божиим богат сотворися,
скоро нужда нищеты бывшия забыся.
Пришедшу же дни, вон же долг нужда воздати,
моли купец ов жида, еже еще ждати.
Жид три краты оному время продолжаше,
а он в сердци лукавый умысл соблюдаше.
Напослѣдок, егда жид оному стужал есть,
он со клятвами рече, яко долг отдал есть.
Жидовин пред судии онаго призваше
и суда правдиваго на лживца прошаше.
Судии жидовина судом оправдиша,
да купец сребро отдаст, чинно присудиша,
Или да клятву дѣет, яко долг отдал есть; —
Он сие средство, точнѣ и жид, восприял есть.
В день убо уреченный мнози ся стекоша,
с купцем и с жидовином в монастырь идоша.
Купец же злокозненный жезл свой издолбаше

и вонь цѣну во златѣ за долг вложил бяше.
Егда убо нужда бѣ клятву содѣяти,
дал купец жидовину жезл свой подержати,
Да тако правда будет, яко отдал ему,
яко взаим дателю что должен своему.
Жидовин жезл со златом в руках си держаше,
о козни купца того ниже помышляше;
Оному, жезл держащу, клятву сотворил есть,
купец пред Николаем лютѣ согрешил есть.
По клятвѣ паки жезл свой от жида прияше,
тако не во лже клятву быти непщеваше.
И с многим веселием в дом свой возвратися,
но не долго о лести своей веселися, —
Ибо жид он к святому рече Николаю:
„Рабе божий, аз тебе споручника знаю,
Не лживому аз купцу ях вѣру, но тебѣ;
буди убо прав нынѣ, воздаждь еже требѣ“.
А в то время купец той в дом ся возвращаше
и, на пути быв, тяжким сном одолѣн бяше,
Его же не претерпѣв спати положися
на распутии, ничто того устранися.
Тогда же колесницу волове тягнуша
тяжку зѣло и спяща мужа не минуша.
Нашедше нань бременем, лестца умертвиша
и жезл, при нем лежавший с златом, сокрушиша.
Он окаянно издше, злато источися, —
то видѣти путником многим прилучися,
Иже судиям града вѣстно сотвориша.
Тии, пришедше к трупу, зѣло ся дивиша
Скорой мести божией и злато то взяша,
жиду таможь притекшу все цѣло отдаша.
Жид абие в монастырь путь скорый приял есть,
святому Николаю благодарство дал есть,
Глаголя: „Отче правый, благодарю тебѣ,
яко правду сотворил во моей потребѣ:

От споручения ты нынѣ свобожденный,
ибо долг ми тобою цѣло возвращенный.
Имам тя яко раба аз господня чтити
и правдотворение повсюду славити.
Аще же ину милость можеши явити,
со всѣм аз домом имам христианин быти, —
Аще того мертвеца жива сотвориши,
во Христа мя вѣрити чюдом наставиши".
Сия ему изрекшу, люди приидоша,
о востании мертва вѣсти принесоша.
По них и сам оживый с многими слезами,
пришед, паде святому отцу пред ногами,
Пред образом онаго усердно рыдая,
прощения лжеклятвы от бога желая.
Плакав доволно, с жидом онѣм примирися,
о лукавом дѣлѣси явѣ обличися.
Жид, тѣм чюдодѣйствием бывый удивленны,
потщася со всѣм домом си быти крещенны.
И тако единаго мужа падение,
другому устроися богом в спасение,
Иже убо, яко же в жидовствѣ тверд бяше,
тако во христианствѣ доблестно живяше,
Имѣя в защитника Николая себѣ,
ему ся поручая во всяцѣй потребѣ.

БОГ ВСЕВИДЕЦ

Муж страннолюбец в сию злобу впаде, —
близка сосѣда свинию украде.
Посем Христос бог оному явися,
в нища власата, странна претворися,
Желая его умиленным гласом,
еже стриженным быти себѣ власом.
Страннолюбец же в любви и приял есть,
власы острищи сам ножицы взял есть.

Начен же стрищи, к заду главы прииде
и ту двѣ оцѣ свѣтлѣ зѣло видѣ.
Страхом одержим, к странну глаголаше,
каково чюдо сие, — вопрошаше.
Странный мужь к нему милостивно рече:
„Знай мя ты быти Христа, человѣче,
Иже отвсюду тайны созерцаю,
зрѣнием моим бездны проницаю;
Тѣма очима аз видѣх с небеси,
егда свинию ты чюжду крал еси
И гдѣ заключи в ямѣ устроеннѣй, —
вся ми суть вѣстна во всей странѣ земнѣй“.
Сия извѣстив, не увидим бяше,
страннопериимец о грѣсѣ ридаше.
Виждь, читателю, яко бдѣнно око
божие видит и что есть глубоко.
Тѣмже и в тайнѣ зла да не твориши,
завѣт господень выну да храниши.

КАЗНЬ ЗА СОЖЖЕНИЕ НИЩИХ

Епископ Могунтийский нищих не любяше,
туне ядущы мышы оны нарицаше.
Егда же глад во странѣ велий сотворися,
тогда число убогих велми умножися.
Он нищененавистник скупством держим бяше,
от демона лукавый совѣт восприяше;
Собра нищих множество в житницу пространну,
милостину сказуя им уготованну.
Егда же собраннии от глада стеняху,
от него хлѣба в пищу умилно прошаху,
Рече ко рабом своим: „Се воплствуют мыши, —
восхити кождо пламень, тыя да палиши“.
Раби житницу с тѣми нищими спалиша,
велѣние безбожна мужа исполниша.

Но злому дѣлу зла казнь богом сотворися:
нечестивый епископ червми расточися;
И гдѣ либо на стѣнах имя его бяше,
дивнѣ род мышей того писмо истребляше, —
В знамение извѣстно, яко бяше тое
из книг жизни истренно имя проклятое
И душа примерзкая яко в ад вержеся,
червием неусыпным ко снѣди дадеся; —
От праведна судии прав суд сотворися.
Сия слышай, ко нищым милостив творися,
Да господь нищых милость свою явит тебѣ
и питает тя хлѣбом жизни здѣ и в небѣ.

КАЗНЬ СЫНУ ЗА ОТЦА

Отец нѣкто изрядно сына воспиташе,
женѣ его сочетав, наслѣдие даше.
По малѣ обнищав сам, нача приходити
в дом сыновень, еже бы алчбу утолити.
Питаше кратко время сын отца своего,
потом нача косвенно смотрѣти на него.
И ял есть бобом токмо онаго питати,
сам же сластная тайно с женою кушати.
В един день убо отец к нему прихождаше,
а он печена пѣвня с женою ядяше;
Сын восхитив то брашно во скров сохранил есть,
отцу по обычаю бобы представил есть, —
Иже насыщся иде, идѣже бѣ требѣ,
а сын потщася взяти ово брашно себѣ.
Прииде к скрову, и се иже сохранися
пѣтел на снѣдь во жабу страшну преложися
И в ненасыщенныя злаго мужа очи
и на лице безстудно неизбѣжно скочи;
Ему же тако силно чревом прилѣпися,
даже никим образом того отлучися.

И тако всескаредно на лици лежаше,
то гризущи, ядом си всего исполняше, —
Даже от того яда оному умрѣти.
Кайтеся, нечтущии родителей дѣти!
Инии пишут, яко бысть ему ослаба
за слезы: прежде смерти отпаде та жаба.

КАЗНЬ ХУЛЫ

В еретичестей странѣ жена една бяше,
яже во рождении болѣзни страдаше.
Стекошася другини, в них же бѣ едина,
яже чтила есть матерь бога отца сына.
Та раждающей рече: „Аще ся вручиши
дѣвѣ Марии, помощь скорую узриши“.
Она скверными усты хулу отригаше,
дѣву чисту именем свинии назваше,
Глаголющи: „Не хощу свинии призвати,
не имам ся во вѣки аз онѣй вручати“.
Оле скверная уста! Что не онемѣста,
како толику хулу глаголати смѣста!
Но не стерпѣ ей господь буйства изреченна,
ибо блядословица тужде бысть казненна:
Ибо в мѣсто младенца прасята родила,
черная и мертвая; — тѣмже ся явила
Сама быти свиния, мерзкая душею,
и вепрь адский живяше в супружествѣ с нею.

ДАРОИМСТВО

Судия нѣкто дароимец бяше,
от прю имущих дары восприяше;
Сосуд елея взя от единаго,
а вепра тучна прия от другаго,
И сего судом своим оправдил есть,

онаго паки винна сотворил есть.
Пришедшу же в дом иже елей дал есть,
судия кривый сице отвѣщал есть:
„Прости мя, — рече — забых благодати,
яко ты елей изволи ми дати.
Вина же тому вепр питанный бяше,
иже вшед в дом мой елей пролияше“.
Оле судии! Ниже усрамися,
яко от правды вепром отлучися.

ПИЯНСТВО

Человѣк нѣкий винопийца бяше,
мѣры в питии хранити не знаше,
Тѣмже многажды повнегда упися,
в очию его всяка вещь двоися.
В едино время прииде до дому
и вся сугуба зрѣшася оному.
Имѣ два сына, иже предстояста
ему четыри во очию стаста.
Он нача жену абие мучити,
да бы ей правду хотѣла явити,
Когда два сына новая родила
и с коим мужем она приблудила.
Жена всячески его увѣщаше,
вино виновно быти сказоваше.
Но он никако хотѣ вѣры яти,
муку жестоку нача умышляти;
Взял есть железо, огнем распаляше,
ко женѣ бѣднѣй жестоко вѣщаше:
„Аще ты инѣм мужем не блужденна,
сим не будеши огнем опаленна;
Аще же с инѣм блуд еси творила,
имать ожещи тя огненна сила“.
Бѣдная жена в лютѣ бѣдѣ бяше,

обаче умно к нему глаголаше:
„Рада желѣзо огненное взяти,
невинность мою тебѣ показати,
Токмо потщися своею рукою
подати оно ты на руку мою“.
А все желѣзо распаленно бяше,
чесо пияный во ум не прияше.
Ятся желѣза, лютѣ опалися,
болѣзни ради в малѣ отрезвися.
И се два сына точию видяше,
невинность жены, свою вину знаше;
Срамом исполнен, во печали был есть
и прощения у жены просил есть,
Тако пиянство ум наш помрачает; —
всяк убо того вѣрный да гонзает.

ЧАДОМ БОГАТСТВ НЕ ОТДАЯТИ

Нѣкто богат муж двѣ дщерѣ питаше
и в супружество чинно сочеташе,
Яже ко отцу любовь проявлястѣ
и воли его зѣло угождастѣ.
Егда же в старость вѣка прихождаше,
глагол от нею сицевый слышаше:
„Отче любезный, изволи внимати,
еже мы хощем тебѣ глаголати.
Кровь твоя есмы, не можем терпѣти,
в печалѣх тебе, сердце наше, зрѣти.
Пристиже время в покои ти жити,
по трудѣх многих сладостно почити.
Сам вѣк старости тебѣ досаждает,
егда недуги в тѣлѣ умножает, —
В них же что ино требѣ помышляти,
точию к смерти себе готовати,
Да та обрящет совѣсть очищенну,

а не прелестми мира помраченну, —
Не в сокровищѣх сердце лежащее,
но любовию к богу горящее,
Еже не может ко богу горѣти,
аще кто богатств не хощет презрѣти:
Та бо ко земли сердце низвлекают,
горѣ лѣтѣти никако пущают.
Всяко отсѣщи она подобает,
кто с богом жити в небеси желает;
Нищих есть царство, — господь глаголаше,
а не богатым оно обѣщаше.
Годствует убо, отче наш, и тебѣ
нищету взяти, да будеши в небѣ.
Раздажд все злато, яко подобает,
да твоей души оно не стужает;
Возверзи печаль на юныя люди,
сам до кончины в покои пребуди.
Супрузи наши могут ся труждати,
мирское бремя за тебе двизати;
Оным богатство твое да вручиши,
промысл изрядный оком ти узриши.
Мы же ти хощем всеработны быти,
по твоей воли до конца служити.
Бог сердцевидец сих глагол свидѣтель,
не правдующым он буди отмститель".
Сладкий глагол сей старца умягчает,
всездравый совѣт быти помышляет.
Хотя в покои в старости пожити
и о блаженствѣ вѣчном помыслити,
Пригласи зяти, умысл изъявил есть,
злато и сребро оным поручил есть.
Зяти же злато с радостию взяша,
всяко доволство ему обѣщаша.
И чрез нѣкое время почитаху
сами и жены ему угождаху.

Потом же старец много лѣт живяше,
паче нежели сердце их желаше.
Тѣмже начаху его презѣрати
зяти и дщери и не угождати;
Не яко отца ктому почитаху,
но аки чужда нищаназираху.
Прииде старец во раскаяние
за богатств своих им раздаяние;
В мѣсто покоя в скудости живяше,
честную старость в слезах провождаше.
Но зане мудр бѣ — хитрость сотворил есть,
старый юныя всечюднѣ прелстил есть.
Во нощь едину не усыпен бяше
в своей коморѣ, в ней же обиташе;
Возжег свѣтилник, цатою бряцаше,
юже едину или двѣ имяше.
Бряцая паки приложи считати,
еже бы зятю и дщери слышати;
Начита много, набряца толико,
аки имѣяй богатство велико.
Ковчег же велий пѣском исполнил есть,
замки крѣпкими, хитрец, утвердил есть;
Зять же с дщерию глас звука слышаша,
еще богата отца помышляша.
Тѣмже в день утрый отца присѣтиша,
о неспании вины вопросиша.
Он даде отвѣт: „Потщахся считати
останки злата и хощу отдати
Тому, иже мя довле препитает
до конца жизни, — ин же да не чает;
Отдах бо части, яко подобало, —
сие тому, кто схранит мя, остало“.
Они повнегда сия услышаша,
отца доволно чредити начаша;
Едина другу сестру предваряше,

зять зятя паче службу проявляше:
Вси злата хотят, старца учреждают,
на ковчег тяжкий очы обращают.
Таже скончася старец умудренный
и зѣло честно от чад погребенный.
Посем пришедше ковчег отверзоша,
пѣсок — не злато — в онѣм обрѣтоша
И верху того велику палицу,
сице чертанну к родителей лицу:
„Чесо говѣйность не може створити,
к тому лакомство вѣдѣ убѣдити.
О, родители, чадом не вручайте
всѣх богатств ваших, сами обладайте;
Лакомство бо их хотяще заткати,
вину злым многим имате подати.
Образом моим вси ся накажите,
буии, раны палицы страждите“.

ЗАВѢТ

Домовит нѣкто живот временный лишаше,
призвав сыны, к ним слово сие глаголаше:
„Возлюбленная чада, се вы оставляю,
а где есть сокровище мое извѣщаю:
В виноградѣ закопах. Того вы ищите,
а мене отходяща во ин вѣк простите“.
То изрек преставися. Погребше и чада,
с мотыками идоша на труд винограда.
Воскопаша и вездѣ, но не обрѣтоша
искомаго, — лозы же плод мног принесоша,
Иже елма собрася, много сребра взяша
и то быти реченно от отца познаша.
Тѣмже яша на всяк год виноград копати, —
не в земли, но от трудов сокровищ искати.

ВДОВСТВО

Закон естества вдову поучает,
да ся от сластей всяких удаляет.
А в благодати мертва та зовется
вдовица, яже сластно питается:
Сласть бо грѣх родит, иже умерщвляет
душу; тако смерть душевна бывает.
Вредно есть вдовѣ много раб имѣти,
часто на тыя весело смотрѣти;
Найпаче, иже красно устроени,
брад не имуще, власы утрефлени:
Лица их стрѣлы во сердце пущают,
неопасную вдову уязвляют.
И дѣвы красны, яже живут с нею,
дух красотою лстят ея своею.
Елма бо оны женихов желают,
между собою дерзостно играют; —
О тѣх их пѣсни, о тѣх всяко слово,
а вдовы сердце любити готово.
Срам возбраняет любве изъявляти,
а в персѣх пламен — нужда есть страдати.
Аще дѣвицу в супружество дает,
сама во тайнѣ мѣстѣ воздыхает;
Не реку плачет, тако бо явится
слезами, еже во сердци таится.
Глаголет вдова: „Мужа не желаю,
до смерти тако уже пребываю“;
Но не есть твердо сие ея слово,
сердце жениха любити готово.
Славится токмо, да во чести будет,
но сей цвѣт славы не долго пребудет.
Егда бо жених лѣпый проявится,
абие ему в область поручится,
Повержет вдовство, волит быти мати,

неже едина в ложи почивати.
Сия о юных вдовах провѣщаю,
о старых ино слово помышляю.
Обаче может и во юных быти,
яже до смерти хощет в вдовствѣ жити;
Сицевой велми блюстися есть требѣ,
зазора в людѣх да не стяжет себѣ.
Едва бо не вси обыкли зазрѣти
хотящей выну без мужа сѣдѣти;
Что яст и пиет, камо, како ходит
зрят и с коими лицы дружбу водит;
Мало от чина, то вси осуждают
и что не бяше миру оглашают.
Тѣмже, о вдово, всесохранна буди
от дѣл таковых, яже блазнят люди.
Не имѣй раба красна пред тобою,
ни в красну ризу одежди плоть твою;
В домѣ ти пиров да не сотвориши
и на чуждыя да не участиши;
Гусли ушию да не услаждают,
очы на землю твои да смотряют;
Ягодиц твоих да не румяниши,
бровей не черни, лица не бѣлиши, —
Вся бо сия суть страсти буждение,
наводящая всѣх осуждение.
Аще начнеши вина довле пити,
трудно можеши чистоту хранити; —
Вино бо мужы святыя прелщает
и дѣвы в жены удобь претворяет.
Трезво, смиренно буди тебѣ жити,
аще хощеши в чистотѣ пребыти.
Блуднаго весма опасися ока,
да кромѣ всяка живеши порока.
Молитва тебѣ выну подобает
и дѣло благо, еже рука знает.

Жилище твое яко церковь буди,
 мало да видят по стогнам тя люди;
Честныя вдовы тя да окружают,
 дѣвы чистыя ти да работают; —
Да гнило слово от них не слышится,
 но „слава богу“ всѣми да гласится.
Тако в цѣлости вдовство сохраниши,
 за чистоту мзду в небѣ получиши.
И у человѣк добрѣ прослывеши,
 правая вдова реченна будеши.

ЖЕНИТВА

Человѣк, иже мудрость от бога прияше,
 о ней же во юности труды полагаше,
Аще восхощет жену в супружество взяти,
 нужду имать мудрости тщету восприяти, —
Ибо не будет мощно с книгами сѣдѣти,
 удалит от них жена, удалят и дѣти.
Епикур, аще лютый сластолюбец бяше,
 обаче женитися мудрым возбраняше.
И Феофраст в книзѣ си того возбраняет,
 препятие мудрости женитву вѣщает.
Ей, не удобно книги доволно читати
 и хотѣние жены в домѣ исполняти!
А коль многи потребы жена вымышляет,
 кождо оженивыйся совершенно знает.
Ризы драгоцѣнныя, бисери и злато
 промышляй, супружниче, да имать богато.
Одѣяния нова часто вымышляет,
 на своя угодия весь дом истощает,
Рабынь хощет имѣти много украшенных,
 в колесницах яздити драго позлащенных, —
Раби да послѣдуют, вси да почитают,
 камо ли двигнется, да ю провождают.

А утружденну мужу не даст обнощь спати,
в ложи обыче ему о нуждах стужати;
Ту жалостнѣ глаголет, мужа укоряет,
аки о ней не добрѣ в нуждах промышляет;
Инѣх мужей во образ супруги приводит:
„Се она краснѣй мене одѣянна ходит,
Ову же вси людие зѣло почитают,
а мене, за тобою сущыя, не знают“.
К сим ревнивая жена обыче стужати:
„Что ты на ону жену любиши смотряти
И что со рабынею ты глаголал еси?
Гдѣ был еси в гостинѣ, то ми да повѣси“.
Из торжища грядуща гнѣвно вопрошает:
„Что принесл еси?“ — Аще ни, то лютѣ лает.
В гости аще пустиши, то обыкнет пити;
аще же не пустиши, не хощет и жити:
„Увы ми! — возопиет. — Коль есмь не блаженна,
за злым мужем, от добрых другин отлученна!“.
Сия и подобная досадно страдати,
а злыя измѣнити нѣсть лѣть и продати.
Аще поймется нища, — в питании скудность;
аще богата, — нравы претерпѣти трудность.
Хощет бо да на ону выну свѣтло зриши,
красоту лица ея и нравы хвалиши;
Аще на ину когда возрѣти случится,
то, аки презрѣнная, велми оскорбится.
Честным именем выну хощет звана быти
и праздник именинный на всяк год хранити,
Да о здравии ея весело пиеши
и наслѣдницу богатств ону содѣеши,
Да желаеши онѣй по тебѣ остати,
все имѣние твое во область прияти.
Хощет, да отца ея и рабыню чтиши,
а кормилицѣ ея и дары носиши;

Кого-либо возлюбит, и ты да любиши,
по хотѣнию ея присно да ходиши.
Аще дом ей вручиши, за нос возмет тебе,
аще же не вручиши, мнит презрѣну себе.
И тако к ненависти тебе обратится,
весь твой дом возмутити свары устремится;
Аще не потщишися скоро примирити,
дерзнет о смерти твоей промысл сотворити.
Аще ризами ону свѣтло украсиши,
многих очи на ея лице обратиши,
И она разгордѣет: ту бѣдство творится,
чистота ея в скверну да не претворится.
Аще же красны ризы женѣ отречеши,
ропот, свар и котору ея понесеши.
Негли же потщишися ону соблюдати,
не устрежеши, аще хощет ины знати;
Не вѣрный чистоты стражь свое на ню око
впустит и чрез забрало, хотя есть высоко.
Не соблюдеши, аще сама не блюдется;
ей же лѣть, но не хощет, — чиста та зовется;
Красна ли: то многими любима бывает,
не лѣпа ли: то сама лѣпых лиц желает.
Любиму же от многих трудно сохранити,
а никому годныя же удобь любити, —
Обаче скорбь меншая нелѣпу имѣти,
неже лѣпыя нравы срамныя терпѣти.
Велие бѣдство тамо, гдѣ мнози желают.
и различными козньми жену оболщают;
Не лѣть есть во цѣлости той стенѣ стояти,
на ню же тщатся от всѣх стран навѣтовати.
Суть и ина многая в супружествѣ злая,
яже ты, человѣче мудрый, добрѣ зная.
На покойное мѣсто ко книгам склонися,
кромѣ бѣд супружества вѣк твой жити тщися.

СТАРОСТЬ

Лакон нѣкто, сѣдыми власы украшенный,
от юных человѣк бяше вопрошенный,
Вскую браду пространну любезно держаше
и множицею на ню очы обращаше, —
Рече: „Того ради ю держу и смотряю,
да видя в ней сѣдины присно поминаю
Ничтоже не достойно тѣх сѣдин творити,
но тщуся, яко лѣпо мужу стару жити“.
Слышите то, старии, старость почитайте,
ничто вам неприлично и на ум пущайте,
Найпаче таковых дѣлес не творите,
яже старости вашей нечестна узрите.

ДѢВА

Срам честный лице дѣвы украшает,
егда та ничесоже не лѣпо дерзает.
Знамя же срама того знается оттуду,
аще очес не мещет сюду и онуду,
Но смиренно я держит низу низпущенны
постоянно, аки бы к земли пристроенны.
Паки, аще язык си держит за зубами,
а не разширяет ся тщетными словами;
Мало бо подобает дѣвам глаголати,
много же к чистым словом уши приклоняти.

ЛАКОМСТВО

Екклисиаст богатство немощь именует,
яко всяк негли богачь выну недугует
Болѣзнию лакомства, — яже всего томит,
держателя си мучит, разслабляет, ломит.
Мучатся богатии, во-первых, главою,

ибо выну печални пребывают тою,
Безчисленными мыслми ону удручают,
да выну злато, сребро в ковчег прилагают;
Дручатся промыслами, како я щадити,
да бы сохраненнаго ни мало изжити.
Еще и очима си тии болѣзнуют,
иже лакомо злато сокровиществуют;
Не могут бо оныма на нищих взглядати,
воеже бы просящым ничесоже дати, —
Яко богачь Лазаря никогда смотряше,
иже пред домом его при вратѣх лежаше.
Недугуют и слухом, не могут слушати,
обыкоша ушеса своя отвращати
От просящих милости; всуе стенание
пред ними пущается и воздыхание.
Не слышат гласа сирых и вдовство терпящих,
ни вредами тлѣющих, на гнои лежащих;
Едино речение „на!“ могут слышати,
а еже „дай!“ во уши не любят впущати;
Умѣют же добрѣ „дай!“ усты прорицати,
а еже „на!“ никогда хотят глаголати.
Оле болѣзни злыя, творящыя глухи
люди, не врежденныя имущыя слухи!
Недужни и гортанем; тому бо худшая
пищь дают, а за сребро продают лучшая:
Паче ковчеги любят богатством полнити,
нежели чрево свое благо учредити.
Болѣзнуют и сердцем; то бо озябает,
егда в ковчезѣ с хладным златом пребывает;
Не в теплых персѣх сердца их суть утверждення,
но с сокровищем — увы! — многим погребенна.
Недужны имут руки, пребѣдно согбенны,
на даяние нищим зѣло разслабленны.
Томит болѣзнь и ноги, ибо ты не знают
во дни, в нощы покоя, но всегда бѣгают

По всѣм путем, еже бы прибыток имѣти.
О, коль много лакомым нужда бѣд терпѣти!

ПОСОБИЕ

1

Егда нужду ближняго твоего узриши,
пособие скорое ему да твориши.
Не зри, яко инии онаго лишають, —
обрѣтеннаго злата буии не знают.
Ты, яко злато первый тщал бы ся подъяти,
ни потерпѣл бы иным к тому тя варяти, —
Первый тщися во нуждѣ ближним пособити,
за то изволит господь тя благословити;
Будет во нуждах твоих сам помощник тебѣ
и подаст возмездие в златосвѣтлом небѣ.

2

Плиний о слонѣх то нам повѣдает,
яко аще слон во яму впадает,
Друзии слони вѣтви древ вметают,
пѣсок рыюще во яму всыпают,
Да тако яма земли уравнится
и впадший в ону удобь свободится.
Оле чудесе! Во звѣрѣх колика
любы! Кто бы дал, да бы в нас толика,
Во человѣцѣх, любов могла быти,
да бы друг другу тщался пособити!
Но — увы! — преко в нас ся обрѣтает,
яму друг другу, да впадет, копает
Или впадшаго засыпати тщится,
да никогда же бѣды свободится.
Что же за сие приимут от бога? —
Во адстей ямѣ мучения многа.

3

Корабелници, егда преплавают
пучину моря, аще усмотряют
Иныя в бѣдствѣ тонения быти,
всячески тщатся оным пособити.
Прибытков своих тогда не смотряют,
удержат корабль парус низпущают;
Верви подают, да бы ся имати
тонущым за ня, а не погибати;
Дски и древеса различна вергают,
елико могут помощь сотворяют.
Сия комуждо требѣ подражати,
егда ближняго видит утопати
В глубинѣ грѣхов; вся лишити дѣла
мирска достоит, да бы друга цѣла
Соблюсти богу. Си любовь правая,
вѣрным полезна, богу любезная.

ЧЕСТЬ

Родителей на сына честь не прехождает,
аще добродѣтелей их не подражает.

Лучше честь собою комуждо стяжати,
нежели предков си честию сияти.

ЧАРОДѢЙСТВО

В немощи к чародѣем иже прибѣгает,
яд пия, не врачевство, душу убивает.
Или во огни ищет безумник прохлада, —
погибель ту извѣстна, ни мала отрада.
Кто видѣ волка овцу зубами цѣляща
или лва гладна в зубах часть мяса щадяща,
Той и от чародѣев может ожидати,

яко лѣть помощь в скорби недужным прияти.
Не лститеся, братие! Демон не желает,
да кто от правовѣрных здрав долго бывает.
Хотѣл бы он в един час вся ны поморити,
аще бы аггел божий престал нас хранити.
Аще же видится вам нѣчто помогати,
лстит вы, да дерзаете болше согрѣшати.
На мал час пособствует, да уморит вѣчно,
душы вринет в езеро огнем безконечно.
Бог врачь есть всеистинный, к нему притекайте,
а естественных врачевств не пренебрегайте, —
Ибо естества средствы он ся не гнушает,
но чрез та силу свою мирови общает.
Не право убо дѣют, иже обхуждают
врачевства художество и врачы хухнают.
Бог врачы и врачевство в ползу сотворил есть,
а от чаров пособство проклято судил есть.
Лучше убо от скорби вѣрным умирати,
неже бабы, шептуны в помощь призывати.
Тако бо отходящым спастися удобно,
а от шепт спасение никогда подобно.

АКАДЕМИЯ

Платон философии идѣже учаше,
Академия то ся мѣсто нарицаше.
Трус земли тамо часто обыче бывати,
учившымся мудрости страх мног содѣвати, —
Им же они к мудрости себе устрояху,
яко же учителем заповѣдь прияху.

ФИЛОСОФИЯ

1

Философии конец: тако людем жити,
еже бы по-силному богу точным быти.

2

Фалес Милеский любомудрец бяше,
философию велми похваляше.
Нѣции ему словом досаждаху,
яко нищь бяше, — мудрость укоряху.
Он отвѣща им: „Люблю нищо жити,
яко не хощу злату плѣнник быти,
Яко вы есте. Аще же потщуся,
скоро паче вас аз обогащуся".
Они начаша ему ся смѣяти,
рекше: „Не лѣть ти того доказати".
Он паки рече: „Чрез лѣто ми ждите,
да мя богата паче вас узрите".
Они во буйство глаголы вмѣняху,
истинны слова никогда чаяху.
Он же с хитрости то своея знаше,
яко в будущ год плод быти хотяше
Многна маслицах; сады откупил есть,
тѣм весь маслин плод тогда его был есть, —
Иже он собрав, маслом сбогатися,
а за то златом велми умножися.
И, призвав люди оны, глаголаше:
„Знайте, истинно слово быти наше; —
Се вы богатствы преодолеваю,
но в них утѣхи аз не полагаю.
Мудрость ми годѣ, с нею хощу жити,
а о богатствѣ не имам мыслити, —
Ибо егда ми того восхотѣти,
не трудно могу доволи имѣти,
Яко же нынѣ видите имуща
и впред стяжати множае могуща".
То суперници егда услышаша
и богатств много велми созерцаша,
Посрамившеся прощение взяху,

любомудрие много почитаху.
И тому мужу честь многу твориша,
елико в мирѣ со гражданы жиша.

3

Естество дает токмо еже жити,
философия учит благо жити;
Ово со скоты обще нам бывает,
сие аггелом нас уподобляет.

4

Диогена человѣк нѣкий вопрошаше,
кая с философии ему полза бяше,
Он рече: „Доволно мя она совершает,
егда всяку премѣну нести наставляет;
Аще бы ничто ино могла ми даяти,
за то само должно ми ону прославляти“.

5

Аристип вопрошенный: „Что ползы имяше,
яко философии весь вѣк прилѣжаше?“ —
Отвѣша: „Предоволну ползу обрѣтаю,
яко со всяким саном глаголати знаю;
Силных аз не боюся, ни пренебрегаю,
яже во смирении люди познаваю“.

6

Дионисий мучитель Аристиппу рече:
„Кая в философии полза, человѣче? —
Зрю, яко философи пред богатых враты
часто стоят и в домы их тщатся вхождати“.

Аристип отвѣт дал есть: „И врачи то творят,
часто в домы богатых человѣков ходят,
Но здравия им ползу плоти подаяти, —
а философи нравы онѣх исправляти.
Никто же болен паче возжелает быти,
нежели врачь искусный у человѣк слыти“.

7

Яко врачевство болѣзнь исцѣляет,
философиа нрав зол душы исправляет.

8

Пчела мед сладкий из цвѣт собирает,
их красотою ся не подвизает;
Тако философ тщится собирати,
яже и могут добрѣ ползовати,
Красная в ничто себѣ вомѣняет,
яко та мал вѣтр в ничто измѣняет.

ДОСТОИНСТВО

Дѣтищем малым, не разсудным сущым,
близ гор высоких дѣтски играющим,
Видится небо на горѣ лежати
и оверх ея солнце путь свершати.
Тѣмже стремятся на ню восходити,
да бы близ солнца и небесе быти,
Еже бы персты оным ся касати,
каково небо есть и солнце знати.
Елма же взидут на верх горы тоя,
суетны мысли видят быти своя, —
Ибо ту знают, яко ся прелстиша,
на горѣ небо егда быти мнѣша.

Мысленнѣ гора — всяко достоинство,
честь высокая и мироначалство;
Тѣх лишеннии, елма возглядают
на высоту их, умом помышляют,
Яко на них есть блаженство небесно,
душевное же купно и тѣлесно,
И в чести сущих мнят в небеси быти,
яко аггелы безпечално жити.
Ризам их свѣтлым, спирѣ раб дивятся,
красным полатам и пиром чюдятся,
Смотрят на славу и глаголют в себѣ:
„Ей, сии в мирѣ живут, яко в небѣ.
О, кто бы нам дал на ту гору взити,
тако блаженным, яко они, быти!
Пожили быхом свѣтли и весели,
яко же живут в небеси аггели“.
К таким же мыслем дѣло прилагают.
на гору чести труды полагают,
Всякими средствы достигнути тщатся,
имѣнием же и здравством томятся.
И елма тако взидут на верх ея,
постигнут хоти сбытие своея,
В то времи знают, яко ся прелстиша,
егда блаженство ту быти судиша.
Тогда искусят, что блаженни быша,
елма в юдоли мирно, лѣпо жиша.
Ту бо печали многи досаждают,
ту в своих скорбех людие стужают,
Ту многа бѣдства, зависти и ковы,
вражды и нужды, не объятны словы.
А болѣзнь равнѣ тѣло грѣшно томит,
и смерть, яко вѣтр прежде древо ломит,
Еже на горѣ стоит вознесенно,
потом в юдоли еже есть смиренно.
Тогда бы ради возврат сотворили,

в юдоли паче, неже в верху жили;
Но человѣческ срам я побѣждает,
до конца в тузѣ жити понуждает.
Кто либо убо лишен еси чести,
не тщится ея высоты долѣзти.
Вѣру ми ими, уне тако быти,
аще хощеши безьскорбно пожити.
И спасенно же: ибо ничто тебѣ
препону дѣет еже быти в небѣ.
О началных же святый Златоусты
своими рещи изволил то усты:
„Чюждуся, аще спасен может быти
кто от началных и на небо взити".
Аще же тако: Здравствуй, о начало,
нѣсть ми с тобою дѣло ниже мало!
К небеснѣй горѣ хощу аз творити
путь, да бы на ней во вѣк вѣков жити.

РАЗУМ

Разум есть прешедшая добрѣ разсуждати,
настоящая паки благоустрояти,
Еще предвидѣние будущих имѣти, —
сих дѣлес не творяют, иже умом дѣти.

МЫСЛЬ

Еже корень есть в древѣ, то мысль в человѣцѣ,
обое же есть тайно в настоящем вѣцѣ.
Корень есть под землею, не видим бывает;
мысль в глубинѣ есть сердца, никто ея знает.
Но яко что в корени от силы таится,
то послѣжде во вѣтвѣх и в плодѣх явится;
Тако что сокровенно во мысли пребудет,
то по малѣ во дѣлѣх проявленно будет.

Тѣмже кто древо плодно имѣти желает,
да здрав корень пребудет, тощно промышляет;
Тако хотяй сам плоды благи приносити,
да тщится в сердцѣ мысли добрыя хранити:
От добрых бо помыслов дѣлеса благая
производна бывают, от злых паки злая.

УЧИТИСЯ И УЧИТИ

Их же не вѣмы, тым ся нужда есть учити,
яже вѣмы, та иным вѣрно изъявити.

ЧАСТОСТЬ

Не сила капли камень пробивает,
но яко часто на того падает;
Тако читаяй часто научится,
аще и не остр умом си родится.

ПРЯ

Елма словопрѣние начинает быти,
ты же хощеши правый побѣдитель быти, —
Побѣди прежде тебе, потщися молчати,
тако скоро можеши побѣду прияти;
Вси бо тя мудра, кротка станут нарицати,
спорници прощения смиренно желати.

ВРЕМЯ

1

Всяческое дѣло время устрояет,
безвремение же оно истребляет.
Добро есть во ино время глаголати,
во ино же лучше слово удержати.

2

Преступство, егда требѣ есть слова, молчати
и в молчания время слово разширяти.

3

Воин в потребно время мечь свой извлекает,
в таково же язык твой слово да вѣщает.

НЕВѢЖДА

Невѣжда пути вожд да не бывает,
книг неискусный да не поучает.

Невежда мудраго елма поучает —
слѣпец очитаго провождает.

Сова о лучах солнца разсуждает,
егда невѣглас о мудрых вѣщает.

КЛЕВЕТНИК

Пѣтель ногами обыче копати
землю и пищи в ней себѣ искати.
И аще злату цату ископает,
со молчанием ону презирает.
А случится червя ископати,
кричит и тщится кокоши призвати.
Равнѣ клеветник доброты честныя
презрѣнны имат, что цаты златыя.
А черви грѣхов аще усмотряет,
всякое око зрѣти призывает.
О злобы люты! Яже таителна
явленна творит: таит явителна.

ДРУГ

1

Хощеши друга истиннаго знати,
послушай мало, имам ти сказати.
Друг есть, иже тя в грѣсѣх обличает
и злонравие твое обхуждает.
Друг есть, заочно тебе ублажаяй,
а в лице правду выну ти вѣщаяй.
Друг, иже в нуждѣ тебѣ помогает,
во день печали тщиво утѣшает.
Друг, иже за тя готов изтрошати,
яже изволил господь ему дати.
Друг, иже к благим дѣлом увѣщает,
а в злых ни мало помощник бывает.
Друг, кто от благих твоих веселится,
о злых случаех купно печалится.
Друг, иже в скорби время не оставит
и неизмѣнну любовь си проявит.
Сицева друга требѣ есть искати,
паче сокровищ богатых стяжати.
Стяжаннаго же истинно любити
и взаим добро оному творити.

2

Егда краснотеплыя весны дни сияют,
в то время ластовицы с нами пребывают:
Гнѣзда лепят на домѣх, сладко воспѣвают, —
зимѣ же приближшейся, от нас отлѣтают.
Точнѣ дѣют лжедрузи, ибо есть доколѣ
благо кому щастие, дружатся дотолѣ.
Блажат, служат, а егда щастие мѣнится,
тогда лжедругов любы к иным отвратится.

МИЛОСТЬ ГОСПОДСКАЯ

1

От господ милость трудно есть стяжати,
труднѣе того выну ону знати,
Ибо во скорѣ та ся измѣняет
и множицею в гнѣв ся прелагает.

2

Аще у муж велможных есть благодать тебѣ,
употребляти ея всеопасно требѣ:
Яко со огнем, с ними есть полезно жити, —
ниже ся удаляти, ни велми близ быти.
Огня удаляяйся озноблен бывает,
а близ зѣло сущыя сам огнь опаляет.
Тако иже от господ себе удаляют,
презрѣнни и безчестни у онѣх бывают;
Иже паки дерзают ближитися зѣло,
мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
Средство убо в житии сем хранити требѣ,
иже хощет безбѣдства и дружбы их себѣ.

СЛОВО

Птицу из клѣтки скоро мощно испустити,
но труд есть паки в тужде ону возвратити.
Точнѣ без труда слово из уст ся пущает,
но никоим образом воспят ся вращает.
Егда убо хощеши нѣчто глаголати,
потщися прежде оно умом разсуждати,
Да не како печаль ти велику содѣет,
егда в ушесѣх людских вездѣ ся разсѣет.

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Воздержание аще безмѣрно храниши,
множицею души ти вред велий твориши:
Плоти бо изнемогшей ум не добр бывает, —
разсуждение в мѣру вся да устрояет.

Уне есть мѣрно по вся дни вкушати,
нежели долго от пищ ся держати:
Пост бо безмѣрный силу истребляет,
дух уныния и печаль раждает.

СОГЛАСИЕ

1

Камень фирреос, егда цѣл хранится,
плавает верху вод, а не грузится.
Той же, на части малы сокрушенный,
во водѣ тонет, аки отягченный.
Тако община, аще есть согласна,
не убоится случая напрасна;
Аще же в разны части раздѣлится,
крѣпости праздна, в скорѣ разорится.

2

Скиф нѣкто умный, богатый сынами,
при концѣ жизни даде тул с стрѣлами,
Повелѣвая им той преломити, —
но не могоша того сотворити.
Таже особно комуждо си сыну,
еже ломити дал стрѣлу едину.
Удобно тии стрѣлы преломиша,
нимало труда к тому приложиша.
Тогда ко чадом отец возглашает,

еже согласно жити увѣщает.
„Аще союзни будете, — вѣщаше, —
не преломимо странство будет ваше;
Аще же союз будет разрѣшенный,
удобь от врагов будете сотренны".

СЛОВА НЕСЛУШАНИЕ

Слон нелѣполичный и велбуд горбатый
имеют обычай естеством завзятый,
Еже внегда воду оным чисту пити,
первѣе ногами ону возмутити.
Се негли того ради содѣвают,
да нелѣпия си в ней не созерцают.
Подобнѣ людие злие препинати
слово обыкоша и книг не читати,
Да худоличия си не усмотряют
и злых дѣл не видят, яже содѣвают;
Затыкают уши, да бы не слышати,
яже проповѣдник хощет обличати.

ЯЗЫК

Малая часть тѣлесе язык человѣка,
но не видѣ злѣйшия никтоже от вѣка,
Ибо аще малое слово изпущает,
хулно или клеветно, многи убивает.
Легко оно исходит, но язву велику
и зѣло тяжку в сердцѣ дѣет человѣку;
Мягко аер проходит, но в сердцѣ жестоко
вонзает ся и рану творяет глубоко;
Из уст, яко же птенец малый, излѣтает,
но яко велбуд с горбом абие бывает.
И ни кими мѣрами может ся сокрити,
вѣсть же сердца человѣк многих озлобити.

Убо разсудно слово всякое пущайте,
да не будет стрѣлою, прилѣжно смотряйте;
Аще бо яко стрѣла пойдет, то вратится
не к языку, но в сердце и в смерть преложится.

ВИНО

Вино хвалити или хулити — не знаю,
яко в оном и ползу и вред созерцаю.
Полезно силам плоти, но вредныя страсти
возбуждает силою свойственныя сласти.
Обаче дам суд сицев: добро мало пити,
тако бо здраво творит, а не вѣсть вредити;
Сей Павел Тимофею здравый совѣт даше,
той же совѣт да хранит достоинство ваше.

ДЕНЬ И НОЩЬ

1. Денница

Темную нощь денница свѣтла разсыпает,
красным сиянием си день в мир впровождает,
Нудит люди ко дѣлу: ов в водах глубоких
рибствует, ов в пустынях лов дѣет широких,
Иный что ино творит. Спяй же на день много
бѣднѣ, раздраноризно поживет убого.

2. Полудень

Оже средѣ небесе солнце бѣг свой дѣет,
палит нивы, а скоты лучми зѣло грѣет,
Иже в сѣни при водах от трудов хладятся,
жнеци пищею и сном по трудѣх крѣпятся, —
Так естество отчески строит еже быти,
закон всѣм пишет вещем нуждный сохранити.

3. Вечер

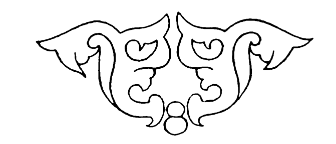
Як заря день вѣщает, так нощь вечер вводит,
в хлѣвину си скот идет, орач в дом приходит;
Рало оставив, хлѣбом стомах укрѣпляет,
утружденныя силы пищми обновляет;
Таже сном сладким плоть си покоит струждену, —
сон бо богом дадеся в покой труду дневну.

4. Нощь

Нощь мрачная тму страшну на землю наводит,
извѣты часто, злобы и поводы родит
В готовых на вся злая, что злый ум вмѣщает.
Обаче своя игры, утѣхи нощь знает;
Временем есть полезна; но мудр сый блюдется
тмы нощныя, день любит, да в ней не преткнется.

ПСАЛТЫРЬ
РИФМОТВОРНАЯ

1

Блажен муж, иже во злых совѣт не вхождаше,
ниже́ на пути грѣшных человѣк стояше,
ниже́ на сѣдалищѣх восхотѣ сѣдѣти
тѣх, иже не желают блага разумѣти,—
Но в законѣ господни волю полагает,
тому днем и нощию себе поучает.
Будет бо яко древо, при водах сажденно,
еже дает во время си плод свой неизмѣнно;
Лист его не отпадает; — и все, еже дѣет,
по желанию сердца онаго успѣет.
Не тако нечестивый, ибо исчезает
яко прах, его же вѣтр с земли развѣвает.
Тѣмже нечестивии не имут востати
на суд, ниже́ грѣшницы в совѣт правых стати.
Вѣсть бо господь путь правых, тыя защищает,
путь паки нечестивых в конец погубляет.

34

Суди, господи, мя обидящыя,
возбрани, боже, мене борющыя,
невинна суща.
Возми меч и щит, стани в помощь мою;
взем оружие, яви милость твою,
запни гонящих.
Рцы души моей: Аз есмь твой спаситель!

Сотвори, да всяк оныя гонитель
посрамлен будет.
Злаго ми любцы вспять да возвратятся,
яко пред вѣтром прах, да расточатся
в разныя страны;
аггел господень их да оскорбляет,
аггел господень их да погоняет
в тмѣ путем ползким,
яко ми сѣти пагубы сокрыша
и души моей всуе поносиша
зѣло досадно.
Ея же не вѣсть, в сѣть враг да впадется,
в ловитву, юже сокры, да вплетется
за свою прелесть.
Душа же моя да возвеселится
о бозѣ спасѣ, яко свободится
от сѣти ловчи.
Вся моя кости рекут: Живый в небѣ
боже, кто и гдѣ есть подобен тебѣ
в милосердии?
Ты нища из рук крѣплших избавляяй,
от хищных врагов мене свобождаяй,
сам един еси.
Лжесвидѣтели на мя клеветаху,
их же не вѣдѣх, мене вопрошаху,
да мя погубят.
За мою благость воздаша ми злая,
душу загнаша в мѣста неплодная,
да гладом таю.
А внегда они стужаху ми зѣло,
смирях дух постом, а вретищем тѣло,
да господь призрит.
Молитва моя в нѣдра ми вратися,
господь всещедрый милостив явися
за смирение.

Яко ближнему тщахся угождати,
яко о братних случаех рыдати, —
тако смиряхся.
Они же на мя собор сотвориша
со веселием, раны ми мыслиша,
аз аки не чух.
От любве должны вси раздѣлишася,
оней же злобѣ не умилишася,
братия суще.
Подражнением лютѣ мя дражниша,
искусиша мя и скрежет твориша
зубы своими.
О господи мой! Когда то узриши
и душу мою благоустроиши
от их злодѣйства?
Иже, яко льви гладнии, рыкают,
единородну мою умышляют
зубы терзати.
Аз в церкви мнозѣ тя исповѣдати
имам и в людех тяжцѣх восхваляти
за милость твою.
Врагом, без правды ненависть имущым
на мя, очима си помизающым,
не даждь радости,
Яко мнѣ убо мирно глаголаху,
а в сердцѣх лести на гнѣв помышляху,
да мя погубят.
Уста си на мя лютѣ разширяху,
„благо же, благо видят — глаголаху —
очеса наша“.
Ты сия видѣв, да не премолчиши,
боже, от мене да не отступиши,
во скорби суща.
Востани, боже, сотвори суд правый,

господи, зри прю, даждь суд, — да лукавый
не веселится,
да в сердцѣх своих о мнѣ не вѣщают:
„благо нам, благо“, ни да обѣщают:
„уже пожрем и“.
Срам да обымет и да постыдятся
вси врази вкупѣ, иже веселятся
о злых ми сущих.
В студ и срамоту да суть облечени,
иже великим хулам изучени
мнѣ глаголати.
Иже по моей правдѣ поборают,
веселие и радость да познают
во сердцѣх своих.
Иже ми мира желают от бога
выну да поют: Буди слава многа
господу богу!
Аз же языком правду ти хвалити
моим и славу имам возносити
в мирѣ на всяк день.

103

Душе моя, господа да благословиши!
Господи, коль велик ты и страше́н ся зриши!
Во славу и лѣпоту еси облеченный,
яко ризою, свѣтом многим обвиенный,
Ты небо, яко кожу, изволи пропяти,
превыспрняя водами своя покрывати,
Ты в восхождение ти еси полагаяй
облаки и онѣма аер претекаяй.
На крилѣх скоротечна вѣтра ты ходиши,
невещественны духи аггелы твориши, —
И во видѣ паляща огня служат тебѣ
раби твои, иже тя пѣснословят в небѣ.

Царь Давид. Фронтиспис „Псалтыри" Симеона Полоцкого.

Грав. А. Трухменский по рисунку С. Ушакова. Москва, 1680.

Нотная „Псалтырь“ Симеона Полоцкого конца XVII века.

Рукопись Московского Гос. исторического музея, собр. Уварова, № 760/2166, л. 3 об.

Тобою на тверди си земля основанна,
и во вѣки не будет та поколебанна.
Ону, яко же риза, бездна одѣваше,
и на горах высоких вода вездѣ бяше.
Но запрещением ти воды низпадоша,
на глас грома твоего в море низтекоша;
Горы быша велия, поля ся постлаху,
идѣже основу си и мѣсто прияху.
Предѣл водам изволил еси положити,
его же не возмогут вѣчно преступити.
Ни обратятся паки землю покрывати,
но в ложах своих имут во вѣки стояти.
Во дебрѣх источники, боже, изводиши
и посредѣ гор воды обилны точиши,
Да вся звѣри селныя в жаждѣ напаяют
и онагров притекших жажду утоляют.
К тым небесныя птицы тщатся прилѣтати,
в каменех поющыя жажду утоляти.
Тобою от превыспрних горы пиют воды,
земля ся насыщает дѣлес твоих плоды.
И сыта сущи, пажить скотом прозябает,
траву людем во службу и хлѣб в пищу дает;
Вино во веселие человѣком родит,
елей лице мастити, хлѣб во крѣпость плодит.
Тѣми древа польная себе насыщают
и кедри ливанстии вѣтви оживляют;
Иже саждение суть твоея десницы,
в их же зеленых вѣтвѣх гнѣзда виют птицы;
Ту и еродий свое гнѣздо полагает,
иже яко вождь птицам всѣм оным бывает.
Еленем высокия горы прибѣжище;
камень паки заяцем малым пристанище.
Ты в знамение времен луну создал еси,
солнце тобою запад вѣсть свой на небеси.
Дал еси тму, и бысть нощь: в ней же претекают

звѣрие дубравнии, пищу уловляют;
Скимни исходят, да бы звѣря похитити
рыкают, от бога снѣдь себѣ испросити.
Солнцу же возсиявшу, паки ся сбирают
и, шедше в ложа своя, сыти возлегают.
Тогда человѣк дѣло исходит творити
и даже до вечера в трудѣх своих быти.
О, коль велия дѣла, тобою явленна,
вся суть мудростию ти, боже, сотворенна!
Земля твари твоея вездѣ исполнися
и море пространное с нѣдры сотворися;
В нем же безчисленнии гади преплавают,
малая с великими, по водам играют;
Ту корабли плавают и змий лют играет,
иже от малых рыбиц ругаемь бывает.
Вся же сия от тебе, боже, пищи чают,
юже во благо время данну получают;
Иная собравше ю тщатся сохранити,
да бы во будущее время сытым быти.
Отверзшу тебѣ руку — благ ти исполнятся
вся; отвращшу же лице твое — возмутятся;
Аще отимеши дух, — вся та исчезают
и в персть, из нея же суть, паки ся вращают;
Пославшу же ти дух твой, — все ся созидает
и лице земли свѣтлость свою обновляет.
Буди убо господня слава безконечно,
возвеселится господь в дѣлѣх своих вѣчно!
Иже егда на землю свыше призирает,
трястися ей пред лицем своим сотворяет;
А егда ся высоким горам прикасает,
тогда множество дыма на них возкуряет.
Воспою господеви аз богу моему,
дондеже имам жити, пою славу ему.
Токмо бесѣда моя ему да сладится,
а дух мой о господѣ превозвеселится.

Да исчезнут от земля злобнии грѣшницы,
да ктому ниже будут вси беззаконницы.
Ты же, о душе моя, потщися хвалити
господа, дондеже ти во существѣ быти.

132

Се что толь добро или красно зрится,
яко в братии аще сохранится
любовь правая: еже вкупѣ жити,
друг друга чтити.
Яко же миро благовонно бяше,
еже со главы на браду схождаше
Ааронову и на риз ометы
прекрасных цвѣты.
И яко роса, яже Аермона
плоднаго творит и гору Сиона
благополезна: тако есть благая
любы святая.
Ибо идѣже та ся обрѣтает,
ту вся благая господь посылает
и благословит жити человѣки
долгия вѣки.

145

Хвали, душе моя, бога твари всея, —
до конца и жизни восхвалю моея.
Пѣснь богу моему имам воспѣвати,
дондеже в существѣ даст ми пребывати.
Надежды во князѣх вси не полагайте,
в сынѣх человѣчих вы не уповайте,
Яко спасение в них не обитает;
изшедшу бо духу, плоть ся в прах вращает, —
А помышления тогда исчезают,

ибо умышленных дѣл не содѣвают.
Блажен человѣк есть, ему же от бога
Иаковля помощь и надежда многа
На господа жива, иже сотворил есть
небо, землю, море и вся исполнил есть, —
На господа, во вѣк истинну храняща
и суд обидимым людем си творяща,
Алчущым доволство пищи дающаго,
окованныя же люди рѣшащаго.
Господь умудряет во людех слѣпыя,
возводит падшыя, любит праведныя,
Господь хранит странных, сира же и вдову
восприяти имать десницу готову.
Путь человѣк грѣшных имать погубити,
сам же имать вѣчно царь превелий быти,
Бог твой, о Сионе, от рода и в роды,
един царь и господь небесны породы.

К ГАЖДАТЕЛЮ

Хулник стихов Омирих нѣкто Зоил бяше,
писанием си славу онаго терзаше;
Но ничто успѣ в людех, всѣми бо познася,
яко с зависти его та хула зачася.
Славу хотя во мирѣ хулою стяжати,
во вѣки имать не честь зависти страдати.
Тѣм обычно ся в книгах зоил нарицает,
кто чужда писания без вины гаждает.
Мню аз, яко и нынѣ живет зоил в чадѣх
нрава хулы своея и в российских градѣх;
На мню токмо, но и вѣм, — ибо еще труди
сии свѣта не зрѣша, ни внидоша в люди,
А уже хулители завистнии слово
лукавое имѣша во устѣх готово.
Колми паче узрѣвше потщатся хулити

труд сей, да бы хулою славу получити!
Но, злый зоиле, полза тебѣ о сем кая?
Зависти, хулителства слава злому злая —
Конец Зоилев зол бѣ, и ты соблюдися,
да не тожде страждеши: от зла отвратися.
Всякую труды моя злѣ тщишися судити,
сам не хотя, ни могущь точных положити?
Не разум тя, но злоба на то понуждает:
завистник вся, як сова солнце, обхуждает.
Друже, престани зубы твоя изощряти, —
аз есмь сын церкве вѣрный, а она ми мати;
Аще погрѣших нѣгдѣ, она вѣсть простити
и нѣмоту чад своих вѣсть мати любити.
Ей же аз всесмиренно главу преклоняю,
прощения, аще гдѣ погрѣших, желаю.
Ты вскую, любве праздный, идѣже есть право
явѣ, да мудр зришися судиши лукаво?
Но не сей путь есть славы в людех стяжания,
паче вред се добраго есть непщевания.
Аще ти дал бог разум, ты сам потрудися,
не в чуждих дѣлѣх смыслен, но в твоих явися:
Ибо то буйство паче, не мудрость судится,
егда кто хулением чуждих дѣл хвалится.
Виждь же, камо тя зависть твоя устрояет,
идѣже отец ея демон обитает.
Но аз не желаю ти тамо с врагом быти,
паче, любовь стяжавшу, с богом вѣчно жити.

РИФМОЛОГИОН

СТИСИ КРАЕСОГЛАСНИИ

ко пресвѣтлѣйшему самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичю всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу. Отроки града Полоцка, притекшими во царьствующий град Москву, глаголании в лѣто от воплощения бога слова 1660, мѣсяца ианувриа 19 дне

Отрок 1

Радости сердце мое исполнися,
яко предстати тебѣ приключися,
Богом нам даный православный царю,
России всея вѣрный господарю!
Яко бо солнце весь мир просвѣщает,
сице во сердцах радость проникает
От лица царска. Тѣмже припадаем
к стопам ти, яже лобзати желаем.

2

Лобзаем вѣрно крѣпку ти десницу,
юже имамы за свѣтлу денницу,
Царю восточный, царю стран премногих,
нас избавивый от противник многих.
Прогнавы мрачны з Руси еретики,
будиж в побѣдах преславен во вѣки!

Царствуй над всѣми вселенныя страны,
из язык мрачных твори христианы.
Разшири вѣру, свѣт омрачным буди,
иже во смертнѣй сѣни гибнут люди.
Настави на путь заблуждших ко аду,
даждь обиженным щедрую отраду.
Дабы им с нами сице воспѣвати:
много лѣт царю дай бог царствовати!

3

Кто не весело в солнце возглядает,
егда от него просвѣщен бывает!
Из красны весны кто не веселится,
в ню же благ всяких много исполнится!
Солнце твое нам зрится лице быти,
пресвѣтлый царю! В твоем свѣтѣ жити
Всегда желаем; в твоей благодати
скуднии будут изобиловати.
Як в веснѣ красной. Тѣмже веселуем,
егда прекрѣпку десницу цѣлуем.
Ей же от бога молим быти данным
в державу вѣчну всѣм скипетром странным.

4

День есть веселый, день превожделенны,
вонь же предстати тебѣ сподобленны
Мы, твои раби, и десну лобзати,
веселым сердцем сице цѣловати:
Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
гдѣ солнца запад и встает откуду!
Подай ти господь во мирѣ сияти,
второму солнцу, всѣми обладати,
Дабы тобою мрака избѣжати

всим родом земли и вѣру познати.
Буди Константин и Владимир миру,
сотри кумира и прослави вѣру.
Подай ти господь миром обладати,
а в вѣк будущий в небѣ царствовати.

5

Уста вѣтийска глагола лишатся,
радости нашей егда присмотрятся,
Юже с твоего лица изчерпаем,
яко тя здрава, крѣпка соглядаем.
Пресвѣтлый царю и непреборимый,
в кончинах земли ужасна славимый,
Кто свѣтла солнца не видѣ на небѣ,
сей не зна славы, яже есть о тебѣ;
Земля и море, аер исполнь ея,
буди ж и в небѣ глас славы твоея.

6

Коль чысло много звѣзд пресвѣтлых в небѣ,
вся солнца свѣтом украшают себе;
Сице на земли всея Русси грады
чрез тя сияют, приемлют отрады.
Без тебе тма есть, як в мирѣ без солнца,
свѣти ж нам всегда и будь оборонца
От всѣх противник, иже поношаху
благочестивым и зѣло стужаху.
Буди милосерд к державным ти градом,
яко обыче отец своим чадом.
А мы вси молим превѣчнаго бога,
да даст ти в мирѣ лѣта жити многа.

7

Мойсий иногда на гору высоку
возшед бѣ с творцем миру прешироку
Бесѣдова с ним, потом же оттуду
повращен, лучми сияя повсюду.
Мы твоей воли царстей послушливы
здѣ притекохом, чаем, яко и мы
Лучми твоея будем благодати
возвратившеся изрядно сияти.
Прочиим дабы по нас ревновати,
под твою милость всегда прибѣгати,
Ея же ради милость ти от бога,
молим, да дасться на лѣта премнога.

8

Солнце на землю не само дѣйствует,
но и луна с ним много изводствует.
Ты, царю, солнце, а луна Мария
царица. Ея лучами Россия
Премного свѣтла и в нуждах охладу,
во скорбѣх скору приемлет отраду.
Ея молбами и труды по бозѣ
царство и грады состоят премнози.
Оныя щедрость бога преклоняет,
да всѣм милостив и прещедр бывает.
Тѣмже пред нею главы преклоняем,
на многа лѣта сияти желаем.

9

Небом Россию нарещи дерзаю,
ибо планиты в онѣй обрѣтаю.
Ты — солнце; луна — Мария царица;
Алексий свѣтла царевичь денница,
Его же зари пресвѣтло блистают,

его бо щастем врази упадают;
На имя его вси трепещут страхом,
бѣжат от славы, яко уповахом,
А щастѣ ему имать работати,
многия страны в область подавати,
Дабы яко солнце денница свѣтила,
славою концы земли исполнила.
Утро денница обыче сияти,
о дни будущем благовѣствовати.
Вомалѣ даст бог день пресвѣтлый будет,
егда денницы свѣтлости прибудет
В многих побѣдах на вси страны свѣта,
точию дай бог многа ему лѣта.

10

Зѣло Россия в свѣтила богата,
як звѣздами небо; сице в ней полата
Царска сияет царевен лѣпотами,
звѣздам подобных всими добротами.
Спросить бы солнца, аще видѣ ровну,
яко Ирину в Руси Михайловну;
Ей подражает благородна Анна,
в единых стопах с нею Татианна,
Царя Михайла дщи Федоровича,
царств многих и князств истинна дѣдича.
Что Евдокиа з Марфою сестрою
есть в руском свѣтѣ, аще не звѣздою!
Равнѣ София имать возсияти,
Екатерина також з благодати
Дателя всѣх благ. Твоя дщери, царю,
возраст приемше по вышняго дару.
И нова свѣтлость новонарожденна
просвѣтит сей мир Мария царевна.
Вси бо суть свѣт нам. Тѣмже молим бога,
да соблюдет я на лѣта премнога.

11

Еще свѣтила и аз усмотряю,
в них же солнечну силу обрѣтаю.
Князи, боляре не мрачно сияют,
егда ти царску волю исполняют.
А зари свѣтлы в онѣх суть тобою,
яко же солнцем в звѣздах со луною.
К тому не мала суть свѣтила власти,
иже о твоем молѣбствуют щасти.
Да побѣдитель будешь всего мира
и да исполнит мир тобою вѣра.
Всим того дѣля сердцы привѣтствуем,
на многа лѣта жити усердствуем.

12

Ничто во мирѣ лучше, яко глава
крѣпкаго тѣла, егда умна, здрава:
Вся тамо чинна бывают строенна,
идѣже глава умом есть бодрственна.
Велие тѣло славная Россия,
ты еси глава, царю велий, сия;
Глава же честным каменем вѣнчанна,
волею бога на царства созданна.
Тобою тѣло царства окормися,
умом и храбрством въсюду прославися.
Блаженный град сей, царство все блаженно,
яко тобою зѣло укрѣпленно.
Удобнѣй да есть солнце сострѣляти,
нежели град сей богом храним взяти
Богопротивным: кто любо на тебе,
прекрѣпка царя, вооружит себе!
Бог есть с тобою, с ним буди царь свѣта;
царствуй над людми, им же многа лѣта.

ПРИВѢТСТВО

благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу о вселении его благополучном в дом, велиим иждивением, предивною хитростию, пречюдною красотою в селѣ Коломенском новосозданный

Добрый обычай в мирѣ содержится:
в дом новозданный аще кто вселится,
Все друзи его ему привѣтствуют,
благополучно жити усердствуют
И дары носят от сребра и злата
и хлѣб, да будет богата полата.
Нищ ли кто в злато, — руцѣ воздѣзает
к богу и молбы теплы возсылает,
Да подаст здраво и щасливо жити,
им же даде в дом новый ся вселити.
Аз сей обычай честный похваляю
и сам усердно ему подражаю,
Видя в дом новый ваше вселение,
в дом, иже миру есть удивление,
В дом зѣло красный, прехитро созданный,
честности царстѣй лѣпо сготованный.
Красоту его мощно есть равнати
Соломоновой прекрасной полатѣ.
Аще же древо здѣ не есть кедрово,

но стоит за кедр, истинно то слово.
А злато вездѣ пресвѣтло блистает,
царский дом быти лѣпота являет.
Написания егда возглядаю,
много историй чюдных познаваю:
Четыри части мира написаны,
аки на мѣди хитро изваяны;
Зодий небесный чюдно написася,
образы свойств си лѣпо знаменася;
И части лѣта суть изображены,
яко достоит, чинно положены.
И ина многа дом сей украшают,
разумы зрящих зѣло удивляют.
Множество цвѣтов живонаписанных
и острым хитро длатом изваяных,
Удивлятися всяк ум понуждает,
правый бо цвѣтник быти ся являет.
Едва свѣтлѣе рай бѣ украшенный,
иже в началѣ богом насажденный.
Дом Соломонов тым славен без мѣры,
яко ваанны имѣ в себѣ звѣры.
И здѣ суть мнози, к тому и рикают,
яко живии лви, глас испущают;
Очеса движут, зияют устами,
видится хощут ходити ногами;
Страх приступити, тако устроенни,
аки живше лви суть посажденни.
Окна, яко звѣзд лик в небѣ сияет,
драгая слюдва, что сребро, блистает.
Множество жилищ градови равнится,
вся же прекрасна, — кто не удивится!
А инѣх красот не лѣть ми вѣщати,
ум бо мой худый не может обьяти.
Единѣм словом, дом есть совершенный,
царю велику достойнѣ строенный;

РУѲМОЛОГІОН

ИЛИ

СТІХОСЛОВЪ

Содержай въ себѣ стіхи размѣрно
и краесогласно сложенныя: различнымъ
нуждамъ приличныя.

Въ славу и честь
Бга въ Троицѣ единагѡ.
Пречтыя Бжія Мтре,
Стыхъ оугодниковъ Егѡ.

Въ пользу
Юныхъ и старыхъ. Дховныхъ и мірскихъ
различныхъ сановъ.
Купнѡ же въ утѣху и оумиленіе. въ блгодарствіе. Похвалу, и привѣтъ. и прочая.

Бжіею помощію
Трудолюбіемъ многогрѣшнагѡ во Іеромонасѣхъ Сумеѡна Полоцкагѡ,
въ различная лѣта и времена сложенныя. Потомъ же въ едино
собраніе сочетанныя.

Въ лѣто ѿ созданія міра, ЗРПЗ.
ѿ рождества Бга по плоти.
АХОѲ.

Титульный лист „Рифмологиона“.

Рукопись Московского Гос. исторического музея, Синод. собр., № 287, л. 1.

сердіемъ моимъ и съ недостойными іеромонашескими молбами весь смиренно вручаю ся.

Пресвѣтлагѡ Царскагѡ ти Величества, милостивѣйшагѡ моегѡ благодѣтеля.

Нижайшій рабъ, и усердный богомолецъ,

Симеѡнъ Полоцкій, Іеромонахъ недостойный.

Автограф Симеона Полоцкого.

Рукопись Московского Гос. исторического музея, Синод. собр., № 287, л. 562.

По царствѣй чести и дом зѣло честный,
нѣсть лучши его, развѣ дом небесный.
Седмь дивных вещей древний мир читаше,
осмый див сей дом время имать наше.
В странѣ Египта пирамиды бяху,
зданием дивным весь мир удивляху.
Тамо и Форос пирг пречюдный бяше,
иже огнь в себѣ выну содержаше;
Нань же корабльми пловущии зряху
и в Нил безбѣдно в нощный час вхождаху.
Третие чюдо Олимп содержаше,
с кости слоновы Диев образ бяше,
Толико чюдно хитрцем изваанны,
даже подобньой в мирѣ невиданны.
Четвертый миру див колос реченный,
мужь в градѣ Родис с мѣди сотвореный,
Толь велий, даже корабли хождаху
между ног его, а щегл не спрятаху.
Пятый в Ефесѣ бяше храм Дианны,
в двѣстѣ двадесят лѣт едва созданны.
Шестый в Карии гроб Маузолов бяше,
иже цѣною всяк ум удивляше.
Во Вавилонѣ окрест града стѣны
в седмое диво от мудрых сочтены.
Осмое нынѣ на Москвѣ явися,
егда сей царский твой дом совершися,
Всячески дивный, красный и богатый,
велѣлѣп извнѣ, внутрь нескудно златый.
Вон же ти нынѣ вшедшу еже жити,
всѣм подобает привѣтство творити;
Достоит дары драгия даяти,
любовь и вѣрность тако проявляти.
Кто убо богат, да идет со златом,
с сребром, с собольми к царским ти полатом.
Аз тѣх лишенный, дерзнух приходити

с привѣтным словом, тѣм вѣрность явити.
Слово из сердца исходно бывает,
что в чием сердцѣ, то свѣтло являет.
Не тако злато, убо яко цату
приношу слово в царску ти полату.
Христос царь цату изволил прияти,
ты, царю, приими слово в мѣсто цаты.
Слово же мое сияти вѣщает,
их же благ сердце мое ти желает.
Здравствуй, пресвѣтлый царю, многа лѣта,
живи вѣк долгий в любви Христа свѣта
В домѣ сем новом, в нова человѣка
облечен, живи до кончины вѣка.
Новый человѣк есть Христос царь славы,
он же и вѣнец царския ти главы;
Его благодать тя да осѣняет,
от бѣд и скорбей тя да защищает;
Его десница буди в помощь тебѣ,
царю пресвѣтлый, во всяцѣй потребѣ.
Яко без свѣта солнце не бывает
и море водми не оскудѣвает,
Тако ты Христа бога не лишися,
яко в одежду в него облецыся.
Да препояшет тя любовь Христова
и да поженет тя милость спасова.
Он, Адам новый, ветхость обновляяй,
печаль на радость в сердцах прелагаяй.
Им твоя ветхость вся есть обновленна,
им тебѣ радость буди совершенна.
Радость в сем мирѣ, радость же и в небѣ,
радость о твоих и о самом тебѣ.
Радость ти буди о свѣтлой царицѣ,
выну хранимой в божией десницѣ.
Здрава с тобою та да пребывает,
выну ти сердце да возвеселяет

Добродѣтельми, любезными богу,
ими же свѣтла она попремногу.
Буди ти радость о богом ти данных
пресвѣтлых сынѣх, в добротѣ избраных.
О благородных сестрѣх веселися,
о свѣтлых дщерѣх пресвѣтл проявися;
Они бо дар суть богом ти врученный,
вертоград, Христом тебѣ насажденный.
Радость ти буди и о всей державѣ,
бог да приложит славу ти ко славѣ.
Желаемая вся ти да дарует,
их же в мирѣ сем сердце ти требует.
А по доволствѣ жизни вѣка сего,
да тя призовет до дому своего,
Дому вѣчности, царствия радости,
исполнит дух твой райския сладости
И даст с собою вѣчно царствовати,
с царьми святыми вѣчно ликовати.
Сих сердце мое благ тебѣ желает,
а слово сие вѣрно извѣщает, —
Еже изволи в милости прияти,
на мою худость свѣтло призирати.

ГУСЛЬ ДОБРОГЛАСНАЯ

ВОСКЛИЦАЮЩАЯ

желания всѣх санов и чинов российских
и благопривѣтствия
нововоцарившемуся благочестивѣйшему тишайшему
пресвѣтлѣйшему
великому государю царю и великому князю
Феодору Алексиевичу,
всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самоде́ржцу
в день веселия сердца его,
вон же вѣнчаяй господь милостию и щедротами
возложи на главу его вѣнец от камене честна
всесвященныма рукама святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго
великаго господина кир Иоакима
патриарха Московскаго и всея России.
Трудолюбием многогрѣшнаго иеромонаха
Симеона Полотскаго
мысленно сооруженная, усе́рдием уструненная,
бряцалом пера биенная, рачителства десницею
и смирения шуйцею ему же, великому государю,
вѣрученная в лѣто
от начала мира 7185, мѣсяца иуния в 18 день,
от рождества же Христова 1676.

Вси мужие браннии, управлени к ополчению, сердцем совершенным приидоша в Хеврон, да поставят царя Давида над всѣм Иизраилем. Но

и вси прочии от Иизраиля едино сердце бяху, да царь будет Давид.

1 Паралип., глава 12 (38)

Тя прииму и царствуеши (над всѣми), о них же жадает душа твоя, и ты будеши царь над Иизраилем.

3 Царство, глава 11 (37)

Избра господь бог Иизраилев мене от дому отца моего, да буду царь над Иизраилем.

1 Паралипоменон, глава 28 (4)

Буди господь бог твой благословен, иже восхотѣ тя дати на престол Иизраилев. И постави тя царя над ними творити суд в правду в судьбах его.

3 Царство, глава 10 (9)

Изведе сына царева и возложи на нь вѣнец царский и свѣдѣние, и воцари его, и помаза его, и плескали рукама и рѣша: да живет царь!

4 Царство, глава 11 (12)

Благочестивѣйший, тишайший, пресвѣтлѣйший, богомизбранный и богомвѣнчанный великий государь царь и великий князь Феодор Алексиевичь, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержавный обладателю!

Внегда торжество нѣкое свѣтлорадостное славным мира совершати, обычай имут и устными знамения того изъявляти органы, ово друг другу привѣтство дѣюще усердное, ово радостнѣ восклицающе, и орудийными свѣтлая радостно играти. Тако бысть во Иизраили ветхом, егда благочестиваго царя Давида любезнѣйшее чадо Соломон на царствие от иерея помазан бяше;[3] се бо священное глаголет Писание: „И взят Садок иерей рог с еллем от скинии и помаза Соломона. И возтрубиша рогом, и рѣша вси людие: живет царь Соломон!“. Егда вострубиша рогом, орудийным гласом новую радость возвѣстиша людем. Внегда возклицаху: „Живет царь Соломон!“ —устным привѣтством произъявляху веселие сердца и благожелание воцарившемуся Соломону. Подобное дѣйство и в день рождения плотскаго царя всея твари обрѣтаем: ибо Христу господу, плотию рождьшуся на земли, и словесное

небесныя силы славословие воспѣваху, восклицающе: Слава во вышних богу и на земли мир, во человѣцѣх благоволение! — и орудийными цѣвницами, мусикийскими пищалми пастырие свиряху, аки миру всему и друг другу радости новыя о рождшемся спасѣ мира привѣтствующе. Не точию же в подсолнечнѣй юдоли сицево дѣйство обрѣтаемо есть, но и во выше солнечном емпирийстем градѣ тожде содѣваемо усмотрѣ высокопарный и быстро видящий орел, святый тезоименник благодати:[4] ибо егда видѣ ангнца приемша книгу от десницы сѣдяща на престолѣ, абие четыре животная и двадесят и четыри старцы падоша пред агнцем, имуще кождо гусли и фиалы златы, полны фимиама, яже суть молитвы святых; и пѣша пѣснь нову. Се и устно во день свѣтлости пояху и гусльми играху: не бездѣлно бо в руках си держаша я. Аще сице в небеси, аще тако во Церкви торжествующей, достойно убо и праведно нам, сущим на земли, во Церкви ратующей, подражати небесныя гражданы и в день радости настоящия и гласы преподобными восклицати привѣтственная, и орудии мусиикийскими играти ликовственная. Космицы убо да ликовствуют космическо. Аз же, старец грѣшный, тщася подражатель быти онѣх старцев святых, земный небесных, егда твою царскую пресвѣтлость вижду агнца за кротость, агнца за незлобие, агнца ко своим подданым; даст же господь лва крѣпка и страшна врагом, брани хотящым; егда ти вижду от первопрестолника церкве, от святѣйшаго и всеблаженнейшаго великаго господина кир Иоакима патриарха Московскаго и всея России, вся царская знамения приемша и тѣми велѣлѣпно, ибо царски, сияюща: пад лицем на землю, главу мою под нозѣ ти преклоняю, чая не попраннѣй ей быти, но яко смиреннѣй вознестися, — и ваше бо царско, еже божие, свойство гордыя смиряти, смиренныя же возносити, — и ожидая не отриновения яростнаго, но златаго ти скипетра на ню во знамение милости возложения, яко же великий царь Артаксеркс обычай имѣ творити. Имам же в руках моих гусль и фиалу в персѣх.

Фиалу убо сердца — вещию плотяну, но рачителством чистозлату. Туже исполненну фимиама молитв прилѣжных и желаний всеблагих: ибо, желая, молюся и, моляся, желаю, да жезл силы послет ти господь от Сиона и господствуеши посредѣ врагов твоих. Молюся, да речет о тебѣ господь, еже о Давидѣ:[5] Обрѣтох Феодора, раба моего, елеем святым моим помазах его. Ибо рука моя заступит его, и мышца моя укрѣпит его. Ничтоже успѣет враг на него, и сын беззакония не приложит озлобити его. Изсѣку от лица его враги его и ненавидящыя его побѣжду. И истинна моя и милость моя с ним, и о имени моем вознесется рог его. И положу на мори руку его и на рѣках десницу его. Той призовет мя: Отец мой еси ты, бог мой и заступник спасения моего! И аз первенца положу его, высока паче царей земных, во вѣк сохраню ему милость мою, и завѣт мой вѣрен ему. И положу во вѣк вѣка сѣмя его и престол его, — яко дние неба. Желаю, да благоденствен живеши на престолѣ твоем царстем, благочестия во разширение, славы божия во умножение, добродѣтелей христианских в насаждение, всяких же злодѣяний во искоренение. Желаю, да яко Тиверию, древле во ветсѣ Римѣ воцарившуся, путь нѣкий бывый на странѣ шуией, прейде на десную, по свѣдѣлству историописателя Плиния, — тако во время царствования твоего блаженнѣйшаго даст десница божия, еже шуим путем всяческих дѣяний преити в десная, преложитися в правая. Да тако истинствуется велегласным прореченное пророком: И будет все кривое в правое и остроавое в пути гладки. Желаю, да будеши церкви вторый Констянтин или новый Владимир царствию, да будеши силою Александр Великий, добротою Тит римский, кротостию Давид, мудростию Соломон, благочестием Езекия, промыслом Иосиф, сирым же отец, вдовицам заступник, обидимым свобода, обидящим отмщение, — сокрощеннѣ да реку: всѣм да будеши вся, да вся всѣх господеви приобрящеши и тебѣ самому. Молю паки царя царствующих и госпола господствующих, да вездѣ сый существом, присутствием и силою в тебѣ и

с тобою будет благодатию. Да присущствует правлению ти, судом твоим, совѣтом твоим, начинанием твоим, дѣлом твоим, промыслом твоим, войнам твоим и миру твоему. Да возвеселится Израиль новый (царство Российское) о сотворшем его и сынове Сиона Московскаго да возрадуются о тебѣ, царѣ своем, и да восхвалят имя его в лицѣ и тимпанѣ, и во псалтыри да поют ему. Сицевыми молитвы и желании нося фиалу сердца исполненну, пою твоей пресвѣтлости пѣснь нову, нововоцарившемуся монарсѣ благопривѣтствия и несу гусль духовную в руках моих, доброгласну зело, ибо благая ти звяцающую, желания убо всѣх санов и чинов державы твоея благочестивыя и привѣтства усердная твоему пресвѣтлому царскому величеству о божественном главы твоея увѣнчании и о прочих знамениих царскому лицу твоему приличнодостойных поющую, ея же сладостию да возвеселиши сердце твое, да возрадуеши душу ти праведную, да утѣшишися чювствы твоими царскими. Благоволи гусль сию духовную от мужа духовна царскою ти рукою из рук богомолца твоего возприяти милостивно, ни за худость вещества внѣшняго отрѣвая, ниже за малость искуства моего в художествѣ пиитичестем презирая, но по своей царстей милости благоутробен являяся и пресвѣтлыя зѣницы сердца твоего обращая на рачителство. Удостой гусль сию прикосновения всечестную руку твоею, видѣния пресвѣтлую очию твоею и приклонения на глас ея ушию ти царскую. Мене же, смиреннѣйшаго богомолца своего, лобзания щедродаровитыя десницы ти любезнаго сподобити изволи, иже пресвѣтлаго твоего царскаго величества призрѣнию, милости и благодати со усердием моим и с недостойными иеромонашескими молбами всесмиренно вручаюся.

Пресвѣтлаго царскаго ти величества,
милостивѣйшаго моего благодѣтеля
нижайший раб и присный богомолец
Симеон Полоцкий, иеромонах недостойный.

Крест пречестный церкве слава,
На нем умре наша глава
Христос господь, всѣх спаситель,
Кровию си искупитель.
Хотяй дѣло
си весело
совершити,
должен быти
креста чтитель
и любитель.

И от него вся дѣла начинати
Он бо обыче тѣх благословити,
В началѣх дѣл си и конец дарует,
Крест на демона мечь от бога даны
Сим враг Голиаф адский посѣчеся,
в распятом на нем выну уповати.
иже крест на ся тщатся возложити.
какова в дѣлѣх кто благотребует.
и на вся, иже гонят христианы.
и жало смерти грѣх в конец сотреся.

Сей царем вѣрным
в бранех помогает,
нечестивыя
враги истребляет.
Он православным
есть защищение,
гонителем же
в водах топление.
Его здѣ знамя
впредѣ полагаю,
его ти силы,
царю наш, желаю.
Да та тя вславит, яко Константина,
чтителя суща приснодѣвы сына.
Да будет ти крест, яко столп огненный
в нощи, а во дни — облак божественный.
Щит твоим людем,
страх же враждующым,
на христианы
со мечем идущым.
Сим Христос враги
своя побѣдил есть,
крест на побѣду
и тебѣ вручил есть,
да христианы
от варвар спасеши,
сам в силѣ его
много лѣт живеши.

ЖЕЛАНИЯ БЛАГАЯ

Благочестивѣйшему, тишайшему, пресвѣтлѣйшему, богом дарованному, богом вѣнчанному государю царю и великому князю Феодору Алексиевичю, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу

1

Святѣйшего и всеблаженнѣйшаго великаго господина кир Иоакима патриарха Московскаго и всея России

ЖЕЛАНИЕ

Да благословит тя господь от Сиона
на высокочестнѣм мѣсте царя фрона,
Да благоволит же вѣнчанную главу
на премнога лѣта соблюдати здраву
И да не престанет на ню изливати
по вся дни своея даров благодати.

2

Благовѣрныя и христолюбивыя государыни царицы и великия княгини Наталии Кириловны

ЖЕЛАНИЕ

Яже содержит божия десница
благая людем, всѣх тебѣ царица
И мати твоя усердно желает,
молбы о тебѣ к богу возсылает.
Да царствуеши на многая лѣта
во свѣтлых зарях превѣчнаго свѣта.

3

Благороднаго и благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Иоанна Алексиевича

ЖЕЛАНИЕ

Иоан имя благодать являет,
тоя ти брат твой от бога желает.
Да тою душа ти будет живленна
и рука царска выну укрѣплѣнна
Скипетр держати вѣрных в правление,
на супостаты мечь во отмщение.

4

Благороднаго и благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Петра Алексиевича

ЖЕЛАНИЕ

Петр имя камене толком знаменает,
камен же твердость собою являет.
Петр убо, брат твой, тверду тебѣ быти,
непозыблему на престолѣ жити
Радостно хощет и да побѣдиши
вся Голиафы, егда я узриши.

5

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Ирины Михайловны

ЖЕЛАНИЕ

Ирина мирная имать сказание;
от Ирины тебѣ сие жалание,
Да мир во державѣ твоей водворится,
да кождо о своих благих веселится,

Да мечы на рала будут прекованы,
сулицы на серпы будут предѣланы.

6

Благовѣрныя и благородныя царевны и великия княжны Анны Михайловны

ЖЕЛАНИЕ

Анна во имени своем радость носит;
радости царевна Анна тебѣ просит
От всещедра бога. Да радость отвсюду
тебѣ ся приносит, печаль ниоткуду.
От всѣх твоих предѣл да есть веселие,
яко бѣ в дни царя Августа велие.

7

Благовѣрныя и благородныя царевны и великия княжны Татианы Михайловны

ЖЕЛАНИЕ

Повелителница толк есть Татианы;
повелителства ти, царю богом данны,
Пресвѣтла царевна усердно желает,
да твой странным царствам жезл повелѣвает;
Правлению его да ся покаряют,
иже за пространным морем обитают.

8

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Евдокии Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Евдокии толк есть благоволение;
тоя к тебѣ, царю, доброхотѣние
Есть, да благих правых всѣх ся насытиши,

желаний сердца ти да ся не лишиши.
И да благоволит бог всещедрый в тебѣ,
по временном царствѣ даст и вѣчно в небѣ.

9

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Марфы Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Марфа сказанием есть попечение;
Марфы убо тебѣ сие хотѣние:
Да господь всещедрый печется тобою,
управляя путь твой своею рукою,
И в попечениих твоих да поможет,
иже все что хощет преудобно может.

10

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Софии Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Имя София мудрость знаменает;
София сестра мудрости желает
Главѣ ти царстей, да мудро правиши
данное царство и вся свѣтло зриши,
Яже во оном добрѣ знати требѣ,
Первосудии всѣх дѣл сущу тебѣ.

11

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Екатерины Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Екатерина надежду являет,
истинну купно таже знаменает;
Надежды она молит ти у бога

и да истинна возсияет многа
В дни царствия ти, за ню же на небѣ
вѣнец нетлѣнный господь воздаст тебѣ.

12

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Марии Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Мария тожде есть, что владущая:
сестра хощет ти под солнцем сущая
Имѣти власти, да вся приведеши
ко Христу богу, души их спасеши.
Да Владимиру точен ся явиши,
многия роды вѣрны сотвориши.

13

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Феодосии Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Феодосии имя си толкует —
богоданная: таже усердствует
Богом данному царю ти нашему,
да подаст господь скипетру твоему
Вся управляти, яже обливает
океан роды, и неба желает.

14

Благородныя и благовѣрныя царевны и великия княжны Наталии Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Имя Наталиа есть день рождения;
сия желает тебѣ владѣния
Вездѣ, гдѣ нужда есть от рождения

водою духом, богу въсынения;
Сих же множество родов безчисленно,
до конец земли в мирѣ разширенно.

15

Благородныя и благовѣрные царевны и великия княжны Феодоры Алексиевны

ЖЕЛАНИЕ

Что Феодора сестра ти желает,
царю пресвѣтлый, имя изъявляет;
Седмочислием писмен заключенных,
седми ти хочет даров божественных.
Да тѣми будет душа исполненна,
царства держава всечинно строенна.

16

Преосвященных митрополитов, архиепископов и боголюбивых епископов

ЖЕЛАНИЕ

Архиереи богу служащии,
жертву безкровну ему носящии,
Вси ти всѣх благих усердно желают,
молбы о тебѣ выну возсылают
Ко богу щедру, да изволит дати
здраво, щасливо тебѣ царствовати.

17

Всего пресвѣтлаго сигклита

ЖЕЛАНИЕ

Сигклит твой царский, свѣтлая полата,
не ищет богатств, бисерей и злата
Тако, яко же царстей ти свѣтлости
желает тощно здравия цѣлости.

Занеже кождо готов умирати
за тя, всѣх главу, главу полагати.

18

Преподобносвященных архимандритов, священнопреподобных игуменов, священных протопопов и всего священническаго, диаконскаго, иноческаго чина и всего причта церковнаго

ЖЕЛАНИЕ

Лик преподобных отец ти желает
и кождо, иже в церкви ся труждает,
Да яко солнце на небѣ свѣтиши,
мрак невѣрия в мирѣ истребиши
И вся ереси, вѣру же святую
распространиши во страну всякую.

19

Благочестивых князей и боляр и всего христолюбиваго воинства

ЖЕЛАНИЕ

Кто видѣ, како пчелы матери радѣют,
вся ея правителством во ульи си дѣют,
За ню, яко за царя, главы полагают;
тако сии за тебе готови бывают
На вся бѣдства и на смерть; желают же тебѣ
и в мирѣ царствовати и в премирном небѣ.

20

Всѣх православных христиан

ЖЕЛАНИЕ

Любезная вещь: солнце яко освѣщает
и теплотою в мирѣ плоды содѣвает.
Ты православных солнце за точная дѣла,
тѣмже вси тя желаем здрава, славна, цѣла,
Свѣтла, побѣдоносна всегда созерцати,
дондеже господь даст ти миром обладати.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Буди же обладатель чрез время толико,
в подложенней скрижали возможно елико
Многа лѣта считати многими премѣны,
от среды на вся страны будиж без измѣны.

А т ѣ л а г о н о г а л ѣ т А
т ѣ л а г о н м н о г а л ѣ т
ѣ л а г о н м и м н о г а л ѣ
л а г о н м и у и м н о г а л
а г о н м и у в у и м н о г а
г о н м и у в т в у и м н о г
о н м и у в т с т в у и м н о
н м и у в т с р с т в у и м н
м и у в т с р а р с т в у и м
и у в т с р а **Ц** а р с т в у и
м и у в т с р а р с т в у и м
н м и у в т с р с т в у и м н
о н м и у в т с т в у и м н о
г о н м и у в т в у и м н о г
а г о н м и у в у и м н о г а
л а г о н м и у и м н о г а л
ѣ л а г о н м и м н о г а л ѣ
т ѣ л а г о н м н о г а л ѣ т
А т ѣ л а г о н о г а л ѣ т А

ПРЕДПРИВѢТСТВІЕ

Желания благих всѣх чинов явленна
та да исполнит милость божественна.
И да приложит ина блага тебѣ,
яже ти жизни бог вѣсть быти требѣ.
Аз привѣтствия благая вѣщаю,
гуслию сею любезнѣ звяцаю.
В небеси многи старцем гусли бяху,
вси же едину всѣми пѣснь пояху,

Аз единою многи пѣсни пою
по числу гуслей их в честь царску твою,
Желая, да вси вѣрнии ликуют,
царствия тебѣ вѣрно привѣтствуют.
Ты же изволи любезно слушати,
мене в милости своей соблюдати.

ПРИВѢТСТВО 1

По темной нощи день свѣтлый бывает,
солнце лучами всю тму изтребляет.
Вся веселятся, егда освѣщенна
солнцем бывают и преукрашенна;
Человѣк грядет дѣла совершати,
их же не даде нощный мрак дѣлати;
Птицы из гнѣзд си тощно излѣтают,
сладкими гласы аер исполняют;
Звѣрие токмо лютии хранятся,
злобы своея явити срамятся;
И чада нощи свѣта дне гонзают,
дѣла лукава тмою покрывают.
Дне же сынове любят в свѣтѣ жити
и дѣлеса дне похвално творити;
Тѣмже, егда день желанный приходит,
в сердцых их радость превелику родит;
И плаватели зѣло веселятся,
от волн злолютых егда свободятся.
Обще всѣм людем радость ся рождает,
егда по многих дождях возсияет
День доброведрный, аки узлащенный,
лучесы солнца ясно просвѣщенный.
Сицев день нынѣ в России сияет
и вѣрных сердца свѣтло озаряет.
Мрачная нощь бѣ во Российстей странѣ,
егда пресвѣтлый царь во гробнѣй ямѣ,
Царь наш Алексий Михайлович славный,

тѣлом положен, царь всѣм родом явный.
Дождь слезный тогда на землю лияся,
яко свѣт очес наших сопрятася
Во земли мрачней и досаден бяше,
яко отял бѣ ведро сердца наше.
Днесь же день велий мирови сияет,
тму в свѣт и слезы в радость прелагает,
Егда от бога ты нам дарованный,
царь на престолѣ сѣдиши вѣнчанный.
О Феодоре Алексиевичю,
Российска царства истинный дѣдичу,
Солнце ты наше, убо день великий
тобою бысть нам от вѣчна владыки.
В нем же имамы безбѣдно ходити
на дѣла наша и радостно жити,
Яко же птенцы сладкогласно пѣти,
на твою свѣтлость несмѣженно зрѣти.
Токмо кто звѣрем дивым подобится,
той в своем ложи негли сохранится,
Не могий свѣта твоего терпѣти,
яко не может сова солнца зрѣти.
И чада нощи, дѣлатели злаго,
гонзати имут дне ти пресвѣтлаго,
Да не во злобах будут обличени
и правдолюбнѣ по дѣлом суждени.
Чада же свѣта живущии благо
возцѣнят день твой паче злата драго,
Возлюбят в его сиянии жити,
дѣлеса свѣта на всяк час множити.
Толику дневи приемшу начало,
есть веселие во сердцах немало
Рабов ти вѣрных, Феодоре царю,
царств и князств многих правый государю.
И вящше напред имать возрастати,
егда будеши день той озаряти

Лучесы доброт, богу возлюбленных,
миру полезных, тебѣ же спасенных.
Ибо имать я господь ти воздати
умножением свѣта благодати
В мирѣ сем мрачнем и в горнем Сионѣ
днем безконечным при всесвѣтлом фронѣ,
Их же благ вѣрно аз тебѣ желаю,
о дни сем свѣтлом привѣтство вѣщаю.

ПРИВѢТСТВО 2

Многа свѣтила богом сотворенна,
во препространном небѣ положенна.
Число их творец сам всесилный знает
и имена им сам же нарицает.
Звѣзд блюстители немногая знают,
силу и действо онѣх разсуждают.
Между же всѣми седмь тѣх обретоша
свѣтил, планиты яже нарѣкоша.
Их же два токмо велика реченна,
во дне и нощи область устроенна.
Луна во область нощи положися,
солнце же над днем богом поставися,
Еже в срединѣ планит насажденно
и красотою свѣта исполненно.
Источник свѣта то ся именует,
яко свѣтилом прочим обществует.
Свѣт свой и мир весь дивне озаряет,
вся ростущая с земли оживляет;
Течением си круг земной обходит,
всякия плоды из земля изводит
И в нѣдрѣх ея крущцы устрояет,
из них же злато и сребро бывает.
Все, еже благо здѣ и красно зрится,
солнца то дѣйством в мир изводится.
Тѣмже кто велик солнцем нарицаем

и царя мира солнцу уравняем.
Что аще иным прилично бывает,
кто-либо хощет, то да разсуждает.
Царем российским во правду годствует,
да ся от вѣрных кождо именует
Солнце за свѣтлость истинныя вѣры,
ею же свѣтит во мирѣ без мѣры,
В ней же, егда ся дѣла прилагают
благая, солнце всяко сотворяют.
Солнце ты убо, царю богом данный,
будеши вправду от раб вѣрных званный,
Ибо свѣт вѣры от тебе сияет
и дѣлес благих надежда блистает.
Хощещи быти по бозѣ ревнитель,
православныя вѣры разширитель,
Хощеши раскол всякий изтребляти,
добронравие в людех насаждати,
Имаши умом вѣздѣ обходити,
да яко солнце можеши живити
Всякое древо во раи мыслѣнном,
в царствии твоем благонасажденном.
А яко солнце зодий претекает,
тако и тебѣ тещи подобает.
Дванадесять суть знамени в зодии,
в нем же суть люди и звѣри нѣкии.
Первый есть агнец, в нем же ты ходиши,
повнегда тихость агнчую храниши,
Со незлобием в сердцы ти спряженну,
со смирением духа съединенну.
Вторый есть телец, вон же ты вшел еси,
егда царствия бремя приял еси,
Еже достоит не без труд носити,
бог же изволит в нем ти пособити.
Третие мѣсто близнецы заяша,
в них же царская будет свѣтлость ваша,

Внегда потщится с Христом всегда жити
и сердцем своим ему во храм быти,
Иже сугуб есть бог бо совершенный,
в человѣчество наше облеченный.
В четвертом мѣсте рак вспятный витает,
его же свѣтлость ваша прехождает,
Егда от гнѣва к милости вспятится
и в день ярости к щедротам вратится.
На пятом мѣстѣ лев есть утверженный,
зубы и ногты дивнѣ въоруженный.
То знамение тогда ты пройдеши,
егда на враги престрашно пойдеши
И злогордыя будеши терзати,
ли понудиши гласа ти гонзати.
На мѣстѣ шестом дѣва почивает,
юже пресвѣтлость ваша присещает,
Егда ся молит Марии дѣвицѣ,
всѣх правовѣрных скорой заступницѣ.
Та да изволит тебе соблюдати,
яко же чадо свое хранит мати.
На сѣдмом мѣстѣ мѣрила блистают,
яже хранити правду поучают.
Ты, солнце наше, тая присѣтиши,
егда во царствѣ правду утвердиши,
Лесть же всякую велиши прогнати,
в нем же ти господь хощет помощь дати.
Осмое знамя скорпий, исполнь яда;
сего ти нужда есть попрати гада,
Общаго врага рода христианска,
змия глаголю люта агарянска,
Нан же ти господь сам в помощь буди,
да свободиши плененныя люди.
Мѣстом девятым стрѣлец обладает,
иже из лука стрѣлы изпущает.
Того ты тогда славно претечеши,

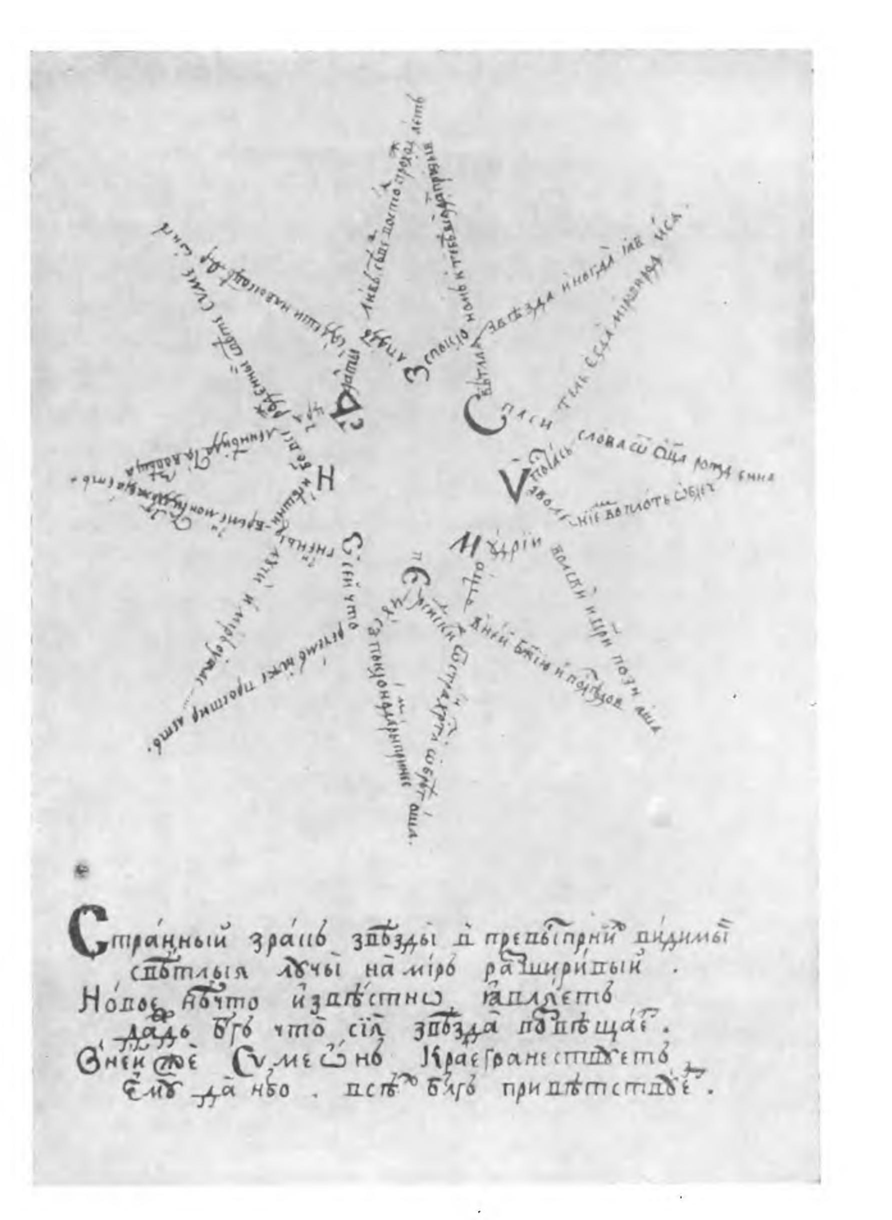
егда скифския страны попереши,
Луки и стрѣлы онѣх сокрушиши,
гордыя главы до стоп понудиши.
О, даждь то, боже, тебѣ совершити,
что твой родитель умыслил творити!
В мѣстѣ десятом есть козел рогатый,
по горам скачющь, власами богатый.
В Писании же козел знаменует
царя греческа, — Даниил сказует.[6]
Прилично убо нынѣ царствующа
в грѣчестей странѣ чрез козла скачюща
Есть сказывати: ибо есть рогатый
гордостию си и в тлѣнных богатый;
По горам скачет, егда похищает,
яже высока в мирѣ созерцает.
Господь же, иже гордым противится,
тебѣ на помощь молим да потщится,
Еже под твоя пречестныя ноги
гордости его преклонити роги.
Тогда ты козла славно претечеши,
егда тѣх рогов оному притреши.
Аз же и весма желаю сломити,
с власов и кожи в конец обнажити,
Да и всѣм тѣлом в користь будет тебѣ.
О даждь то, боже, царствуяй на небѣ!
Первонадесят мѣсто державствует
водолий мокрый. В нем днесь бышествует
Твоя пресвѣтлость, егда обладает,
что водолию горню подлегает.
Еще и тогда будеши ходити
по водолию, егда будут плыти
Ратници твои чрез морския воды
к престолну граду гречески породы,
Еже из скверных взяти агарянских
рук и предати до рук христианских

Твоих пресвѣтлых. Того ти желаю,
молитвы к богу о сем возсылаю.
Второнадесять мѣсто рыбы знают,
яже во водах глубоких плавают.
Ты, солнце наше, тыя преходити
имаши, егда будеши ловити
Морем пространным роды окруженны,
яко же рыбы в водах заключенны,
И внегда невод твой будет ходити
по нѣдрам морским и всяк род ловити
Рыб, тамо сущих, чистых же и скверных,
еже есть вѣрных людей и невѣрных;
Ты же будеши оны избирати
чистыя тебѣ, скверны же вергати;
Еще и тогда, внегда ти крестити
дасть бог агарян и рыботворити
Из скверных змиев водами святыми,
да будут богу рыбами чистыми.
Яко же святый Владимир содѣя
в царствѣ пространном державы твоея.
Тако и тебѣ даждь бог сотворити,
где царь Констянтин изволил бѣ жити.
Вѣры ты его наслѣдник всеправы,
буди стяжатель купно и державы.
Негли речет кто, яко неудобно
лву из зуб взяти овцу ни подобно,
Сицев да помнит, яко изхищаше
Давыд из зубов и лва убиваше;[7]
Тожде и лютым медвѣдем творил есть,
овцы отемля и самы давил есть.
Аще Голиаф враг той зрится кому,
воспоминаю аз Давида тому,
Иже и мал быв порази велика,
яко с ним бяше царь всѣх и владыка;
Взем мечь свой ему отсѣкл горду главу,

Стихотворение в форме сердца из „Орла российского“.

Рукопись Библиотеки Академии Наук СССР, 16. 5. 7, л. 46.

Стихотворение в форме звезды из „Благоприветствования“ царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона.

Рукопись Московского Гос. исторического музея, Синод. собр., № 287, л. 432.

воздаде богу пособлшему славу.
Тако и нынѣ что нам не подобно
видится быти богу есть удобно.
Токмо потребно есть давыдствовати,
со богом жити и в нем уповати.
То есть извѣстно, враг голиафствует,
Христа истинна бога безчествует,
Глаголя хулы, в силѣ уповает,
на Исраиля нова наступает.
Ты, божий даре новоувѣнчанный,
буди от бога Давыд нам посланный,
Именем его ты вооружися,
десницѣ святѣй надежно вручися.
Да укрѣпит тя, даст торжествовати,
пѣснь побѣдную свѣтло воспѣвати!
Того весь сонмь наш вѣрный ти желает,
руцѣ молебно к богу воздѣзает.

ПРИВѢТСТВО 3

Орел российский под небом лѣтаяй,
гласом славы си весь мир исполняяй,
Егда во свѣтѣ мысленнаго солнца
крилы си царства покрываше конца,
От вселютыя смерти устрѣлися
и в вѣнценосной главѣ уязвися.
Низъпаде в яму, в земли ископанну,
сотвори слезми землю облиянну,
Остави вѣнъцы честныя си главы,
яко бысть тако годѣ царю славы.
Пал есть и умре, но паки воскресе
во своем сынѣ, егда тя вознесе
Бог вмѣсто его, еже царствовати,
скипетр российский преславно держати.
О божий даре, из царя рожденный
и на престолѣ царстѣм посажденный,

Живет наш орел в тебѣ и лѣтает,
во солнце славы възлѣтѣти желает.
Яко же отец миру бяше явен,
тако даст господь ты будеши славен.
И выше даждь бог быти вознесенну
во честь и славу орлу обновленну.
Гоняше орел старый птицы многи,
прострет и младый на ня своя ноги,
Изряднѣе же на нощныя враны,
вънгѣздившияся в людей вѣрных страны.
О орлѣ вѣстно: той ся обновляет,
да бодрѣй к дѣлу своему бывает.
Тако со орлом нашим сотворися,
ветхий во млада орла претворися,
Да дѣйствѣннее во сынѣ лѣтает,
на то и господь днесь тебе вѣнчает,
Царю пресвѣтлый, и хощет ти дати
силу на враги, еже я терзати.
О даждь то, боже, да тебе страшатся
врази, як орла вся птицы боятся;
Хищныя тогда на лов не дерзают,
егда близ быти орла познавают;
Даст бог, при тебѣ не будут дерзати,
иже обычай имѣша хищати,
Во гнѣздах своих спрятатися будут,
да в них главами безбѣдны пребудут.
Вкрилися токмо пѣрнатѣй блаженно,
в добрых перие дѣлес божественно,
А господь даст ти пресилно лѣтати,
многи користи от врагов взимати.
И яко орел обыче творити,
будеши твой лов с твоими дѣлити,
Иже вслѣд воли твоея лѣтают
и слово дѣлом тощнѣ исполняют.
А яко орел птенцы си вращает

к солнцу чювственну, да тако познает,
Кий не отроден естества пребудет
и кий лѣнивец непотребный будет:
Бодрый бо свѣтло на солнце глядает,
отродный паки очеса смѣжает;
Тогда он бодра прилежит живити,
гнюснаго паки скоро изгнѣздити, —
Подобнѣ и ты люди обратиши
к солнцу мысленну, да тако узриши,
Кто к свѣту Христу весело смотряет
или кто очи вѣры си смѣжает:
Свѣтлозрящыя будеши щадити,
мрачноочныя велиши лѣчити,
Коллурием я духовным мазати,
еже о вѣрѣ в Христа наставляти;
Аще же тогда будут слѣпствовати,
изгнѣздиши я из нѣдр благодати.
Еще о орлѣ и то повѣдают,
иже естества его свойства знают,
Яко обыче пред птенцы лѣтати,
да ся научат на аер дерзати.
И ты, наш орле, чаем, сотвориши,
вся твоя люди к небу возбудиши
Вѣры и благих дѣл крилы лѣтати
образ тобою изволиши дати.
На то бо еси Христом возвышенный
и на престолѣ царстем посажденный.
Лѣтай ты убо пред нами высоко,
гдѣ есть бдящее неусыпно око
Крилами духа. А славы благия
пери крилама в концы вселенныя:
Да идѣже свѣт солнечный сияет,
тако слава ти вездѣ превитает.
Отчества гнѣздо покрывай крилами,
вражия сѣти раэтерзай ногами.

Вси, иже на тя ковы умышляют,
в ногтех орла ти конец да познают.
Агарян гордых луна своя роги
да сложит кротко под орла ти ноги.
Инако взем я, луну да терзает
или во круглость ту да согибает.
Да кругла суща свѣтом исполнится,
от тебе, солнца, вся да просвѣтится
Благочестия свѣтлыми лучами,
да иже врази, друзи будут с нами.
О свѣте присный, просвѣти вся страны,
даждь Феодору царю агаряны,
Божиим даром да будут владоми,
орлом российским к небеси ведоми.
Орел наш к тебѣ научит я зрѣти,
к солнцу истинны, яко своя дѣти.

ПРИВѢТСТВО 4

Во чрепокожих нѣции считают,
инии в рыбах порфиру вмѣняют,
Яже прибыток людем содѣвает,
багр източает.
Им же овчая бывает крашена
волна, послѣжде во нити прядена,
Из них же сукно потом содѣвают,
багр нарицают
Или порфиру, бѣ же честна зѣло,
царское токмо покрываше тѣло
Или, им же царь изволяше дати,
лѣть бѣ ношати.
Изряднѣе же царем багряницы
во честь и в знамя ткаху человѣцы,
Яко изрядно багрян цвѣт блистает
и украшает.
То в древних вѣцех во похвалу бяше.

Лутшая строит царем время наше:
Златом, бисерми свѣтло украшает,
честь умножает.
Тако ты нынѣ, царю, украшенный,
всѣм яко солнце еси проявленный.
Вси на тя очи своя обращают,
честь должну дают.
Не тако луна полная сияет,
егда лик свѣтлых звѣзд ю окружает,
Яко лице ти от бога почтенно
есть украшенно.
Внѣшню красоту есть любезно зрѣти,
бог же внутрнюю велит нам имѣти,
Сирѣчь доброты, — тыя ему любезны,
суть бо небесны.
Твоя прѣсвѣтлость, вѣм, яко желает,
да небесными бисеры сияет
Душа ти царска; тѣмже и потщится
да украсится
Тѣлесе паче; во еже бы богу
быти любимѣй в щедротах премногу;
Сам же изволит бог ти пособити
душу красити.
Тебѣ достоит тѣх бисер искати,
тщанием бог же изволит я дати,
Да ся оными преобогатиши,
преблаг явиши.
Внутрный человѣк твой есть облаченный
в Христа, егда вонь был еси крещенный;
Он ему риза, дѣла же ти блага
красота драга.
Си душевная твоя багряница,
юже украсит божия десница;
Брачна одежда имать быти тебѣ,
да яси в небѣ

Брака вечерю агнца безконечну,
сладостию же и временем вѣчну,
И да будеши тамо облеченный
в свѣт божественный.
Здѣ даждь ти господь свѣтом благодати,
славы, крѣпости долгий вѣк сияти
Вездѣ, гдѣ солнце лучи си пущает
и согрѣвает.
По земном царствѣ буди царь и в небѣ;
от славы в славу аз желаю тебѣ
Внити и во свѣт небесна чертога,
гдѣ радость многа.

ПРИВѢТСТВО 5

Егда на крестѣ Христос царь висяше,
тогда содѣя спасение наше,
Врага же люта в конец побѣдил есть,
смерть умертвил есть.
Того нам знамя креста даровати
благоволил есть, да бы побѣждати
Тѣм враги наша безтщетно и цѣло,
в купѣ весело.
Его бо сила дивная дѣйствует,
чтущым распята побѣды дарствует.
Ей, божественно сие орудие
и оружие!
Егда Констянтин Велий воеваше
со Максентием и ратно идяше,
Еже бы горда тиранна смирити
и побѣдити,
Прият от бога знамение сие;
во извѣстное своим спасение
Велѣ бо господь ему крест сдѣяти,
с тѣм воевати.

Царь вѣрив богу повелѣ дѣлати
образы креста и ты утвержати
На знамениих, и бысть побѣдитель,
врагу отмститель.
Ибо Максентий, елма кресты зряше,
абие страхом с полки объят бяше,
Чрез мост глубоких вод в бѣгство пустися,
но погрузися.
Оле чюдесе! Древле фараону
образом креста в мори, здѣ оному
Погружение не случаем бяше,
но бог творяше.
Того извѣстна церковь, наша мати,
обыче цари крестом украшати,
Да силни будут вопреки стоящым,
брани хотящым.
Крест убо, царю благовѣрный, тебѣ
бог даровал есть ко всяцей потребѣ,
Да, егда его на персѣх носиши,
враги смириши
Силою того, и в защищение
тебе имаши сие знамение:
Щит бо извѣстный крест есть божественный,
вѣрным спасенный.
Креста образно Мойсий воздвизаше
руцѣ ко богу, егда воеваше
Иисус враги, и дал бог попрати
злы супостаты.
Ты крест на перси честны воздвигл еси,
ум воздвизая к живущу в небеси,
Да в силѣ его враги побѣдиши,
Христа славиши.
Врагом крест соблазн и поношение,
тебѣ он слава есть и хваление;
Тѣм на вѣнцы и на персѣх носиши,

Христа в нем чтиши.
Род некрещеных очи отвращает,
идѣже знамя креста созерцает;
Ты же близ сердца честный крест держиши,
Христа любиши.
За что Христос ти любовь си да явит,
противу врагом пресилна поставит;
Вѣнцем побѣды тя да украшает
и прославляет.
В четырех странах мира превелика,
яже создал есть небесный владыка;
Восток и Запад, Юг, Сѣвер являют
крест, да тя знают.
Тамо сущии дары да приносят,
гаваонитски милости да просят.
О даждь то, Христе, вѣрным созерцати,
тя величати!

ПРИВѢТСТВО 6

Златыя вѣнцы художник дѣлает,
камением я честным украшает;
Но главы тѣми царския венчати,
есть то божия дѣло благодати;
Иже сим родом цари уставляет
и главы онѣх свѣтло украшает.
Да вси знающе, яко живый в небѣ
царь царя в мирѣ ко общей потребѣ
Сам утвержает, достойно бы чтили,
сущу от бога вѣрно бы служили.
И аще зрится первый жрец вѣнчаяй,
но сам есть господь тайно украшаяй;
Орудие есть в дѣлѣ сем святитель,
во мѣсто бога самого служитель;
Сам же создател есть избратель главы
и возложитель честна вѣнца славы.

Ибо и пророк богу причитает,
яко он вѣнец славы возлагает;
Возлагает же, да знает вѣнчанный,
яко на дѣло царско есть избранный,
Не празден быти, но труд полагати,
о всѣх безбѣдствѣ людей промышляти,
Хранити правду, бѣдных защищати,
на супостаты мечь остр извлекати.
Красен есть убо вѣнец и блистает
свѣтом каменей, но в тай увѣщает,
Яко, елико злато превосходит
вся крушцы, яже земля мати родит,
Толико царю должно лучшу быти
от всѣх, яже бог изволил вручити
Его державе. И тако свѣтити
благими дѣлы донели же жити
Паче всѣх людей, яко же сияют
камени, иже главу украшают,
Паче каменей верху земли сущих,
не сровнимую тым цѣну имущих.
И тягость злата, мню, то знаменает,
яко не легко бремя возлагает
На вѣнценосца рука щедра бога,
ибо в царствии дѣла зѣло многа.
Аще и то есть в златѣ знамение,
не буди тебѣ о сем сумнѣние,
Пресвѣтлый царю, от бога избранный
и вѣнцем честным свѣтло увѣнчанный:
Вѣсть бог, елико кому налагати
бремя, да может удобно двизати;
К тому и сам он пособник бывает
тѣм, им же бремя велие взлагает.
Не сумнив буди, паче веселися,
яко сей вѣнец на тя возложися.
К нему от бога ты предуставленный,

к нему от ложесн ты царских рожденный.
Не обременит он главы твоея,
бог не лишит тя помощи своея;
Хощет ти ону выну посылати,
в дому и в полцѣх свыше подаяти.
Лобзай вѣнец сей, с ним на твою главу
бог изливает благодать и славу;
Иже от бога устроен есть в небѣ,
той днесь праведно воздадеся тебѣ.
Дар он есть божий, тебе украшаяй,
взаем от тебе свѣтлость си общаяй.
Он тебѣ злато, ты адамант ему,
дар божий сличный дару божиему.
В нем же тя зряще точнѣ восклицаем,
что Соломону восклицанно знаем:[8]
Дщери Сиона руска, изыдите,
царя во вѣнцѣ Феодора зрите,
Им же вѣнча и церковь, наша мати,
еже многими царствы обладати!
Зряще же, руки воздѣйте до бога,
да даст вѣнчанну царю лѣта многа.

ПРИВѢТСТВО 7

Бог богов и всѣх господь, егда посылаше
Мойсия во Египет и бога прозваше
Его фараонова, жезл ему вручил есть
во знамение власти, ею же почтил есть.
Тѣм он божественная чюдеса творяше,
земля, море, воздух того послушаше.
Преславный царь Артаксеркс жезл держа рукою,
им же обыкл являти людем милость свою;
Елма бо непризванным внити не лѣть бяше,
к нему протягнением жезла проявляше
Милость, во еже к нему волно приступити,
яко же Есфирѣ ту восхотѣ явити.

И правителем иным жезлы ся вручаху,
иже власть им над людми данну знаменаху.
Псаломник жезл правости и жезл правления
именует я в псалмѣх и жезл казнения.
Изряднѣе же царю жезл приличествует,
иже безчисленныя люди державствует,
Во знамение власти данныя от бога,
на право правление сонма людей многа.
Сей именем скипетра мудрыми прозванный,
бывает же из злата чистаго созданный,
И честным камением украшен бывает,
лѣпотою иныя жезлы превыжшает;
Царскому достоинству да будет приличен,
нижае сановитым людем не обычен.
Сицев твоей свѣтлости царстей есть врученный
во знамение власти скипетр божественный,
Царю наш Феодоре, из царя рожденный,
из Алексия славна; вѣнцем днес почтенный,
Той да будет в жезл силы дарованный тебѣ
от господа сил горних, живущаго в небѣ.
Да с ним данныя силы вси врази страшатся
и главами ногам ти царским поклонятся.
Мойсиева да будет при нем жезла сила,
яже бы церкве враги в мори погрузила.
Христоимѣнитых же полки да спасает,
от гонителей лютых вся да свобождает.
Внутрь царствия да будет он жезл правления,
заблуждшым на истинны путь наставления,
Законопреступником язв наложения,
неисправивым паки главна казнения.
Тако он жезл правости будет пребывати,
знаяй мзду коемуждо по дѣлом воздати.
Два жезла Захарии господь поминает,
„доброты" и „схинизмы" сам я нарицает.[9]
Твой един обѣ силѣ да содержит в себѣ:

доброты к правовѣрным, к невѣрным же требѣ,
Да будет жезл схинизмы, да бы я вязати
вервием учинения и Христу плѣняти.
Противящымся паки да будет желѣзны,
сокрушаяй я, яко сосуды скуделны.
Церковь православную он да утвержает,
волки овцохищныя вся да прогоняет.
Иеремиа пророк усмотрѣ жезл бдящий.[10]
Твой жезл царский да будет на вся страны зрящий,
Еже подданных своих нужды созерцати,
от обилия царска скудость исполняти.
В запредѣлных же странах вся да усмотряет,
кто есть храняй дружество, кто яму копает.
Той, егда изволиши к вѣрным протязати,
милость приступления к тебѣ проявляти,
Яко же Есфир конец жезла цѣловаше,
тако лобзати имать жезл твой сердце наше.
Его же ти желаем много лѣт держати,
даже сам восхощеши в небеси витати.

ПРИВѢТСТВО 8

Егда царь на царство помазан бывает,
шуйцѣ архиерей державу вручает.
Тѣмже хотяй лице царско написати,
сей хранит обычай, да бы начертати
В десницѣ жезл скиптра, в шуйцѣ же державу
обладающему землею во славу;
Ту же кругловидну вси изображают,
верху же ея крест честный утвержают;
В шуйцѣ негли за то, яко добродесно
не земно богатство, но царство небесно.
И о мудрости то Приточник вѣствует,[11]
что в шуйце славу и богатство пѣстует.
Мудрости царие убо подобятся,
ими же земная во шуйцѣ держатся.

Кругловидность ея негли знаменует,
яко в единой руцѣ непостоянствует,
Но из руки в руку скоро претекает
и паки во ину, что коло, бѣгает.
Крест выше державы честный написуют,
крестом мир спасенный быти извѣствуют,
Или яко Христос вѣрных си державу
вручествует в свою божественну славу.
Его ради славы тебѣ есть врученна
Руская держава, свѣтом просвѣщенна,
Тебѣ, Феодору Алексиевичю,
многих царств, княжств и земль правом дѣдичу.
Ея же пространство хотяй описати
должен бы премного путешествовати;
Во странѣ Еуропстей, в далецей Азии
безчисленнии гради нам незнаемии.
Сокращеннѣ убо хотяй ю познати
полну твою титлу да тщится читати:

Божиею милостию великий государь царь и великий князь Феодор Алексиевичь, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородцкий, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Боягорский и иных; государь и великий князь Новагорода, Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сѣверныя страны повелитель; и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкаских и Горских князей и иных многих государств и земель, Восточных и Западных и Сѣверных, отчичь и дѣдичь и наслѣдник и государь и обладатель.

Ей же да приложит господь и новыя
от стран супостатов Христовых многия,
Да твои предѣлы вездѣ пространятся,
чюждии родове ти да поклонятся.
Вся же сия в славу тебе воцаривша,

на отчѣ престолѣ честно посадивша.
А он взаим тебе изволит славити,
воинство державы твоея крѣпити
На полки вражия. К тому и на небѣ
вѣнец славы вѣчны уготует тебѣ.

ПРИВѢТСТВО 9

Соломон мудрый, егда царствоваше,
мир имѣ велий и пребогат бяше,
Умысли престол себѣ соружити,
ему же точну в мирѣ бы не быти.
И сооружи велий и богатый
из костей слоних и внѣ чисто златый.
Сѣдалище двѣ руцѣ держастѣ,
от падения оно утверждастѣ.
Има же два лва страшна пристояста,
аже зрящыя на ня устрашаста.
Шестистепенный восход к нему бяше,
два скимна кийждо степень содержаше.
Вся сия зѣло люди устрашаху,
приступ ужасный к царю знаменаху.
Тако в законѣ ветсѣ подобаше:
закон бо страха тогда людем бяше.
Не тако нынѣ закон благодати
велит престолы царем созидати.
К добродѣтелем паче увѣщает,
неже богатство злата совѣщает;
Тѣмже твой престол, царю правовѣрный,
ни костми слонов, ни златом безмѣрный,
Ниже многими лвами окруженный,
ни паче нужды есть многостепенный;
Да бы не выше мѣры страшну быти,
ни неприступну людем тебѣ жити.
Добродѣтелми паче он сияет,
яже пресвѣтлый род ваш умножает.
Чистота сердца и любы ко богу

и ко подданным красоту премногу
Дѣет престолу; суд же утвержает,
ему же милость помощь прилагает.
В мѣсто львов страшных многи благодати
окрест престола вѣсте утвержати;
Восхождения в сердцах полагати,
да бы и в небо по оным ступати.
Сице престол ваш свѣтло украшенный
мощно есть звати престол божественный.
На нем же сѣдя, живи долго, царю,
тезоименне божиему дару,
И сияй свѣтло вышняго дарами,
яко полна луна со звѣздами.
Паче же солнцу весма подобися,
в средѣ словесных планит ти свѣтися,
Лучми твоими оны озаряя
и вся вѣрныя тѣплѣ согрѣвая.
Мы же имамы господа молити,
да благоволит престол утвердити
Ваш в царствѣ; яко течение солнца,
имать пребыти до всемирна конца.
Мафусаилов ты вѣк да сѣдиши,
потом небесно царство наслѣдиши.
Донели же Москва во Оку впадает
и та во Волгу пространну вплывает,
Престол ваш царский недвижим да будет
и сѣмя твое на нем да пребудет.
До их же времен рыбы вод желают
и перната воздух прелѣтают,
Дотолѣ дажд бог престолу стояти
и твоей крови на оном сияти.
И донели же от пресвѣтла солнца
день ся раждает во вся мира конца,
Дотолѣ слава ваша да лѣтает
вездѣ, гдѣ воздух вѣтры си пущает.

ПРИВѢТСТВО 10

Бог херувиму повелѣ хранити
земнаго рая, да бы приступити
Никто же дерзал, и мечь вручи ему,
слузѣ своему.
Меч же огненный, скоровращный зѣло,
да бы едемский сад пребывал цѣло
И древо жизни да бы некосненно
тому врученно.
Ты слуга божий вѣрный, царю, еси
Точн херувиму, аще и в тѣлеси;
Тебѣ от бога жива есть врученный
рай наш мысленный —
Церковь святая, в ней же процвѣтает
древо животно, еже оживляет
Всѣх души вѣрных выну же всецѣло
Христово тѣло.
Суть в ней и ина многа насажденна
бога рукою древеса мысленна —
Вси християне, иже хвалу богу
дают премногу.
Сего ты рая херувим избранный,
тѣмже ти мечь есть от господа данный,
Да бодрый его будеши хранитель
и защититель.
Желѣзный убо мечь изволи дати.
но ты огненна должен содѣвати,
Да во ревности пламене палает,
тѣм ся вращает;
В ревности паки, яже есть по бозѣ,
не в ярости, но во любви мнозѣ.
Тако же горяй от рая ти прага
отсѣчет врага.
Есть обоюду мечь сей изощренный,

на обѣ странѣ да будет дѣйственный,
Сирѣчь в державѣ и за предѣл праги
на злыя враги.
Вънутрь царства убо на зло творящия,
благих гражданом тщеты дѣющыя,
На иже закон божиих не знают,
казнь презирают;
Тыя бо весма должно изтребляти,
яко же волки в стадѣ избивати,
Да овец кротких ни когда снедают,
ниже враждают.
Внѣ же предѣлов имать дѣйствовати
мечь твой на враги, сирѣчь я смиряти
Первѣе страхом да будут покорни,
а не упорни.
Аще же роги будут возносити,
мечем есть нужда раны наложити,
В конец же гордым и живот отяти,
гробом предати.
Найпаче иже врази суть Христови,
рай наш мысленный терзати готови;
Яко молния, мечь твой страшен буди
на тыя люди.
Яко Иисус Наувин посѣцаше
полки и цари и грады плѣняше
Вражия мечем, тако дажд бог тебѣ,
живый на небѣ,
Скоро и силно мечем изтребляти
нехотящия Христа бога знати,
Полки их с вожды славно побѣждати,
грады взимати.
Яко Самуил заклал ест Агага,
Тако даждь, боже, заклати ти врага
Паче всѣх горда, род же обратити
Христа хвалити.

Лукоратники даждь бог побѣдити,
яко косою траву искосити
Или яко серп класы пожинает,
сонм да падает
Пред твоим мечем скифов некрещеных
или да видим Христови плененных.
Твоя же полки бог да сохраняет
и помощ дает.

ПРИВѢТСТВО 11

Соломон в царствѣ егда утвердися,[12]
бог в Гаваонѣ спящему явися,
Веля у себе что хощет просити,
во благо жити.
Он же смиренно к богу глаголаше:
„Боже мой, твоя милость царство даше
Мнѣ управляти, люд твой возлюбленный
сущь безчисленный.
Аз же отрочищь мал есмь и исхода
не свѣм моего, ниже знаю входа.
Тѣмже, молю тя, изволи ми дати
смысльнно вся знати,
Да могу что зло, что благо судити
и между людми правый суд творити“.
Се слово богу преугодно бяше,
любо прияше.
Тѣм рече к нему: „Зане же просиши
мудрости, не лѣт премногих молиши,
Ни душ вражиих, ни богатства многа
от мене, бога,
Се дам ти мудрость паче бывших прежде
царей и паче будущих послежде,
И той ти приложу славу и богатство
во твое царство“.
О щедрот бога! Многша даровал есть,

неже Соломон от него желал есть.
Сице смиренным бог милость являет,
что требѣ дает.
А занеже ты точнѣ смирен еси,
царь нашь, пред царем, живущим в небеси,
Тѣмижде дары изволит тя чтити,
мудрость дарити.
Даст ти богатства, приложит и славу;
смирившуюся вознесет он главу:
Его бо свойство смиренным даяти
си благодати,
Их же ти церковь усердно желает,
молбы о тебѣ к богу возсылает.
И приложити многа лѣта просит,
руки возносит.
Ты же изволи страж ей вѣрен быти,
от сопротивных прилѣжно хранити,
За что извѣстно возмеши от бога
лѣта премнога.

ПРИВѢТСТВО 12

Самуил пророк елма помазаше
Савла на царство и людем являше,
Сказа от бога изъбранна и быти
люди правити.
И рече к людем: „Се зрите избранна,
не имать весь род мужа ему равна“.
Люди „да живет царь наш!“ вопияху
и ликоваху.
Днесь Иоаким пастырь Руси всея
миром помаза во мѣсто елея,
Царю пресвѣтлый, и людем являше
тя, солнце наше,
Глаголя быти тя богом изъбранна
и не имуща во всем роде равна.

Род же, тя видя, лики составляет,
богу честь дает,
„Да живет царь наш, — свѣтло восклицая, —
многая лѣта здраво пребывая!“.
Купно и аз с ним тожде восклицаю,
всѣх благ желаю.

ПРИВѢТСТВО 13

На Соломонов верх от иерея
Садока рог бѣ излиян елея,
Егда на царство маза и с Нафаном
исраилтяном.
Людие рогом абие трубиша,
„да живет царь наш Соломон!“ гласиша;
Прочии рода тожде глаголаху,
лик составляху.
Днесь Иоаким патриарх святѣйший
на главу твою вѣнец пречестнѣйший
Егда взложил есть, царю правовѣрный,
лик есть безмѣрный,
Ибо людие гласно восклицают,
„да живет царь наш Феодор!“ глашают,
Прелагающе глас обща совѣта
на многа лѣта.

ПРИВѢТСТВО 14

Иоаса жрец Иодай вѣнчал есть
вѣнцем на царство и елей лиял есть
На главу его, людие же плескаху
и глаголаху:
„Да живет царь наш Иоас в Сионѣ
на превысоцѣ отец своих фронѣ!“.
И бысть во градѣ тогда веселие
зѣло велие.[13]
Тебе же, царю благочестивѣйший,

днесь Иоаким патриарх святѣйший,
Егда пречестным вѣнцем украсил есть,
благословил есть.
И внегда миром священнымь мазаше,
духа святаго на тя призываше,
Да бы изволил души ти подати
дар благодати.
Бог убо тогда на тя излиял есть
благодать духа святаго ти дал есть,
Укрѣпляя тя благо царствовати,
мир устрояти.
Чесо мы ради бога прославляем,
„да живет царь наш!“ весело глашаем,
К тому многая лѣта глаголюще,
руки плещуще.

ПРИВѢТСТВО 15

Сигклит исраилск видя Соломона
приемша славу исраилска фрона,
Господу о нем славу возсылаше
и вопияше:
„Да ублажит бог имя Соломоне
и возвеличит фрон его в Сионѣ,
Паче Давыда онаго родивша,
преславно живша!“.[14]
Подобнѣ руский сигклит возглашает,
ублажения, царю, ти желает,
Да паче отца возрастеши в славу
и странным в главу.

ПРИВѢТСТВО 16

Егда Соломон в земли воцарися
и на престолѣ отче посадися,
Услышав Хирам царь тирск глаголаше
и восклицаше:

„Благословен бог, изволивый дати
Давыду сына могша царствовати
Над сими людми умна Соломона
в земли Сиона!“.[15]
Подобнѣ и мы нынѣ восклицаем,
господа славим и благословляем.
Яко дарова Алексию царю,
земль государю,
Сына могуща скипетр восприяти,
многи народы мудро управляти,
Тя, Феодора Алексиевича,
права дѣдича.
Его же нынѣ увѣнчанна зряще,
гласы возносим, господа моляще:
Даждь, боже, царю многа лѣта жити,
щасливу быти!

ПРИВѢТСТВО 17

Историограф Страбо нареченный
пишет во книзѣ, яко сочиненный
Столп во Египтѣ от Аммона бяше,
мир удивляше.
Бѣ бо поставлен на горѣ велицѣ,
внутр же имѣл есть стройныя цѣвницы;
Нан же столп егда солнце возсияше,
сам пѣснь играше,
Аки цѣлуя встекшее свѣтило,
еже пѣние и мир веселило
Близ горы живший. Ей, предивно дѣло,
слуху весело!
Тому аз столпу род уподобляю
руский преславный, ибо созерцаю
Внутрь всѣх цѣвницы быти заключенны
и устроенны
Благих желаний, — ими же играют,

государем си всяких благ желают.
Яко же нынѣ дѣлом исполнися,
всяк присмотрися.
Се бо егда ты, царю, солнце наше,
на престолѣ ти роду возсияше,
Абие пѣсни нача он играти,
тя цѣловати.
Пѣснь же есть сия: Живи многа лѣта,
о божий даре, в лучах вѣчна свѣта!
Благополучен и здрав выну буди,
щади же люди.

ПРИВѢТСТВО 18

Плиний, прилѣжный естеств изслѣдитель
и дивных в мирѣ вѣщей изъявитель,
Олимпиину горницу изъяви,
вѣсть нам остави;[16]
Яко та дивнѣ устроена бяше,
седмкраты отглас гласу воздаяше.
Ей, дивно дѣло, но нам не равнится,
ни подобится.
Ибо в России церковь восклицает
царю лѣт много, а отглас бывает
Без числа многий; ибо поет кождо
много лѣт тожде.
Сам то слышиши, царю православный,
всякая уста глас издают явный,
Да живет царь наш здрав на многа лѣта
кромѣ навѣта.

ПРИВѢТСТВО 19

Царю всѣх вѣков во плоти рожденну,
вмѣсто престола в яслѣх положенну,
Цари с Персиды дары принесоша,
честь воздадоша.
Миро и злато, вонное кадило

во дарѣх ему от тѣх царей было;
Благогражданство они сотвориша,
яко почтиша.
И тебѣ, мѣсто царя всѣх приемшу,
и на престолѣ во России сѣдшу,
Царю пресвѣтлый, миру подобает,
да дары дает.
Да несуть убо от всѣх кралей странных
множество даров тебѣ преизбранных;
Един другаго посел да варяет,
чтити желает.
Твое же царство на трое дѣлится:
Афет, Сим и Хам в оном быти зрится,
Благороднии, жрецы и селяне
здѣ христиане.
Афет со миром пред тобою стает,
за тя и на смерть готовость являет.
Сим ти кадило вонное приносит,
бога бо просит,
Еже ти многа лѣта царствовати.
Хам же ти злато желает даяти,
Еже есть вѣрно дани приносити,
работен быти.
Тако три сыны Ное раздѣлил есть,
особну службу комуждо вручил есть.
Царство все тѣми хощет ти служити,
превѣрно быти.
Ты благохотство изволи прияти
за дар, а ко всѣм потщися являти
Милость царскую, да суть доброхотни
вси и работни.
Вси же единым сердцем ти желают
жити вѣк долгий, тѣмже восклицают
Многая лѣта православному царю,
божию дару.

ПРИВѢТСТВО 20

Савска царица, егда услышаше,
яко премудрый царь Соломон бяше
Во Иудеи и яко от бога
дарования приял есть премнога,
Прия путь к нему со дары многими,
с богатством злата, с каменми драгими,
Сладости зелей принесе к Сиону,
дары безцѣнны даде Соломону.
Тако и тебѣ, православный царю,
России богом данный государю,
Престол отца ти славно восприемшу,
венец на главу, скипетр в руку вземшу,
Царие мира вси да почитают,
многия дары ти да посылают,
Ищуще мира и любве с тобою,
видяще, яко бог десницу твою
Высоку творит и мудрость дарует,
и ины тебѣ престолы готует.
Того свѣтлости аз твоей желаю,
а сам ся царстей милости вручаю,
Моля прилѣжно, да мя не презриши,
но в кровѣ крилу твоею храниши,
Иже имам твой богомолец быти,
дондеже душа в тѣлѣ будет жити.
А бог всещедрый имать ти воздати,
яже явиши на мнѣ благодати,
Воздаст на земли, возмездит и в небѣ,
вѣнец небесный мзда да будет тебѣ.

ПРИВѢТСТВО 21

По темной нощи свѣтлый день бывает,
егда свѣтлое солнце востекает;
Страхи и бѣдства далече гонзают,

егда свѣт солнца златый созерцают.
Ты нам пресвѣтлый день сотворил еси;
иже не древле денница был еси,
О божий даре, днес же точность солнца
свѣтом имаши во вся стран ти конца,
Егда во вѣнцѣ царстем сияеши,
свѣтлость на люди ти изливаеши,
Восприем престол Русска государства,
достодолжный ти великаго царства.
На нем же сѣди, богом утверженный,
державствуй скипетр десницѣ врученный
Здраво, щасливо чрез лѣта премнога, —
того ти молю от превѣчна бога.
Весь вѣк твой буди солнечно сияющ,
свѣт благостыни во весь мир блистающ.
День в странах нощи тобою да будет,
к свѣту отца ти твой свѣт да прибудет.
Отец твой, яко Давыд, царствоваше,
Ты соломонски царствуй, солнце наше,
Мирно и мудро, — бог же ти во помощь
на всяко время буди во день и в нощь.

ПРИВѢТСТВО 22

Время слезам есть, веселию время,
иго Христово благо, легко бремя;
Дал вину слезам, но утѣшает,
не в конец люди своя ослезяет.
Отял есть отца славна Алексия
Михайловича, царя Руси всея,
Но вмѣсто его изволил нам дати
пресвѣтла сына, еже царствовати,
Тя, Феодора Алексиевича,
всея Росии истинна дѣдича.
Да содержиши скипетр и державу,
свѣтлу имаши венцем царским главу.

Что мы, видяще, печаль отлагаем,
новую радость в сердцах зачинаем;
Очеса наша весело возносим
к свѣтлости твоей и господа просим,
Да даст ти вкыну всевеселу быти,
от всѣх изволит печалей хранити;
Предѣлы царства да разпространяет,
грады и веси миром ограждает;
Воинским силам силу да дарует,
сам я во бранех да правителствует.
Яко с Наввиным сыном аггел бяше,
егда из земля враги истребляше,
Тако с твоими да есть воеводы,
ратующими о цѣлость породы.
И яко той же за израилтяны
в дни Езекии сѣкл ассирианы,
Сто осмьдесят пять тысящь поразил есть,
во нощь едину вѣрным пособил есть, — 17
Тако в днех твоих за род христианский
да истребляет зол сонм агарянский,
Брани ищущий, мира нехотящий,
но еже чуждо восхищати зрящий.
Тебѣ же господь да даст здраву быти,
многая лѣта в славѣ свѣтлѣй жити.

ПРИВѢТСТВО 23

Ему же вечер слезы источает,
многажды утро того утѣшает.
То в сие время России случися,
дѣлом явися.
Ибо недавно слезы проливахом,
царския смерти всеслезно рыдахом;
Время же сие нас возвеселило
и бысть всѣм мило,
Яко яви нам богом данна

царя России свѣтло увѣнчанна.
О божий даре, убо ти от бога
чрез лѣта многа
Жити желаем и преславну быти,
царство данное премудро правити,
Православную вѣру разширяти,
род прославляти.
Божия рука тя да укрѣпляет,
во всяких путех тя да наставляет,
Да бы похвално долгий вѣк прежити
и в небо внити.

ПРИВѢТСТВО 24

Радуйся, царю богом увѣнчанный,
миром священным свято помазанный!
Радуйся, яко бог постави тебе
в Российстем царствѣ царя в мѣсто себе
И дал ти роды многими владѣти,
на престолѣ же очестем сѣдѣти.
Нынѣ ты Христов божий содѣянный,
егда священным миром помазанный;
Нынѣ ты нам царь Христом утвердися,
вѣнец на главу ти егда взложися,
На честну честный, и егда царственый
скипетр десницѣ твоей бысть врученный,
И внегда царским сакком украсися
и порфирою сияющь явися;
Крест елма честный на тя возложенный
да будет выну в щит ти божественный.
Тако тя лѣпо суща устроенна,
яко аггела видим божественна,
Солнце образна, ему же вручил есть
бог рай, его же в Руси насадил есть, —
Церковь непщую, ея же хранитель
поставлен еси бодр и защититель.

Тѣмже на тебе весь мир обращает
очеса своя и лик составляет
О славѣ твоей, от бога желая,
да приимеши всякая благая.
С ним же аз, раб твой, тѣх же ти желаю,
гласом привѣтным вѣрно восклицаю:
Здравствуй, глаголю, царю православный,
на престолѣ ти буди миру явный
Премудростию царя Соломона,
силою паки славна Македона.
Да яко има дары приношаху
от стран далеких и мира желаху,
Тако к свѣтлости вашей притекают,
множеством даров покой умоляют.
А иже горди восхотят пребыти,
да изволит бог мечь твой изострити
На выя онѣх, да я преклониши,
божий намѣстник, гордыя смириши.
Мечь твой господень мечь да прозовется,
егда сонмь врагов онѣмь изсѣчется.
Да течет скоро молнии подобно,
силою бога дѣйствуя угодно,
Вся покаряя чрез тебе правому
едину в тройцы богу небесному.
Ты слуга его должный промышляти,
люди на службу ему обращати,
Иже невѣрством к врагу заблудиша
или ересми аду ся вручиша.
Сам бог на тыя будет в помощь тебѣ,
вѣнец побѣдный уготовит в небѣ,
Десницу твою изволит крѣпити,
где солнце свѣтит, вездѣ ю славити.
Того свѣтлости аз твоей желаю,
молитвы к богу о сем возсылаю;
Молю и о том прещедраго бога,

да ти дарует жити лѣта многа,
Праздну печалей преблагоденьственну,
а веселием присноисполненну.
Ты же изволи мене соблюдати,
яко отец твой, в своей благодати.
Ей же аз мене смиренно вручаю,
при сем привѣтствѣ стопы ти лобзаю.

КОЛОФОН[18]

Сия привѣтства с всѣми желании
тщахся писати во уповании,
Яко не презрѣн с ними имам быти,
иже на всяк час готов ти служити

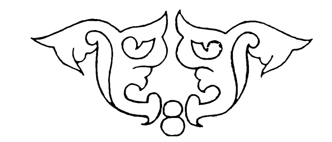
ЖЕЛАНИЕ ТВОРЦА[19]

Желах сим гуслѣм печатаным быти,
да бы им царску славу возгласити
По всей России и гдѣ суть словяне,
в чюждых далече странах христиане.
Да в книгах идет слава во вся страны
царя пресвѣтла, иже богом данны.
И род российский да ся прославляет,
что стихотворцы свойственны питает.
Ничто бо тако славу разширяет,
яко же печать, та бо разношает
Вездѣ и вѣком являет будущим
во книгах многих и заморем сущим.
Мало словенских стих досѣлѣ бяше,
поне да явит тыя время ваше
В вашу же славу. Но отчаеваю,
рачителей бо тоя мало знаю.
Аще возмнит кто се быти убыток,
аз обѣщаю славу и прибыток.
Прибыток мимо; слава же есть благо,
паче сокровищ честно же и драго;

Тою Александр и днесь животствует,
кто ону стяжа, во вѣк бышествует;
За ню же и Павел хотя умирати,
иже все злато вѣдѣ обругати; —
Ту же тип носит. Убо подобает,
да и Россия славу разширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги сущым многовѣчным.
Но увы нравов! Иже истребляют,
яже честныи трудове раждают.
Не хощем с солнцем мирови сияти,
в тмѣ незнания любим пребывати.

КОМИДИЯ
О БЛУДНѢМ СЫНѢ

КОМИДИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНѢМ СЫНѢ

Пролог

Благороднии, благочестивии,
государие премилостивии!
Не тако слово в памяти держится,
яко же аще что дѣлом явится.
Христову притчю дѣйством проявити
здѣ умыслихом и чином вершити.
О блуднѣм сынѣ вся рѣчь будет наша,
аки вещь живу, узрит милость ваша.
Всю на шесть частѣй притчю раздѣлихом,
по всяцей оных нѣчто примѣсихом
Утѣхи ради, ибо все стужает,
еже едино без премѣн бывает.
Изволте убо милость си явити,
очеса и слух к дѣйству приклонити:
Тако бо сладость будет обрѣтенна,
не токмо сердцам, но душам спасенна.
Велию ползу может притча дати,
токмо изволте прилѣжно внимати.

Часть 1

Изыдет отец со двома сынома и со многими слуги, и начнет глаголати.

Отец *глаголет к сынома*

Благословен бог отнынѣ до вѣка,
иже от земля созда человѣка!

Ему честь, слава во вся вѣки буди,
яко преблаго своя правит люди!
Всѣх есть промыслник, их же есть создатель,
во благо время всѣх живых питатель.
Кто несумѣнно в него уповает,
того никако господь оставляет.
Сам искусих се во всяцей потребѣ,
егда уповах на живуща в небѣ.
Он мою юность добрѣ есть управил,
на живот честный в мирѣ мя наставил;
Он ми науку дал и разум благий;
даде богатства господь мой предрагий.
К тому изволил з своей благодати
вас на утѣху сынов мнѣ подати.
Им же богатства в наслѣдства премнога
суть ми врученна от всещедра бога;
Всѣх благ доволно: отчин, сребра, злата,
мнози раби суть и красна полата.
Токмо есть требѣ бога вам хвалити,
в любви и правдѣ ему послужити.
Благодарствие в сердцах ваших буди,
милость храните на нищыя люди;
Мир, смирение, кротость сохраняйте;
всякия злобы от вас отрѣвайте;
Мудрость стяжите, правда будет с вами,
лжя не изиди вашими устами.
С честными людми дружество держите,
прелюбытворцев далече бѣжите.
Бѣжите всѣх злых, яко люта змия,
вся заповѣди сохраните сия.
Тако изволит бог благословити
вас и даст многа в мирѣ лѣта жити.
Аз уже стар есмь, смерти ожидаю,
помощи от вас при кончинѣ чаю.

Все вам вручаю, токмо мене чтите,
между собою мир, любовь храните.

Сын старший *глаголет к отцу*

Отче мой драгий! Отче любезнѣйший!
Аз есмь по вся дни раб ти смиреннѣйший.
Не смерти скоро аз желаю тебѣ,
но лѣт премногих, як самому себѣ.
Честнии руцѣ твои лобызаю,
честь воздаяти должну обѣщаю.
Уст твоих слово в сердци моем вын у
сохраню, яко подобает сыну.
На твое лице хощу вын у зрѣти,
всю мою радость о тебѣ имѣти.
Во ничто злато и сребро вмѣняю,
паче сокровищ тебе почитаю.
С тобою самым изволяю жити,
неже всѣм златом обогащен быти.
Ты моя радость, ты ми совѣт благий,
ты моя слава, отче мой предрагий!
Вижду аз свѣтло, како нас любиши,
егда твоих благ общники твориши.
Нѣсм аз достоин тоя благодати,
за твой труд и нам бог то волит дати.
Благодарствие убо возсылаю
богу, а твои руцѣ лобызаю.
Любо приемля благословение,
обѣщая ти повиновение,
Желаю вын у аз с тобою быти,
в обоем щасти с отцем моим жити.
Всякия труды готов подимати,
отчия воли прилѣжно слушати.
Весь аз твой раб есмь, рад вын у служити,
в послушании живот мой кончити.

Отец *к сыну старѣйшему*

Буди на тебѣ благословение
бога всесилна за то смирение!
Ты обѣщался с нами пребывати,
бог имать на тя милость излияти.

Сын юнѣйший *к отцу*

Радости наша, сынов твоих славо,
между пречестных честнѣйшая главо,
Отче любезный, нам даный от бога,
живи в радости здрав на лѣта многа!
Благодарствие тебѣ возсылаем
за милость, юже днесь от тебе знаем,
Мудрость словес ти любезно прияхом,
в скрижалѣх сердец наших написахом.
Еже велиши, того мы желаем;
а бог поможет, тако уповаем.
Поучаеши нас благо пожити
и славу рода нашего множити, —
Вседушно того аз, сын твой, желаю,
попечение о том полагаю.
Брат мой любезный избра в дому жити,
славу в предѣлѣх малых заключити.
Бог ему в помощ при твоей старости
изжити лѣта красныя юности!
Вящшая мой ум в ползу промышляет,
славу ти в мир весь простерти желает.
Идѣже восток и гдѣ запад солнца,
славен явлюся во вся мира конца.
От мене дому разширится слава,
и радость примет отчая ти глава.
Точию изволь милость си явити,
уму моему помощ сотворити.
Вся нам даеши, нѣсть требѣ толико

часть мнѣ достойну отдаждь, мой владыко,
Ею же имам много пристяжати,
всякая страна имать нас познати.
Свѣщи под спудом не лѣпо стояти,
с солнцем аз хощу тещи и сияти.
Заключение видит ми ся быти, —
в отчинной странѣ юность погубити.
Бог волю дал есть: се птицы летают,
звѣрие в лѣсах волно пребывают.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
разумну сущу, весь мир посѣщати.
Твоя то слава и мнѣ слава будет,
до конца мира всяк нас не забудет.
И егда даст бог вездѣ посѣтити,
воскорѣ имам в дом ся возвратити
В славѣ и чести, — тогда радость тебѣ
будет на земли и аггелом в небѣ.
Не медли, отче! Часть ми изволь дати,
благословенство свое излияти.
Путь бо мой близ есть, мысль моя готова,
токмо от тебе жду отческа слова.
Даждь ми десницу твою цѣловати,
абие хощу путь мой начинати.

Отец *к сыну юнѣйшему*

Добро есть славы, сыне мой, искати,
чуждыя страны с умом посѣщати.
За славу люди главу полагают,
морския волны с бѣдством преплавают.
Но то удобно таковым творити,
иже начаша славно в дому жити.
Не хощу тебѣ аз воли отяти,
юже всякому бог изволил дати;
Точию в дому вящше приучися,
странству удобен пред нами явися.

Сын юнѣйший *к отцу*

Отче любезный, время мнѣ губиши,
аще един день мене удержиши.
Пусти мя, егда охотно желаю:
славно ти будет, вѣрно обѣщаю.
Что стяжу в дому? Чему изучуся?
Лучше в странствии умом сбогачуся.
Юнших от мене отци посылают
в чюждыя страны, потом ся не кают.
Не держи, отче, молю со слезами!
Се пред твоими падаю ногами.

Отец *к юнѣйшему сыну*

Печаль ми, чадо, велику твориши,
егда у мене отпуста молиши.
Вижду тя не у добрѣ изученна,
юности воля сия нѣсть спасенна.
Но да увѣси, коль добро слушати,
шествуй со богом, не хощу держати.
Часть ти достойну всѣх добр отлагаю.
храни опасно, тощно увѣщаю.

Отец *же к рабом*

Раби вѣрнии! Злато несите,
многоцѣнныя одежды дадите,
Много колесниц сребром наполняйте,
турския кони уборно сѣдлайте.

Слуга *к отцу*

Государю наш! Се на твоя слова
злато, одежды и вся суть готова.

Отец *к сыну блудному*

Приемли, чадо, то благословение,
точию твори доброе строение.

ИС
ТОРИА
ИЛИ ДѢЙСТВИЕ
ЕѴГЛКИА ПРИЧИ
ѾБЛУДНО СНЕ
БЫВАЕМОЕ
ЛѢТА
ѾРЖТВА ХРТОВА
1685

Титульный лист издания „Истории о блудном сыне“ (Москва. 1685).

Лист издания „Истории о блудном сыне“ (Москва. 1685, л. 1).

Сын блудный *к отцу*

Цѣлую руцѣ твоѣ, родителю!
Любо приемлю вся, благодѣтелю!

Отец *к рабом*

Возы и кони на дворѣ ставляйте,
вся потребная в путь уготовляйте.

Раб *к отцу*

Вся совершенна, ни мало медлихом,
по твоей воли дѣло совершихом.

Отец *к сыну блудному*

Се, чадо мое, тя обогащаю,
по твоей воли тебе отпущаю
И подаю ти благословение:
имѣй о себѣ сам попечение.

Сын блудный *к отцу*

Отче любезны! Се ти челом бию,
под твоѣ нозѣ преклоняю выю,
Благодаря тя за вся благодати,
яже ми еси изволил подати.
Любо цѣлую благословение,
с ним рад приемлю путетворение.

Сын блудный *ко брату*

И тебе, брате любезный, лобзаю,
милости вашей сам ся поручаю.
В молитвах ваших мене поминайте,
крове своея не пренебрегайте.
Аз уже иду, вы мя проводите,
с благословенством в путь мя отпустите.

Сын старѣй *ко брату*

Щасливый путь ти от господа буди!
Вездѣ мя, молю, брате, не забуди.
Аз хощу выну любовь сохранити,
се иду со отцем тебе проводити.

И пойдут вси за завѣсу. Пѣвцы поют, и будет intermedium.

Часть II

Изыдет Блудный сын *с немноги слугами и глаголет*

Хвалю имя господне, свѣтло прославляю,
яко свободна себе нынѣ созерцаю.
Бѣх у отца моего, яко раб плѣненный,
во предѣлѣх домовых, як в турмѣ замкненный.
Ничто бяше свободно по воли творити:
ждах обѣда, вечери, хотяй ясти, пити;
Не свободно играти, в гости не пущано,
а на красная лица зрѣти запрещано.
Во всяком дѣлѣ указ, без того ничто же.
Ах! Колика неволя, о мой святый боже!
Отец, яко мучитель, сына си томляше,
ничесо же творити по воли даяше.
Нынѣ, слава богови, от уз свободихся,
егда в чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенец из клетки на свѣт изпущенный,
желаю погуляти, тѣм быти блаженный.
Богатство имам много и довольно хлѣба,
нѣсть кому его ясти, слуг болши потреба.
Аще ся кто обрящет охотник служити,
имам сладцѣ питати и цѣнно платити.

Слуга блуднаго

Милостивый государю, аз хощу искати
таковых, иже тебѣ будут работати.

Блудный

Друг ми будеши, не раб, егда со слугами
многими немедленно станеши пред нами.
Возми на путь сто рублев, за труды другое;
егда возвратишися, дам ти еще втрое.

Слуга

Аз иду; ты, государь, изволь ожидати,
имам ти со слугами абие предстати.

Слуга за завѣсу, а блудный *сядет на столцѣ и к слугам глаголет*

Не добро богатому мало слуг имѣти.
С ким имам ясти, пити? Кто нам будет пѣти?
Прискорбно ми есть без слуг. Вина чашу дайте,
сами по десяти чаш полных испивайте.

Он будет пити, и слуги, наполнивши, держат в руках, и един от них глаголет

Тѣ чаши испиваем мы за тебе, свѣта.
Буди, государь наш, здрав на многа лѣта!

Здѣ, пивше, запоют: „На многа лѣта!“. В то время приидет слуга, искавый новых слуг, с многими слугами и речет

Радуйся, государю! Свѣтло веселися!
Се раб твой со многими слуги возвратися.

Блудный

Добрѣ, о благий рабе! Прими себѣ за то,
яко же обѣщах ти, сребро или злато.
Но повѣждь ми, что сии искусни творити.
Аз готов комуждо сто рублев платити.

Слуга, искавый слуг, *глаголет*

За мзды воздаяние ручку ти цѣлую,
о сих людѣх искусных вѣрно извѣствую,

Яко вси суть потребни в пути, в людех, в дому:
пити, ясти, шутити обычай всякому.

Блудный

Ха! ха! ха! ха! Ха! ха! ха! То добрии люди.
Слыш! Даждь им по сту рублев. Дай же, не забуди!

Слуга новый *глаголет*

Преблагий государю! За то ся кланаем,
а во услугах наших вѣрность обѣщаем.

Блудный

Добрѣ, слузи вѣрнии! Ну ж возвеселимся!
Общая днес нам радость, вином прохладимся.
Сядите, слузи мои! Вина наливайте,
а за наше здравие до дна испивайте!
Кто из вас в зерни умѣет, той сяди со мною;
прочии в карты, в тавлѣи играйте с собою;
Аще кто проиграется, та на мнѣ утрата;
а кто добре выйграет, за труд гривна злата.

Слуга зернщик

Аз бывах искусен зернию играти,
с тобою, государь, не хощу дерзати.

Блудный

Сяди, брате, со мною; дерзай, як у брата;
аще обыграеши, сто рублев заплата.
А вы, прочии друзи, весело играйте,
мои богатства, земше, смѣло пройгравайте.

И тако сядут играти, и будут похищати добро Блудного и пройгравати, а Блудный *речет к зернщику*

Добрѣ играеши, се сто рублев тебѣ;
но щастия ради напиймыся себѣ.
И напиются.

Зернщик

Еще ли, государь, изволиш играти?

Блудный

Подвеселил есм себѣ, лучше пойду спати.

Зернщик *к прочиим играющим*

Востаните, братие, добрѣ послужите,
государя своего на постель ведите.

Един от игравших *речет*

Встаним, друзи, и пойдем: время почивати,
уже благодѣтель наш изволил престати.

И тако Блудный сын пойдет, сланяяся, а за ним вси. Пѣвцы поют, и буди intermedium.

Часть III

Изыдет Блудный сын похмѣлен, слуги различно утѣшают; он обнищает

Блудный

Чуждуся зѣло, вскую болит глава,—
постель бѣ мякка, не твердая лава.
К тому не помню, како положихся.
Негли та вина, яко утрудихся,
Вчера играя? А крѣпко стужает
болѣзнь, даже мир весь ся обращает.
Пил есмь опасно, а вѣм, что причина
прилѣжный промысл, о чести кручина.
Но, даст бог, будет все по мысли нашей,
вземшу искус благ мнѣ о службѣ вашей.

Слуга 1

Государю наш, тому не чюдися:
младый нрав, пити не научися.

Аз есмь искусен, вѣм, како лѣчити:
изволь скляницу днес вина испити.
О чести всуе трудиши ти главу,
наш лик разширит вездѣ твою славу.

Блудный

Здравый совѣт твой. Вина мнѣ дадите,
себѣ по чашѣ того ж наполните.

Пиет, глаголя:

Будите здрави, любезнии друзи!

2 слуга *отвѣщает*

Пий на много лѣт! Мы ти вѣрни слузи.
Пѣти: „На многа лѣта“.

Блудный

Бог ти заплати за твой совѣт здравый!
Вѣм у лѣкарство от болѣзни главы.
Еще на печаль кто врачество знает?
Молю, мнѣ службу в том да изъявляет.

Слуга 3

Утѣхою печаль обычно лѣчити,
сладкоигрателем вели приходити.

Блудный

Сам пригласи их скоро, да играют,
и пѣвцы купно сладцѣ воспѣвают.

Здѣ будут играти и пѣти, потом глаголет

Блудный

Правда, утѣшно и сладцѣ играют,
и гласы пѣвцов зѣло украшают.
Достойны мзды суть, даждь им, слуго, злата,
да утѣшит их многая заплата.

4 слуга, казначѣй

Государю мой, злато расточися,
все сокровище уже истощися;
Не на свирѣли денег есть потреба,
было бы за что утро купить хлѣба.

Блудный

Не буди скорбен, сии мои слузи
дадут нам взаим, як добрии друзи;
А мусикием отдаждь ту одежду.
Имам аз в друзѣх извѣстну надежду.

Отдав одежду верхнюю, останеть в единой, что видя,

5 слуга *глаголет*

Государю наш, хлѣб твой понуждает,
да гортань моя правду ти вѣщает.
Господь и мешок — то приятель правы,
людская приязнь токмо для забавы.
Не дам ти взаим, не хощу служити,
не имаши бо чим нам заплатити.

Слуга 6 *глаголет*

И аз не мышлю болше работати,
не можеши мя без злата наяти.
И за сей мѣсяц изволь ми платити,
не хощу к тому аз с тобою быти.

Слуга 7

Рад бых аз служил вѣрно твоей славѣ,
аще бы еси имѣл разум в главѣ.
Злато и разум слуги собирает;
кто буй, то трое купно погубляет.
Доволно служих, заплаты не чаю,
тѣмже от тебе днесь ся отдаляю;

А что заслужих, изволь ми отдати.
Аще не даси, буду награждати.

Слуга 8

Не надѣяхомся мы того по тебѣ,
егда призвал еси нас служити себѣ.
Много обѣщався, ни мало платиши,
тѣм нас на услугах своих не узриши.

Слуга 9

Кто сладко яст, пиет, вскорѣ обнищает,
то нам священное писмо извѣщает.
Кто отцу преслушник, не послушен богу;
за то тя обыдут скорби по премногу.
Не слузи мы тебѣ, сам будешь служити,
токмо бы кто хлѣбом изволил кормити.

Слуга 10

Государю наш, челом бием тебѣ
за хлѣб и за соль, а слуг ищи себѣ;
Мы прочь отходим, пьяницу лишаем,
за свои труды сами мзду воздаем.

Он же *глаголет ко клезретом*

Чего, братия, у него нам ждати?
Что по том за труд возможем прияти?
Емлим останки, сам да погибает,
како в пред жити, юноша да знает.

Здѣ вси крикнут: „Емлим, емлим, емлим!" и расхитят останки. Един же от них, сирѣчь Слуга 10, *глаголет*

Еще тебѣ милость сию сотворяем,
яко тя, безумна, в живых оставляем.
Моли бога за нас, не являй никому,
возвратися скоро к отцу до дому.

И отходят вси.

Лист издания „Истории о блудном сыне“ (Москва. 1685, л. 22).

Блудный

Увы мнѣ! Увы мнѣ! Что се сотвориша?
Вся вземше, едва мя жива оставиша.
Что сотворю? Пойду, велю их имати,
еда что сокровищ возмогу сыскати.

И отходит, плачя. Пѣние, ему же послѣдует intermedium.

Часть IV

Изыдет Блудный гладен, продает послѣднюю одежду облекается в рубище, службы ищет, пристает к господину, посылается свиния пасти, пасет, яст со свиниами, свинию погубил, биен; ищет и, плача, глаголет: „Коль много хлѣба у отца моего“ и проч.

Блудный

Горе мнѣ, бѣдну! Горе окаянну,
сущу безкровну, безпомощну, странну!
Людие злыи вси ми расхитиша,
ниже на пищу мало оставиша.
Глад стражду велий. Кто мя напитает?
Во странѣ чюждей никто мя не знает.
Едина токмо оста ми одежда,
на ту о хлѣбѣ послѣдня надежда.

Изыде Купчин, *имѣя свиту и хлѣб, и глаголет*

Что ти, юноше? Кая печаль тебѣ?
Не сумнив буди, а мужайся себѣ.

Блудный

Добрый человѣче! Кая ми отрада!
Вчера богат бѣх, днесь гибну от глада.

Купчин

Глад мощно хлѣбом скоро утолити,
аз продам хлѣба, изволи купити;

За ту одежду хлѣб ти продаваю
и мою ризу свыше прилагаю.

Блудный

Бог тя даде ми, человѣче благий!
Гладну ми сущу, хлѣб зѣло не драгий.
На моя риза, изволь свою дати,
нужда ми зѣлна урок чреву дати.

Ту замѣнят ризы и, хлѣб отдая, Купчин *глаголет.*

Яждь во здравие, хлѣбом насытися,
а чрева ради трудом приложися.
Аще хощеши вѣрно послужити,
имам тя добрым людем предъявити.
Вѣм человѣка богатаго зѣло,
тому на службу предадися смѣло.

Блудный

Аггел ми еси, свято твое слово:
се мое сердце служити готово.

Ту изыдет Человѣк богатый *и глаголет к купчину и Блудному*

Откуду людие и что дѣло ваше,
яко в стрѣтение случистеся наше?

Купчин

Аз куплю дѣю и тѣм ся питаю,
аще в товарѣх прибыль обрѣтаю.
Сей же клеврет мой хощет работати,
аще изволит кто его наяти.

Господин

Аще есть вѣрен, не должен никому,
приму служити до моего дому.

И обращся к Блудному и речет:

Слыш, человѣче! Хощеш ли служити
и во всем вѣрен господину быти?

Блудный

Рад, государю, тебѣ работати
и во всем вѣрность мою сохраняти.

Господин

Даждь же ми руку на праведном словѣ
да будеш крѣпок нам по сей умовѣ.

Блудный

И обѣ руцѣ рад ти простираю,
яко охочо тебѣ работаю.

Господин

Се уже крѣпок раб ми сотворися,
в дом мой на труды абие потщися.
Но вѣждь обычай, яко аз никому
в началѣ службы честны не дам в дому.
Иди на село; что велят, трудися,
на честну службу прежде заслужися.
Покажи руцѣ, да могу познати,
в кую тя службу подобает дати.

Посмотрѣв на руцѣ и пощупав, паки глаголет

Господин

О, нѣсть мозолей, зѣло мягки длани!
Бодрствуй отселѣ, лѣности престани.
Слышиш, прикажчик! На село возмите,
а свини пасти ему прикажите.

Прикажчик

Добро, государь мой! Творю веление,
прикажу ему свинѣй пасение.

Господин идет за завѣсу, а Прикажчик *глаголет*

Ходи к свинарем, паси купно с ними,
сия сапожки из ног твоих сними.
Премѣни кафтан, в хуждший облецися,
свиней погубити опасно блюдися.

Здѣ ин свинопас изыдет, гоня прасята, к нему же глаголет

Прикажчик

Слыши ты, малче! Се товарищ тебѣ,
свинѣй сгубити блюдитеся себѣ.
Аз имам вскорѣ к вам ся возвратити
и по заслугам обѣма платити.

Пастух *к Блудному*

Ну, друже милый! Корито с рожцами
принеси сѣмо, постав пред свиньями.

А Блудный *принесет и речет*

И аз есм гладен, а нѣсть ми что ясти,
рожци ми будут за всякия сласти.

Тогда яст, а пастух свиния присадит до корита; он же разгнѣвася, ударит свиния, да разбѣгутся

Пастух

Что дѣлаеши? Свини отгоняеш?
Всуе от рожцев оны отбиваеш,
Се побѣгоша, аще погубиши,
язвами хребта бѣднѣ заплатиши.

Ту приходит Прикажчик

Малци! Что у вас добраго ся дѣет?
Труд ваш о стадѣ еда добрѣ спѣет?

Пастух

Государю мой! Винни пред тобою,
враг се, а не друг у свиний со мною:
Сам рожци ял есть, и свини разгнаше,
аз не вѣм, стадо гдѣ поутекаше.

Прикажчик

Возмите врага, плетьми разсѣчите,
а потом свинѣй прилѣжно ищите.

Поведут за завѣсу Блуднаго и биют плетьми, он кричит: „Государь, пощади!“, а Прикажчик *глаголет*

Бий врага добрѣ, да вѣсть свое дѣло,
да пасет бодро, хранит стадо цѣло.

И крикнет: „Полно бити, час пустити!“. Ту приведут Блуднаго убита, к нему же речет Прикажчик

Ищи свинѣй, враже! Блюдис погубити,
ибо до смерти велю тя убити.

И отходит Прикажчик, а Блудный *глаголет*

Увы мнѣ! Увы! Что имам творити?
Свини погубих, хотят мя убити.
Гладом и хладом весма помираю
и бичми лютѣ посѣчен бываю.
О коль бѣ благо в дому отчим быти,
нежели в страны чюждыя ходити!
Хлѣб у наемник тамо избывает,
а мое чрево гладом погибает.
Пойду ко отцу, до ног поклонюся,
глаголя сице, пред ним умилюся:
Отче! Согрѣших на небо и к тебѣ,
прими мя поне в наемника себѣ;

Нѣсмь бо достоин сын твой нарещися.
О даждь ми, боже, к отцу довлещися!

И пойдет за завѣсу. Ту пѣние и intermedium, по нем пѣние паки.

Часть V

Изыдет отец Блуднаго сына, печаляся о сынѣ; сын возвращается и проч.

Отец блуднаго

Туга велика сердце ми смущает,
лютая печаль душу исполняет.
Не вѣм, гдѣ сын мой юнший обратися,
иже от мене древле удалися.
Жив или умре, никто же вѣщает,
отчее сердце толма умирает.
Сыне мой драгий! Сыне возлюбленный!
Коль ты от мене еси удаленный!
Кая тя страна, сыне мой, питает?
Кто тя на разум правый наставляет?
Кто тя утѣшит, во печали суща,
никого сродна в тых странах имуща?
Кто бы ми дал то сына созерцати,
хотя бы нага в дом мой восприяти!

Вѣстник

Радуйся, государь наш, и возвеселися!
Сын твой, иже погибл бѣ, к тебѣ приближися.
По благодати божей возвратися цѣло,
токмо не скорбен буди, что обнища зѣло.

Отец

Нага от бога приях того сына;
аще и днес наг, то мнѣ не кручина.

Кто его видѣ, идѣте, срѣтайте,
мнѣ о приходѣ абие вѣщайте.

Пойдут нѣции слузи, и абие другий вѣстник.

Вѣстник другий *глаголет*

Во вратѣх сын твой идет со слезами,
встыдится лютѣ худыми ризами.

Ту покажется Блудный от завѣс, а Вѣстник *речет*

Се идет в двери,
что не даш вѣры?

Отец *двигнется далече и, напад на выю сыновню, цѣлует и глаголет*

Сыне мой милы, отнюд нечаянный,
днесь паки богом ты ми дарованный!

Блудный

Согрѣших, отче, на небо и к тебѣ,
прими мя поне в наемника себѣ.
Нѣсм удостоин сын твой нарещися,
ты яко отец умилостивися.

Отец *к рабом*

Одежду перву сыну изнесите,
честно на плеща его возложите.

И одѣют его.

Отец

Дадите перстень, на руку взлагайте,
первую почесть ему сотворяйте.

Взложат перстень и поклонятся.

Отец

Сапоги дайте и взуйте на нозѣ,
вижду и, яко бяше в скорби мнозѣ.

Обуют и поклонятся.

Отец

Идите, телца тучна заколите,
со мною ядше, вси ся веселите,
Яко сын мой сей, иже мертв вмѣнися,
се, слава богу, жив к нам возвратися.
Иже погибл бѣ, обрѣтеся нынѣ.
Возвеселися всяк о моем сынѣ!

Пойдут за завѣсу, и тогда играют органы и прочая, и поют мало, токмо един слуга на феатрѣ останет, котораго, пришед, сын старший вопрошает

Сын старѣй *к слузѣ*

Слушай, отроче! Кия в дому лики?
Кая пѣния и пир превеликий?

Отрок

Брат твой прииде, а отец заклати
повелѣ телца и всим ликовати,
Яко жив и здрав к нему возвратися,
аще всѣх благих в конец отщетися.

Сын старѣй

Аще брат в дому, аз не хощу внити,
при нем и с отцем мнѣ отнюд не жити.

Отрок

Государю наш, изволь здѣ пождати,
аз отцу тайно имам вѣсть подати.

Поидет отрок за завѣсу. Отец, *изшед к сыну старшему, молит*

Сыне мой прелюбезный! Гнѣвен ми не буди,
вниди в дом, обрадуй мя, и брата, и люди.

Сын старѣй *к отцу*

Отче мой драгий! Аз ти работаю
толика лѣта и не преступаю
Воли твоея, а ты мнѣ заклати
никогда даде и мала козляти,
Дабы со други мнѣ пир сотворити,
по трудех мало ся возвеселити.
А егда сей в дом сын твой возвратися,
иже имѣний даных отщетися,
Ядый с блудницы, ты велѣл заклати
телца питанна и пир совершати.

Отец *к сыну старѣйшу*

Сладкое чадо! Ты всегда со мною
не отлученно, и аз есьм с тобою;
Моя твоя суть, вся свободна тебѣ,
вели заклати, что изволиш себѣ.
Токмо радуйся и возвеселися,
яко сей брат твой к нама возвратися,
Иже мертв бяше, а жив соблюдеся;
уже изгибл бѣ и днесь обрѣтеся.
Вниди в радости в веселу полату,
прояви любовь обрѣтенну брату.

Сын старѣй *к отцу*

Не хощу ти, отче, преслушником быти,
иду аз с тобою любовь сотворити.

И поидут за завѣсу. Ту пѣние и лики, по сем intermedium. Паки пѣние

Часть VI

Изыдет Блудный *одѣян и честен, хвалит бога, яко возвратися*

Боже превѣчный! Буди слава тебѣ,
его же хвалят аггели на небѣ!
Вся тварь да поет имени твоему,
да творит почесть господу своему,
Яко премудрѣ вся устроил еси,
яже на земли и что на небеси.
Мѣрилом правым вся суть размѣренна,
вся по естеству в чинѣ положенна.
Горѣ прекрасно свѣтила сияют,
землю пространну плоды украшают;
Рибами море зѣло исполнися,
воздух птицами красно удобрися.
Но изряднѣе род наш украшенны,
образом твоим зѣло удобренны,
Его же кто вѣсть добрѣ почитати,
удобен в небѣ вѣнец восприяти.
Аз же сын блудный здѣ обезчестихся,
образу тому позорник явихся,
Егда, не слушав отчя велѣния,
низвергох иго его правления.
Идох в чюждыя далекия страны,
погубих блудно мнѣ пожиток даны,
Обнищах в конец, пасох свинѣй стада
и рожцы ядох свиныя от глада.
А что пострадах, стыждуся являти:
то поминая, должен есмь плакати.
Найпаче долг мой есть бога хвалити,
что мя изволил на путь наставити,
Да, раскаявся, к отцу возвращуся,
горкими слезы пред ним умилюся.
То ми сотворшу, отец мой преблагий

не устыдися, яко придох нагий:
Приях любезно, над мою надежду,
в древнюю мене облече одежду,
Паки изволил мя обогатити,
во преждней чести в дому своем быти.
О коль велика, отче, любовь твоя!
Недостойна бѣ тоя грубость моя.
О что воздам ти, отче мой сладчайший,
над всяку цѣну отче мой дражайший!
Ты мя восприят в гноище верженна,
ты мя оживи, бывша умерщвленна.
Что убо благо могу ти творити
и како имам тя благодарити
За толикия твоя благодати,
яже изволи на мя излияти!
Отец небесный сам ти воздарует,
иже всим милость за милость готует.
Аз же отселѣ хощу пребывати
в послушании, себе подчиняти;
Познах бо нынѣ юность дурность быти,
аще кто хощет без науки жити.
Каюся о злых, содѣянных мною,
о мой любезный отче, пред тобою.
Буду во притчю аз всѣм человѣком,
найпаче младым во вся вѣки вѣком.[20]
Но и отец мой не внѣ притчи будет:
кто его милость толику забудет?
Божия милость им вообразися.
Кто богу винен к богу возвратися!
Любезнѣ руцѣ и он простирает,
удобнѣ злобы грѣшником прощает,
За что аз его выну прославляю,
вашим милостем сицев поклон даю.

Пѣние будет, а по нем.

Епилог

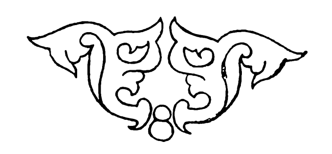
Благороднии, благочестивии,
государие премилостивии!
Видѣсте притчю, Христом изреченну,
по силѣ дѣлом днесь воображенну,
Дабы христовым словам в сердцах быти
глубже писанным, чтобы не забыти.
Юным се образ старѣйших слушати,
на младый разум свой не уповати;
Старим, да юных добрѣ наставляют,
ничто на волю младых не спущают.
Найпаче образ милости явися,
в нем же божая милость вобразися,
Да и вы богу в ней подражаете,
покаявшимся удобь прощаете.
Мы в сей притчи аще согрѣшихом,
ей, огорчити никого мыслихом;
Обаче, молим, изволте простити,
а нас в милости господстей хранити,
За что хранени будете от бога
в милости его на лѣта премнога.

Ту вси, изшедше, поклонятся, а мусикия запоет, и тако разыдутся гости.

Конец и богу слава.

ТРАГЕДИЯ
О НАВХОДОНОСОРѢ

О НАВХОДОНОСОРѢ ЦАРѢ, О ТѢЛЕ ЗЛАТѢ И О ТРИЕХ ОТРОЦѢХ, В ПЕЩИ НЕ СОЖЖЕННЫХ

Предисловец

Благовѣрнѣйший пресвѣтлѣйший царю,
многих царств и князтв правый государю,
Пречестным вѣнцем богоувѣнчанный,
всѣм православным яко солнце даный,
Да нам свѣтиши яснѣ добротами,
яко же солнце свѣтлыми лучами!
Велий есть свѣт твой, тмѣ одолѣвает,
мрак безвѣрия весма отгоняет.
Адамант в златѣ нѣсть толико красен,
яко вѣрою дух твой свѣтло ясен.
Бога в троицѣ ты едина чтиши
и должный поклон любезно твориши,
Под нозѣ его главу ти смиряя,
со смирением кротость соблюдая.
Что либо сану царску приличствует,
то святая ти душа державствует;
Доброты гнѣздо положиша в тебѣ,
во сердцѣ твоем живут, яко в небѣ.
Навходоносор не тако живяше,
аще и скипетр в десницѣ держаше:
Тмою невѣрства бѣ он помраченны,
велиим чудом едва просвѣщенны.

К тому гордости в сердци исполнися,
всѣх богов паче сам быти возмнися.
Образ свой людем повелѣл бѣ чтити,
не послушавшых во пещи спалити.
Трие отроцы во огнь воверже́ни,
но от аггела цѣло сохранени,
Имже царь чюдом к вѣрѣ приведеся,
честь же отроком велика дадеся.
То комидийно мы хощем явити
и аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣм предстоящым,
князем, боляром, вѣрно ти служащым,
Во утѣху сердец. Здрави убо зрите,
а нас в милости своей сохраните.

По сем да играють.

Изыдет Навходоносор с боляры и слугами шестию человѣк, а вооруженных вой за ними станет шесть же человѣк. Царь *убо, сѣд на мѣстѣ уготованном, начнет глаголати*

Вѣрнии раби, боляре, дворяне
и вси царств наших славнии земляне!
Видите крѣпость десницы моея:
вся побѣжденни суть страны о́т нея;
Никто противу возможе ми стати,
весь мир един аз имам одержати,
Всяких стран бози с нами не дерзают.
Нас бога богов от днесь вси да знают!
Тѣмже умыслих образ сотворити
лица нашего и всѣм представити
На полѣ Дейрѣ, да вси почитают
образ наш и нас бога нарицают.
Слыши, казночей! Се велим мы тебѣ:
даждь чиста злата, елико есть требѣ,

Абие вели образ наш творити,
на превысоцѣ столпѣ поставити.

Казначѣй

Что бог вѣщает, страшно есть то слово,
по твоей воли все будет готово.

Отъидет Казначей дѣлати образ, а Навходоносор *глаголет*

Егда наш образ златый созерцаем,
тогда всѣх вѣрность, яже к нам, познаем.
Любяй нас вѣрно будет препочтенны,
не любяй паки будет осужденны.
Слыши, Зардане! Вели готовати
пещ, смолу, нафу и огнь розжизати
Близу образа, да всяк вовержется,
им же наш образ честный не почтется.

Зардан

Веселым сердцем твое веление
приведу вскорѣ во исполнение.

И отходит Зардан, и начнет глаголати болярин

Навусар

Свѣтлый наш царю и пресилный боже!
Никто ти в бранех силен быти може.
Нынѣ ли убо может кто дерзати,
еже противу воли твоей стати?
И слово твое огню подобится,
того и пещи кто не убоится!
Добрѣ велиши огнем сожигати
образу чести не хотящих дати.

Навходоносор

Добро все, еже бог повелѣвает,
аще и весь мир в конец погибает.

Мы тако хощем: кто дерзнет судити,
в един час велим живота лишити.
Вы днесь печалей нам не поминайте,
о мусикии сладцей промышляйте.

Приидут мусикии, и речет к ним Навусар

Елика вѣсть утѣшная быти,
та потщитеся пред царем творити.

Здѣ будут ликовствования.

Приходит Казночей *и глаголет*

Царю пресвѣтлый, живи ты во вѣки,
вся превозшедый мира человѣки!
Се уже слово твое совершися,
образ твой честный лѣпо поставися.

И отложше завѣсу, покажется образ стояй.

Навходоносор *глаголет*

Вѣрныи мои раби! Блажим труды ваша,
отселѣ будет милость на вас наша.

Приходит Зардан *и глаголет*

Царю над цари! Царствуй многи лѣта
над всѣми страны до кончины свѣта!
Се твоя воля мною исполненна,
велиим зѣло пещ огнем разжженна.

И покажется пещ.

Навходоносор

Добрѣ трудился, но не угашайте,
изгребий, смолы, нафы прилагайте,
Да, то видяще, вси ся поклоняют
образу злату, нас с ним почитают.

Зардан

Рад то творити, еже ты велиши,
Сам свѣтлым оком работу узриши!

Навходоносор *ко Амирѣ болярину*

Амире вѣрный! В том прилѣжен буди,
да всяких санов днесь предстанут люди
Почтити образ; а вели играти
в трубы, органы и свирѣлствовати,
Во еже бы гласом небес доходити,
и в то бы время всѣм поклон творити;
Аще же чести кто не схощет дати,
в пещ таковаго вели повергати,
Яже в седмеро буди распаленна,
изгребей, смолы, нафы исполненна.

Амир *к царю*

Непобѣдиме царю! Здрав ты буди!
На полѣ Дейрѣ вси предстоят люди
И вся готова: изволь соглядати,
како вси будут образ почитати.

Навходоносор

Убо есть время, повели трубити
и златый образ наш поклоном чтити.

Тогда помаает Амир, *глаголя*

Слышите, гудци! Гласно вы свиряйте!
Вы же, людие, образу честь дайте!

Гудец *речет*

Повеления токмо ожидахом,
ко писканию вся уготовахом.

И начнут трубити и пискати, народи же поклонятся, а трие отроцы не поклонятся, что видя, Амир *велит их поимати, глаголя сице*

Поймите, поймите людей беззаконных,
образу царскому ни мало поклонных!

Тогда их поймут и приведут пред царя. И речет Амир

Пречестный царю! Се людие злии,
не преклониша образу ти выи.
Повелѣние твое укоряют,
на честный образ хулы испущают.

Навходоносор *с гнѣвом глаголет к отроком*

Седрах и Мисах, Авденаго и ты!
Быстe вы у нас зѣло нарочиты, —
Что слышим о вас? Вы ли обругасте
Нас и образу поклона не дасте?
Сам хощу зрѣти, вы правду явите,
со гласом трубным главы поклоните.
Аще поклона не хощете дати,
лютѣ имате в пещи пострадати.
Кто бог есть, могущ вас мук свободити,
от рук пресилных наших исхитити!

Седрах *глаголет*

Нѣсть требѣ, царю, нам ти отвѣщати.
Бог всемогущий силен нас изъяти
Из огня люта силою своею
и свободити от руку твоею.

Мисах

К тому вѣждь, царю, яко прещение
огня не введет нас во прелщение;
Аще же огню бог хощет ны дати,
мы за честь его готови страдати.

Авденаго

Живаго бога небеснаго знаем,
бездушный образ смѣло обругаем.

Не подобает твари почитати:
творец есть бог наш, того хощем знати.

Навходоносор, *разъярився, крикнет*

Оле злых врагов! Како суть прелщени!
Скоро будут во огнь вовержени.
Крѣпции вои! Скоро похитите,
посредѣ пещи враги вовержите.

Тогда вои *похитят и, вяжуще я, глаголют*

1

Благо вам бяше царя послушати,
в сицеву бѣду себе не врѣвати.

2

Зол род еврейский; крѣпко их вяжите,
непокоривых ни мало щадите.

3

Кто врага царска хощет пощадити,
сам есть достоин смертно казним быти.

4

Аз и двѣ кожѣ готов есмь издрати
с едного хребта, а сам не страдати.

5

Мнѣ евреина толь сладко убити,
яко же меда сладка чашу пити.

6

Вержите во пещь, мало глаголите;
еже велят вам, то скоро творите.

И вергнут в пещь, абие же да снидет к ним аггел *и тако да глаголет к отроком*

Аггел

Вѣрнии слузи истиннаго бога!
Да не смущает вас печаль премнога!
Не оставит вас господь всемогущий,
не повредит вы пламень все ядущый.
Яко росою тѣм ся охлаждайте,
богу вашему честь и славу дайте!

Тогда Азария, или Мисах начнет глаголати умиленно: „Благословен еси, господи боже отец наших, и хвално и прославленно имя твое во вѣки, яко праведен еси о всяческих, яже сотворил еси нам“ и проч., яко же есть у Даниила в главѣ 3. Здѣ огнь из пещи халдеи опалит и един от них возопиет:

Увы нам! Лютѣ огнь нас пожигает,
иже из пещи чюднѣ избѣгает.

И падут они. Царь, *увидѣв, возопиет сице*

Кое то чюдо? Пламень утекает
из пещи и раб моих опаляет.
Возмите трупы, земли предадите,
сами ся огня лютаго блюдите.

Таже вси трие отроци умиленными гласы да поют: „Благословен еси, господи боже отец наших, и хвален и превозносим во вѣки“ и проч., яко таможде у Даниила

Амир *глаголет*

Оле чюдесе! Врази не сгоряют,
нѣкия пѣсни сладцѣ воспѣвают.

Царь *глаголет*

Видѣние паче слуха увѣряет,
хощу, да око мое соглядает.

И, востав, воззрит в пещ и, яко узрѣти ему четырѣх в ней сущих, речет к боляром:

Что есть, вельможи? Не три ли ввержени
отроцы во огнь, да будут сожжени?

Амир *глаголет*

Ей, трие, царю, казнь сию прияша,
яко образу поклона не даша.

Царь

Что убо вижду, в пламени огненни
четыре мужи ходят разрѣшенни!
Вси суть без вреда, четвертый блистает,
яко сын божий. О, чюдо бывает.
Увы мнѣ, увы! Аз грѣшный прельстихся,
на рабы бога живаго ярихся.
Они суть святи, аз же грѣшен зѣло;
невинных и огнь сохранил есть цѣло.
Что убо имам аз, бѣдный, творити?
О прощение хощу их молити.

И приступль Царь *к пещи глаголет*

Седрах и Мисах, Авденаго честный!
О, раби бога, иже есть не лестный!
Тощно из пещи сея изидите,
к нам согрѣшившым в ползу приидите.
Прощение ми изволте дарити,
богу вашему аз хощу служити.

Ту изыдут отроцы невреждены, их же зряще, велможи воскликнут:

1

Оле чудесе! Како не сгорѣша
отроци сии и огнь одолѣша?

2

И то есть дивно, что власы суть цѣлы,
аще великим пламенем горѣлы.

3

Зрите одежды, како не растлѣнны,
бывше великим пламенем паленны.

4

Ей, чюдо есть се, но кто оно дѣет,
ум неискусный мой недоумѣет.

Царь

Вижду, боляре, кая чюдо сила
в очесѣх наших нынѣ сотворила.
Благословен бог, сотворивый тако,
его же Седрах, Мисах, Авденаго
Нам просвѣщают! Он царь и владыка,
его есть крѣпость всѣх паче велика.
Его аггелом сии избавлени,
из люты пещи здрави сохранени,
Иже на муки плоти си предаша,
чюждему богу почести не даша,
Царское наше слово преслушаша,
яко на бога жива уповаша.
О, блаженнии раби бога права,
ему же поклон дает моя глава!
Пред лицем вашим того от днесь знаю,
его истинна бога всѣм вѣщаю.
Аще же дерзнет его кто хулити,
убиен буди, а дом расхитити
Повелѣваем; нѣсть бо тако силен
бог, яко бог ваш, иже зѣло дивен.
Вы же, честнии слузи жива бога,

примѣте от нас владѣтелства многа,
Паче всѣх князей будите почтени,
за други наша отселѣ вмѣнени.

Седрах

Богу честь, слава, сие чюдо явлшу,
нас сохранившу, а тебе взыскавшу!
Тебѣ за почесть главы преклоняем,
должную вѣрность тебѣ обѣщаем.

Мисах

Не сия токмо бог наш совершает,
но ина многа дѣла содѣвает,
Яже временно твоей благодати,
да вѣруеши, имамы сказати.

Авденаго

Точию вѣруй, царю превеликий!
Вѣрный раб буди небесна владыки.
Смирен явися: он будет с тобою
и укрепит тя своею рукою.

Царь

Благодарю вы, любимии друзи,
бога живаго истиннии слузи,
Яко обиду хощете забыти,
а нам божию славу изъявити.
Любезнѣ слух мой на ту преклоняю
и сокровище сердца предлагаю.
Но днесь в полату вы с нами грядите,
вашим приходом дом возвеселите.

И отъидут за завѣсы. По сих епилог.

Епилог

Пресвѣтлый царю и благочестивый,
богом вѣнчанный и христолюбивый!

Благодарим тя о сей благодати,
яко изволи дѣйства послушати.
Свѣтлое око твое созерцаше
комидийное сие дѣйство наше,
Им же ти негли не угодни быхом,
яко искуства должна не явихом.
Разума скудость выну погрѣшает,
а ум богатый радостно прощает, —
Тѣмже смиренно к ногам припадаем:
еже простити нам, сие желаем.
Мы же имамы господа молити
да во всем тебе изволит простити,
К тому да подаст мирно царствовати,
а противники вскорѣ побѣждати,
И приложит ти многа лѣта жити,
потом небесный вѣнец наслѣдити.

„Многа лѣта!“ Играние.

ПРЕДИСЛОВИЯ

<ПРЕДИСЛОВИЕ К „ВЕРТОГРАДУ МНОГОЦВѢТНОМУ“>
ПРЕДИСЛОВИЕ КО БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Твари, свѣтом разума во плоти от бога украшенной, обычай есть: еже аще кому прилучится во вертоградѣх богатых быти, и различных цвѣтов сладкимь благовониемь и сердцевеселящимь доброличиемь и краснолѣпым цвѣтениемь увеселитися, и о ползѣ их здравию тѣлесному много и скоро успѣшной извѣщенну быти, то абие всеусердное тщание полагати, да от тѣх же обилия нѣчто себѣ получит и в домашних своих оградѣх или насѣет сѣмена, или насадит корение во общую ползу и веселие всѣм домашним и не успѣвшым отстоящих посѣщати вертов цвѣтоносных. Благопохвалный же той обычай непщуется всѣми и воистину есть таков: ибо егда друг от друга, их же в домѣх наших лишаемся вещей, угождение, или даяния средствомь или продаяния образомь, приемлем, союз друголюбия и склевретъства состяжем, его же и само по нам требует естество, понеже человѣк нѣсть звѣрь дивый, но содружный, — отнюду же градове и села вину насаждения прияша, да во содружествѣ жительствующе взаим помощ нам дѣем и купно создавшаго ны о всяческих его благотворениих славословим. И сам всяческих естеств вина и господь явѣ истяжущ быти показуется, занеже не единому человѣку, ни единому селу, граду или царству вся нуждная отдал есть, но различным странам различныя земли плоды, роды их, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искуства благоволил дарствовати, да вси всѣх требующе,

нуждею ко знаемости и дружеству убѣждаеми, любовь взаимотворимую стяжем. Аще же в чювственных мирскому сожитию полезных сицев обычай не токмо гаждения не причастен, но ублажения достоин, колми паче во духовных вещех стяжемый, ими же не что ино перво намѣрствуется, точию слава, честь, хвала, благодарствие, величание создателя всяческих, второ же усмотряется всѣх душевная вѣрных полза и спасение, — есть весма блажителен и подражателен. Тѣмже аз, многогрѣшный раб божий, его божественною благодатию сподобивыйся странных идиомат пребогатоцвѣтныя вертограды видѣти, посѣтити и тѣх пресладостными и душеполѣзными цвѣты услаждения душеживителнаго вкусити, тщание положих многое и труд немалый, да и в домашний ми язык славенский, яко во оплот или ограждение церкве Российския, оттуду пресаждение кореней и пренесение сѣмен богодухновенноцвѣтородных содѣю, — не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая, занеже имущему дается.

Потщахся убо дому божию, святѣй церкви восточнѣй, яко едему мысленному, раю духовному, вертограду небесному, присовокупити сей мой верт многоцвѣтный во славу всяческих содѣтеля и во ползу душевную всѣх благочестно жити тщащихся, непрелестну имѣя надежду, яко всяк хотяй душевнаго услаждения и ея здравия желаяй извѣстнаго доволны себѣ обрящет здѣ цвѣты во ползу. Иже убо удобнѣйшаго ради обрѣтения не яко трава, на поли не хитростию художника искуснаго, но естествомь изводимая, смѣшенно раждается и не скоро ищущым обрѣтаема бывает, насадишася, но яко же есть обычай цвѣтовертником искусным всяческих цвѣтов и зелий, роды же и виды благочинно по сподом и лехам сѣяти и садити, — тако и во моем сем вертѣ многоцвѣтном художественнѣ и по благочинию вся устроишася, ибо по алфавитному славенскаго диалекта сочинению. Елико убо обрящеши, благочестивый читателю, писмен здѣ начинателных, именованием вещей обрѣтаемых, толико непщуй спод или лѣх быти верта сего. А елико вещей измѣнных, толико родов на них сѣянных или

сажденных да разумѣеши. Еще колико вещей от части измѣняемых узриши, толико видов цвѣтовных да имѣеши. Напослѣдок елико статий числы надзнаменанных усмотриши единыя вещы, толико числ единовидных цвѣт да числиши или различие родов цвѣтов сих духовных сице да сочтеши: ин род суть подобия, ин род образы, ин присловия, ин толкования, ин епитафия, ин образов подписания, ин повѣсти, ин лѣтописная, ин молитвы, ин увѣщания, ин обличения. И тако о прочих да умствуеши. Вся же сия имут силу, здравых душ веселиемь исполнения, в здравии утвержение и от недугов предсоблюдения. К тому и украшения богу любезнаго и человѣком. Болезнующих же грѣховными недуги душеврачевания, прилѣжно чтущым я и во умѣ си, яко во изящнѣйшей силѣ душевнѣй, часто разсуждающым и во сокровище памяти, яко в хранилище душы, во соблюдение дающым. Обрящет здѣ юный укротителная стремлений страстей си и угасителная пламеней ярости и похоти, отемлющая непщевание о многолѣтствии, показующая прелести сего мира и от бога удаляющая. Обрящет старый утверждающая немощь его ко подвигом духовным и наставляющая ко памяти краткости вѣка и поминанию близ сущыя смерти и прочих послѣдних. Обрящет здѣ благородный и богатый врачевства недугом своим: гордости смирение, сребролюбию благорасточение, скупости подаяние, велехвалству смиренномудрие. Обрящет худородный и нищий своим недугом цѣлебная: роптанию терпѣние, татбѣ трудолюбие, зависти тлѣнных презрѣние. Обрящет неправду творящий врачебное недугу си былие: правды творение; гнѣвливец — кротость и прощение удобное; лѣнивец — бодрость; глупец — мудрость; невѣжда — разум; усумлящийся в вѣрѣ — утвержение; отчаянник — надежду; ненавистник — любовь; продерзивый — страх; сквернословец — языка обуздание; блудник — чистоту и плоти умерщвление; пияница — воздержание. И всякими инѣми недуги одержимии обрящут по своей нуждѣ полезная былия и цвѣты. Иже убо не вѣтийскаго художества ухищрениемь мною насадишася, но пиитическаго рифмотво-

рения равномѣрием слогов по различным устроишася родом. Того ради, да присвойственною себѣ сладостию сердцам читателей приятнѣйший суще, аки нуждею влекут я ко читанию частѣйшему. И яко в немнозе пространствѣ многшая заключающеся удобнѣе памятию содержатися могут. И на память изученная внегда провѣщаются, временно благосладящая суть слухи и сердца слышащых. К тым и того ради, да рифмотворное писание распространяется в нашем славенстем книжном языцѣ, — еже во инѣх волею честь имать и ублажение и творцев си достойнаго не лишает от бога и от человѣк возмездия и славы. Ея же аз ми не требуя в мирѣ сем, яко оставлей и со всѣми его красными суетами и суетными красоты; не ищу оныя от человѣк написаниемь книги сея, но глаголю со царствующым пророком: Не нам, господи, не нам, но имени твоему даждь славу. Тебѣ, господи, слава, яко дал еси и еже хотѣти, и еже мощи, и еже начати, и еже трудитися се же здраво и благополучно, и еже совершити добровременно по желанию сердца моего. Тебѣ слава о всѣх и здѣ и в небеси, и нынѣ и во вся будущыя вѣки. Мнѣ же, грѣшному, даждь славу от тебе самаго сущую, наипаче в жизни будущей пред твоими небесными гражданы, ея же не пренебрезати, но искати всѣми силами нашими повелѣваемся тобою, елма пренебрегателие тоя, искателие же славы человѣческия сице от тебе суть обличаеми: Како вы можете вѣровати, славы друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго бога, не ищете?[21] Возмездие же временное потолику ми желателно, поелику нуждно к доволному препитанию мене грѣшнаго и труды всегда полагающих в моих потребах.

Но то по превелицѣй милости и премногим щедротам святопочившаго о господѣ бозѣ святыя и блаженныя памяти благочестивѣйшаго, тишайшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца не скудное, но доволное по моему чину и званию чрез лѣт тринадесят имѣя, прерадостно во царствующем и богоспасаемом

градѣ Москвѣ прежих, присно ко господу богу теплыя моя молитвы о нем, великом государѣ, возсылая и труды трудом, ово по повелѣнию началствующих, ово по моему свойственному благохотѣнию, да не празден жизни моея вотще иждиву время, прилагая. По блаженном же его царскаго величества во вѣчная отшествии присно во моих иноческих молбах молю и до послѣдняго моего издыхания имам непремѣнно господа бога молити о еже проститися всякому его согрѣшению и вселитися души его в селения приснаго веселия и жизни безконечныя со духи небесными и душами всѣх праведных, от вѣка благоугодивших господеви. Его же благочестиваго и приснопамятнаго самодержца выну во памяти отшествие от мира содержя и в благодарном сердци, аки на твердом адамантѣ, премногая его царская ко мнѣ благотворения написанная читая, не возмогл бым никогда же веселию мѣста во сердцѣ моем дати, аще не бы ми печалнаго ума лучесы милости и щедрот своих возбуждал ко веселию от его же царских чресл равнѣ добротворный нам свѣт возсиявший и солнце и на его же царстем престолѣ богомпосажденный сын его, а наш великий государь благочестивѣйший, тишайший, самодержавнѣйший великий государь царь и великий князь Феодор Алексиевичь всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержец. Его бо царским благоутробнымь милосердиемь и множеством щедрот и оцеподражателною царскою призрѣн есмь милостию и в равном бывшему храним доволствѣ, ни в чесом скудости стражду. И въпред упование в господе бозѣ имам, яко благая о мнѣ, грѣшном, на его царстем сердци положит. Он же богом вѣнчанный монарха не отвратит пресвѣтлаго лица своего от худости моея, но по врожденной милости своей благоволит веселыма на мя призирати зѣницами и нуждных жителству моему от обилия богом себѣ данного подаяние доволное творити. И се ми есть возмездие превеликое, нудящее мя ко благодарствию непрестанному и к молбам повседневным, от скипетродержца благочестивѣйшаго. От вас же, благочестивых читателей, богатое ми будет

за труды воздаяние, егда ползу от цвѣт верта сего приемше, речете о мнѣ ко господу молитву о еже оставитися грѣхом моим. Аще живу ми сущу, аще по преставлении моем, то ми едино от вашея любве желателно. Вѣм бо, яко внушает господь молитвы вѣрных раб своих и по прошению их милость проявляет. И мнѣ убо за ваши святыя молитвы простит долги моя и сотворит возмездие вѣчное во царствии си небесном, его же аз единаго рачитель есмь и искатель, а вашему благочестию всяческих благ душевных и тѣлесных, вѣчных и временных присно истинный желатель.

Благочестию твоему временных и вѣчных
благ истинный желатель
Симеон Полоцкий
иеромонах недостойный

<ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К „ПСАЛТЫРИ РИФМОТВОРНОЙ“>

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ, ТИШАЙШЕМУ, САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ФЕОДОРУ АЛЕКСИЕВИЧУ, ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ, ЗДРАВИЯ, ДОЛГОДЕНСТВИЯ, ПОБѢДЫ НА ВРАГИ И ВО ВСѢХ БЛАГОНАЧИНАНИИХ БЛАГОСЛОВЕНИЯ БОЖИЯ И ДОБРОСОВЕРШЕНИЯ СМИРЕННЫЙ РИФМОТВОРЕЦ ВСЕДУШНО ЖЕЛАЕТ

Псалми святии царя велика суть дѣло,
паче духа святаго повѣствую смѣло, —
Ибо егда Давид я усты провѣщаше,
иже на Израилско царство избран бяше,
Самѣм господем богом бысть он умудренны,
пророчествия даром дивнѣ исполненны
От духа пресвятаго, иже наставляше
его на глаголы си, он же я пояше;
Орудие словесно бѣ духу святому, —
бяше бо муж по сердцу богу истинному.
Царь небесный земнаго на то умудрил есть,
тайны сокровенныя чрез него явил есть:

Ибо книга си Псалтир тѣми исполненна,
честна, мудра и свята, вся есть божественна.
Толико же полезна церкви сотворися,
даже нуждниша от солнца быти извѣстися;
Иоанн Златоустый елма прошен бяше:
„Егда Псалтир престати чести подобаше?“ —
Рече: „Уне есть солнцу в течении стати,
нежели псалмов святых вѣрным не читати“.
Тѣмже я церковь мати по вся дни читает,
во всяких си пѣниих их употребляет.
Полезно же и в домѣх оны честно пѣти, —
но без глас подложенных трудно то умѣти.
И разум сокровенный спону содѣвает, —
чтый бо ли поющ псалмы со трудом той знает.
Тѣм во инѣх языцѣх в метры преведени,
разумѣти и пѣти удобь устроени.
Им же аз поревновах, тщахся тож творити,
в славенском диалектѣ в мѣру устроити,
Да ся от чтущих удобь уразумѣвают
и в подложенных гласѣх сладцѣ воспѣвают.
И помощию бога дѣло совершися, —
се бо Псалтир метрами ново преложися.
Нѣции прежде мене негли начинаху,
но за трудности многи от дѣла престаху;
Аз, богом наставляемь, потщахся начати,
бог же даде и концем дѣло увѣнчати.
Еже яко первое в метры преложенно,
подобаше да будет первому врученно
В православных ти сущу, пресвѣтлѣйший царю,
ты даждь мѣсто у тебе сему нову дару:
Прежде царем Давидом от духа строенну,
днесь рабом ти в славенский рифмы преведенну.
Под трудами Давида мой аз полагаю,
мой Давидовых ради труд прийми желаю.
Он, царь, о тебѣ, царѣ, молит бога в небѣ,

аз, раб царя сил и твой, здѣ молю о тебѣ:
Да многая ти лѣта изволит подати,
здравие, мудрость, славу враги побѣждати.
Юн Давид Голиафа силнаго преможе,
даждь ти, юну, силнаго турка збити, боже,—
Сего ти, богомолец твой, вѣрно желаю,
милости царстѣй труд сей и сам ся вручаю.

Твоего пресвѣтлаго царскаго величества
раб смиреннѣйший и присный богомолец
Симеон Полоцкий иеромонах недостойный.

<ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К „ПСАЛТЫРИ РИФМОТВОРНОЙ> ПРЕДИСЛОВИЕ К БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Наставлением десницы правителя вселенныя, возрачителствовавшу ми, трудолюбное вести житие во взыскании божественных писаний глубочайшаго разума и в них умных сокровищ, тайно положенных,—не еже тѣми мысленными бога́тствы единому ми красоватися и богатѣти, но да и церкви православно-кафоличестѣй изнесу от них полезная,—во славу триипостаснаго во едином естествѣ бога, его самаго пособием, написах, жителствуя в царствующем и богоспасаемом градѣ Москвѣ, первѣе книгу, наричемую „Вѣнец вѣры православно-кафолическия“; таже—„Обѣд душевный“; третие—„Вечерю душевную“; четвертое—„Верт многоцвѣтный“,—сей убо рифмически, по чину алфавита славенскаго диалекта. И внегда ми достигнути писмене „пси“, впаде во ум псалмы покаянныя преложити стихотворнѣ, яже, богу пособствовавшу, удобнѣ превед; мню, яко томужде вдохнувшу ми во сердце, возлюбих и на всѣх псалмов труд пуститися. И с толиким трудихся прилѣжанием, яко паче мя нудяше благохотѣние ко совершению того дѣла предприятаго, неже обыкоша лакомо желающии прибытков тлѣнных господие рабы своя нудити днем и нощию ко трудом домашним. И пособием божиим в немнозѣх мѣсяцѣх дѣло совершением увѣнчася.

Имѣх же вины, подвигшыя мя на дѣло сие, послѣдующыя. 1. Обрѣтох в писании творцев восточных и западных, яко псалмы в началѣ си на еврейстѣм языцѣ составишася художеством стихотворения. От восточных свидѣтелствует о сем Кирилл божественный, иже в словѣ 7-м на Иулиана Отступника о псалмѣх глаголет сице: Един Иулиан ненавистию благочестия пиитичество быти у еврей прекословит. От западных же Николай Лиран, иже бѣ родом и вѣрою прежде евреин, потом в западнѣй церкви учитель, на всю Вивлию толкование сотворивый, из еврейскаго языка на латинский, в толковании Псалтири множицею поминает Псалтир стихотворно писану быти на еврейстѣм диалектѣ. Еще и еврейский учитель равви Моисий глаголет о ней сице: Стиси древних святи суть, — яко в псалмѣх двостишия. Иная мѣрятся извѣстным слогов числом; тако да первый стих ово есть долгший, ово кратший; иная мѣрою состоят равною, развѣ яко стиси разнствуют числом слогов, не времен; ибо то разнствие исполняют чрез ушес согласование и гортанных движения или поглощают неравенство лагодѣнием и сладкопѣнием. Вторая вина есть, яко на еллинстѣм, на латинстѣм языцѣх прилучимися Псалтир стихотворно преведенную видѣти. Видѣх и на приискрнем нашему славенскому языку диалектѣ полском книги печатныя, Псалтир стихотворно преложенную содержащыя, не точию во странах полских, но и в царствующем градѣ Москвѣ обносимыя. Поревновах убо, да и на нашем языцѣ славенстѣм, поне в наших странах Российских обрѣтается. Третия вина, — яко мнози во всѣх странах Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червоныя России, паче же во Велицѣй России, в самом царствующем и богоспасаемом градѣ Москвѣ, возлюблше сладкое и согласное пѣние полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти, рѣчей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пѣния увеселяющеся духовнѣ.

Да убо со сладостию пѣния и поемых разум содержаще разумно хвалят господа, преведох псалмы славенския на раз-

личныя стихов роды, им же вся гласов подзнаменования, яже суть на псалмы полския, приключитися могут. Не всякаго убо псалма полскаго пѣнию тогожде числа славенский подложением знамений может соотвѣтовати, яко не вся тѣмже преведох родом стиховным, — ово за трудность превождения, ово яко не всѣх ми псалмов полских гласы суть извѣстни. Обаче во инѣх псалмѣх, по тому роду преведенных, мощно есть желаемое подложити пѣние. Тоже извѣствую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держахся словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго. Се же не яко то не подобающее есть, но снисходя обычаю рода и страны: да не рекут противно быти правдѣ.

Ниже да удивишися тому, читателю благочестивый, яко нѣкая словеса и цѣлыя стихи обрящеши приданыя: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А идѣже нѣкая речения отяшася, та за нужду, яко не вмѣстишася в стихи мѣрою: обаче в разумѣ никако скудости дѣют. Еще идѣже измѣнение нѣкое узриши, то непщуй свѣтлшаго ради истолкования псалмов быти; толкование бо не тѣми словесы, яже суть в сущем бывает, но инѣми и удобншими, да сущаго неудобное откровенно будет. Напослѣдок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намѣрение мое здѣ бысть до чиста псалмы толковати, но точию стихотворно превести я, с толиким изъяснением, елико вмѣститися может.

Сия ти, благочестивый читателю, извѣстив, молю, да приятно читая и поя псалмы, моя труды воздаси ми, поне единѣм ко богу молебнаго слова о спасении души моея грѣшныя возсланием. Аз же ти здраво и весело читати я и пѣти чрез многа лѣта желаю и небесным пѣснопѣвцем причтенну быти во странѣ присно веселящихся усердствую.

Всѣм православным
всяких благ истинный рачитель
Симеон Полоцкий иеромонах недостойный

<ТРЕТЬЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К „ПСАЛТЫРИ РИФМОТВОРНОЙ“> К БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЖЕ ЧИТАТЕЛЮ

Благочестивый книги читателю,
во писаниих жизни искателю,
Молю тя, здравым умом да судиши
труд, иже в книзѣ предлежащей зриши, —
Не слов измѣну тощно разсуждая,
но в тѣх разума единство лобзая.
Псалтирь се царя купно и пророка
Давида свята, тайна в ней глубока:
Иже дух святый оному сказаше,
та пророчески в псалмѣх он писаше.
Всякая служба тѣми украшенна
во церкви святѣй: вся в них божественна.
Без псалмов церкви не возможно быти,
яко без воды рыбѣ не лѣть жити;
Та в своем чинѣ, яко преведенна
древле, во церкви да будет храненна.
Тужде аз рифмы тщахся преложити,
не дабы тако в церкви чтеннѣй быти,
Но еже в домѣх часто ю читати
или сладкими гласы воспѣвати
Во славу богу, — ибо услаждает
рифм слух и сердце: чести понуждает.
Коль же есть лучше сию прочитати,
неже в суетах время погубляти,
Знает то кождо, а то извѣщаю,
поелику сам спастися желаю, —
Яко аще здѣ зрится ново дѣло,
обаче разум псалмов хранит цѣло;
Толк слова мѣнит, множит, уменшает,
подобнѣ в рифмѣх нужда содѣвает.
Само сущее в церкви цѣло тебѣ, —
здѣ метафразис к домашнѣй потребѣ.

Во многѣх мѣстѣх толк здѣ положися,
еже во сущем глубоко сокрыся.
Тѣм не дивися, видя ино слово, —
разум един есть, речение ново
Свѣтлости ради ли за нужду мѣры:
толк отверзает сих сокровищ двери.
Не слушай буих и ненаказанных,
в тмѣ невѣжества злобою связанных,
Им же обычай все то обхуждати,
егоже господь не даде им знати.
Не буди общник расколы творящым,
всю мудрость в себѣ заключенну мнящым,
А в самом дѣлѣ пребезумным сущым,
упором своим в погибель текущым.
Ни завидящым подражатель буди,
им же чуждии сердце гризут труди,
Иже благая за зависть хухнают,
совѣсть поправше, вся уничижают.
Но буди правый писаний читатель,
не слов ловитель, но ума искатель.
А всяко полза имать быти тебѣ,
токмо прилѣжно разсуждати требѣ.
Вѣждь же и сие, яко псалми сии
от древних времен писани святии
Стихов мѣрою, от муж умудренных,
добрѣ еллинским книгам изученных.
И во прочиих суть стихотворени
языцѣх честных и святи вмѣнени.
Ревнуя убо, тщахся написати
нашим славенским, в рифмѣх миру дати.
Тѣм благодарно прими труды сия,
иным обычны, в России новыя.
Чти, пой разумно, хвали ими бога,
от него же мзда будет тебѣ многа.
И за мя, грѣшна, ему помолися,

хулником уста заграждати тщися.
Защищай добро, бог защитник тебѣ
даст здѣ вѣк долгий и вѣчность на небѣ,
Ея же вѣрно аз тебѣ желаю,
милости твоей сам ся поручаю.

<ПРЕДИСЛОВИЕ К „РИФМОЛОГИОНУ“>
ПРЕДИСЛОВИЕ КО БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Дѣлатель всякий плоды своя любит,
хранит, яко да всуе не погубит,
Да бы ся тѣми напредь ползовати,
нуждѣ пришедшей их употребляти.
Домовит бодрый вся нести в дом тщится,
что либо земных прижити случится,
Да в нужды время возможет имѣти
им же бы скудость скорбну одолѣти.
Сѣятель класы в жатву собирает,
блюдет, да ничто вотще погибает;
Прятает в гумнѣ, потом вземлет себѣ
на пищи нужду, елико есть требѣ.
И трудолюбный мравий зѣло тщится,
да в лѣто брашно к зимѣ готовится,
Им же ся, хладу пришедшу, питает.
Благо есть убо, кто плод собирает
Не токмо земный, но паче духовный,
ибо есть лучший плода вещна словный;
Трудники слова Павел почитает,
честь им сугубу дати увѣщает.
Сию ми ползу дадеся познати,
по щедрой бога жива благодати,
В юности верстѣ, егда отрекохся,
мира и в ризы черны облекохся.
Тѣмже что писах, тщахся то хранити,
зная, яко впредь может в ползу быти.

Бых же аз инок в четвертой седмицы
лѣт моих, токмо кромѣ единицы;
Негли же двѣ их языком учихся,
даже дидаскал быти сподобихся.
Писах в началѣ по языку тому,
иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣв многу ползу быти
славенскому ся чистому учити,
Взях грамматику, прилѣжах читати,
бог же удобно даде ми ю знати;
К тому странная сущи ей подобна,
в знания ползу бяше ми удобна.
Тако славенским рѣчем приложихся,
елико дал бог знати научихся;
Сочинение возмогох познати
и образная в славенском держати.
Писах книжная, яко же вѣтии
пишут и яко от вѣтий вящшии, —
Яже возможно будет созерцати,
елма бог даст я миру показати.
Днесь не являю ради завидящих,
их же не знают пред людми хулящих,
Иже в то время не будуть хулити,
егда ми даст бог мир духом лишити.
Тогда бо ревность и зависть престанет,
а кождо суду божию предстанет
За рвение си должну мзду прияти.
Но ты даждь, боже, здѣ всѣм ся каяти,
Да о зависти сей никто судится,
но всяк во любви сущь тебѣ явится.
Писах и рифмы многи, той я знает,
кто „Многоцвѣтный вертоград“ читает,
Мною сложенный, и псалмы святыя,
яже сведох вся в метры славенския.
Особно сия книга есть списанна,

не во едино лѣто начертанна;
В различных лѣтѣх многи нужды быша,
яже ми сия писати бѣдиша, —
Яже в старости могут в ползу быти,
егда не лѣть ми будет ся трудити;
От труд готовых мощно будет взяти,
аще ми даст бог старости дождати;
Днесь бо точию лѣто совершаю,
еже писменем „наш“ <50> право считаю.
Нужд же тѣх вещи хощеши ли знати,
оглавление изволи читати;
В нем ти всякая нужда изъявится
и лист, на нем же лежит, обьяснится.
Да даст же господь здраву ти читати,
яже потщахся здѣ аз написати
И юным твоим в науку даяти,
да возумѣют чинно глаголати
В славу божию, также святых его,
в научение возраста своего.
Ползу ти сими прияти желаю,
а любовь твою тощно умоляю:
Да аще нѣчто погрѣшно узриши,
то ми простити возблаговолиши,
Вѣдая, яко не от злобы тое
погрѣшение, здѣ есть внесенное,
Но или яко не успѣх познати
или в памяти не могох держати;
Ина списатель преступно писаше,
их же не узрѣ бренно око наше.
Церкви согласно вся тщахся писати,
противных во ум не мыслих пущати.
Тѣбѣ аще что противно явится,
любовь не скоро судити да тщится:
Мощно и тебѣ есть нѣких не знати,
изволи ума словес поискати.

Аще же весма что не согласится,
молю, тобою то да исправится;
За любовь господь сие вмѣнит тебѣ,
юже на земли возмездит и в небѣ.
Чесого вѣрно аз тебѣ желаю,
святым молитвам твоим ся вручаю, —
Помоли о мнѣ всещедраго бога,
да мя не лишит небесна чертога,
Даст же с аггелы вѣчно в нем ми жити,
где бог и тебѣ да даст выну быти.

Благочестию твоему всяких благ земных и
небесных вседушный желатель
Симеон Полоцкий
иеромонах недостойный

ПРИЛОЖЕНИЯ

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ — ПОЭТ И ДРАМАТУРГ

Высокая задача строительства коммунистического общества объединяет в наши дни все народы многонационального Советского Союза. „Наша партия хранит и впредь будет хранить, как зеницу ока, единство и дружбу народов СССР, укрепляла и впредь будет укреплять советское многонациональное государство“.[1] Стремление народов нашей Родины к братскому сотрудничеству проявлялось и в прошлом. Реакционные силы царской России пытались противостоять этому стремлению, но истребить его они не могли. Дружба и культурное сотрудничество народов Советского Союза имеют свою многовековую историю.

Литературная деятельность Симеона Полоцкого — один из характерных эпизодов этой истории. Белорусс по национальности, Симеон Полоцкий сыграл заметную роль в истории русского просвещения и литературы. Он жил и работал в годы, непосредственно предшествующие образованию империи Петра Первого, — в тот переломный момент, который В. И. Ленин рассматривал как „новый период русской истории“.[2] Тесно связанный с правящими кругами русского общества Симеон Полоцкий не мог отразить в своем творчестве настроений и чаяний народных масс, народного протеста, характерного для той поры, когда Русское государство пре-

---

[1] Г. Маленков. Отчетный доклад XIX Съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 76.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

вращалось в сильную абсолютную монархию — в „национальное государство помещиков и торговцев“.[1] Однако при всей ограниченности общественно-политической позиции Симеона Полоцкого, его деятельность в целом имела несомненно прогрессивное значение. В дни, когда боярство было уже оттеснено на второй план и главная роль в культурной жизни страны перешла к дворянству, Симеон Полоцкий был одним из выдающихся деятелей новой, передовой для того времени, еще только складывающейся дворянской культуры.

Крупный русский стихотворец и драматург, он раскрыл перед современной ему русской литературой новые художественные возможности, раздвинул ее рамки, отразил, еще во второй половине XVII века, многие потребности и запросы наступающей петровской эпохи.

1

Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (Симеон — имя, которое он получил, когда постригся в монахи) родился в Полоцке в 1629 году. О днях его молодости нам известно только то, что он учился в Киево-Могилянской коллегии, крупнейшем тогда православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. От 1648 года до нас дошел составленный им и собственноручно переписанный конспект теории поэзии; от 1653 года — сборник риторических упражнений на польском и латинском языках. Известно и то, что для завершения образования он ездил в одну из польских иезуитских коллегий; очень возможно, что коллегией этой была самая знаменитая тогда — Виленская.

В 1656 г., два года спустя после освобождения Полоцка русскими войсками, он принял монашество в полоцком Богоявленском монастыре, а затем стал учителем в местной „братской“ школе. В этом же году он впервые встретился со своим

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 104.

будущим покровителем — царем Алексеем Михайловичем, когда тот, в начале русско-шведской войны 1656—1658 гг., по пути в Лифляндию заехал в Полоцк. В 1660 г. Симеон несколько месяцев прожил в Москве; он приехал сюда вместе с группой учеников полоцкого Богоявленского училища, — очевидно, хлопотать о денежном пособии училищу; на приеме у царя полоцкие „отроки“ выступили с приветственными Алексею Михайловичу „стихами краесогласными“ сочинения своего наставника.

Когда в 1661 г. Полоцк был снова временно занят поляками, Симеон Полоцкий принял решение навсегда переселиться в Москву. Он принадлежал к числу тех представителей тогдашней украинской и белорусской интеллигенции, которые в дни освободительной борьбы украинского и белорусского народов против панской Польши безоговорочно примкнули к сторонникам присоединения своей родины к Русскому государству; понимали необходимость этого присоединения и активно, каждый по мере своих сил, ему содействовали. Принятое решение Симеон Полоцкий и осуществил в 1664 году.[1]

В Москве Симеон Полоцкий скоро нашел занятие, несомненно вполне соответствующее его собственному желанию: он стал, по царскому указу, обучать латинскому языку подьячих Приказа тайных дел; в 1665 году в Спасском монастыре для организованной им школы было построено особое „хоромное строение“, в котором и поселился Симеон со своими немногочисленными учениками. Покровительство влиятельного тогда в правительственных сферах газского митрополита Паисия Лигарида (Симеон Полоцкий состоял при нем переводчиком) открыло Симеону доступ ко двору. В 1667 году царь Алексей Михайлович, зная широкую образованность полоцкого „дидаскала“, пригласил его в настав-

[1] Недавно был обнаружен документ, из которого следует, что Симеон прибыл в Москву почти одновременно с протопопом Аввакумом (последний возвращался из сибирской ссылки) — весною этого года.

ники к наследнику престола царевичу Алексею, а после смерти Алексея, — к царевичу Федору. Ему же позже был поручен надзор над обучением царевны Софьи и малолетнего Петра. Приглашение ко двору в качестве домашнего учителя царских детей резко изменило как материальное, так и общественное положение Симеона.

Своим быстрым продвижением при московском дворе Симеон Полоцкий был обязан не только покровительству Паисия Лигарида, но и той позицией, которую он занял с первого же дня своего приезда в Москву. Свидетель успехов русского оружия, завершившихся в 1667 году окончательным присоединением к России Левобережной Украины и Киева, роста международного авторитета Русского государства — одной из сильнейших держав в Европе во второй половине XVII века, горячий сторонник внешней и внутренней политики Алексея Михайловича, — Симеон Полоцкий всегда охотно шел навстречу пожеланиям царя и выполнял все его поручения, нередко очень ответственные.

Алексей Михайлович весьма ценил это качество Симеона Полоцкого. Когда в 1666 году в Москве был созван церковный собор для суда над патриархом Никоном и обличения раскола-старообрядчества, к работе собора был привлечен и Симеон. По поручению собора он составил обширный богословско-полемический трактат, посвященный критическому разбору „челобитной“ попа Никиты и „рукописания“ другого расколоучителя — попа Лазаря; трактат был одобрен собором и, в конце 1667 года, напечатан от имени собора под заглавием „Жезл правления“. Тогда же, по просьбе царя, Симеон Полоцкий трижды ездил на „стязание“ с вождем раскола-старообрядчества протопопом Аввакумом, — правда, безрезультатно; „разошлись, яко пьяни, не мог и поесть после крику“, — вспоминал позже Аввакум об одном из таких словопрений его с полоцким „премудрым философом“. Когда в 1667 году на собор прибыли по приглашению московского правительства восточные патриархи — Паисий Александрий-

ский и Макарий Антиохийский, на долю Симеона выпала и еще одна задача: во время переговоров с ними — вел их от лица собора и правительства Паисий Лигарид — „латынь“ Лигарида переводить на русский язык.

Подобного рода поручения Симеону Полоцкому не раз приходилось выполнять и позже, и при царе Алексее, и при его преемнике — царе Федоре Алексеевиче.

В Москве Симеон Полоцкий безвыездно прожил шестнадцать лет. Имея полную возможность при своих обширных связях добиться едва ли не любого положения в современной ему церковной иерархии, он, однако, никогда этого не добивался. Церковно-административная деятельность с ее заботами и тревогами его не привлекала. Писатель по призванию, он в жизни, как кажется, ценил всего более общепризнанное за ним право посвящать досуг учено-литературным занятиям.

Живя в Москве, он действительно не только много читал (его библиотека принадлежала к числу наиболее замечательных частных библиотек в Москве XVII века), но и еще больше писал. „На всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто“, — свидетельствует Сильвестр Медведев, его ученик и друг. Писал Симеон Полоцкий во всех тех областях литературы, для которых дала ему подготовку Киевская коллегия; он писал стихи, сочинял проповеди (в 1681 году вышел в свет его сборник проповедей „Обед душевный“, в 1683 году — „Вечеря душевная“), много переводил с польского языка и латинского, даже пробовал писать для театра.

Вся литературная деятельность Симеона Полоцкого — он придавал ей большое общественное значение и не без оснований — направлялась одним отчетливо выраженным стремлением: внести и свой вклад в дело русского просвещения.

В вопросе, который тогда оживленно обсуждался в различных слоях московской интеллигенции, — „учитися ли нам полезнее грамматики, риторики или, не учася сим хитростем,

в простоте богу угождати, и которого языка учитися нам, славянам, потребнее и полезнее — латинского или греческого“, — Симеон Полоцкий безоговорочно примкнул к лагерю сторонников „грамматики“ и языка латинского. Вопрос о сравнительном преимуществе „грамматики“ или „простоты“, языка греческого или латинского (тогда международного языка науки), имел не только теоретический интерес: в процессе обсуждения он очень скоро перерос в другой — о путях дальнейшего развития русского просвещения. Грекофилы звали к полному подчинению народного просвещения контролю церкви, к отказу от изучения наук, не имеющих прямого отношения к богословию, к ограничению себя в рамках одной греческой культурной традиции, притом только церковной. „Латинники“ призывали к всемерному обмирщению образования, к освобождению разума от контроля церкви, к перестройке народного просвещения в стране не только на основе греческой культурной традиции, но и латинской, западноевропейской, преимущественно светской. Грекофилы пользовались активной поддержкой некоторых реакционных кругов боярства и высшего духовенства во главе с патриархом Иоакимом с 1674 года; „латинники“, идеологи строящейся дворянской культуры, в своей борьбе с грекофилами нашли опору в передовом общественном мнении, а в конце XVII века и в лице самого царя Петра I.

Громадное значение Симеон Полоцкий, как истый просветитель, придавал всемерному развитию в Русском государстве школьного образования. Строить училища, „стяжати“ учителей — задачу эту он считал одной из самых первоочередных на переживаемом страною этапе развития и неустанно напоминал о ней всем, кто только мог содействовать ее осуществлению. Когда в 1680 году при дворе царя Федора Алексеевича возник план организации в Москве первого в стране высшего учебного заведения — академии, в обсуждении этого плана Симеон Полоцкий принял самое деятельное участие. По поручению царя он даже составил устав проектируемой

академии. Текст этого устава — он был написан в форме царской жалованной грамоты — дошел до нас, правда, только в том виде, в каком он в 1685 году был подан на утверждение царевне Софье Алексеевне: в редакции Сильвестра Медведева и, как кажется, с поправками и дополнениями патриарха Иоакима, во многом исказившими замысел Симеона.

Московская академия, по замыслу Симеона, должна была быть организована по типу коллегии Киево-Могилянской, но со значительно расширенной программой преподавания отдельных наук, соответствующей „совершенному и полному чину Академии“. Устав Симеона Полоцкого предусматривал изучение учащимися всего круга „свободных“ наук, „гражданских и духовных“, начиная от грамматики и пиитики и кончая философией и богословием; предусматривал устав и „учение правосудия духовного и мирского“, т. е. преподавание права церковного и гражданского; что касается языков, то в Московской академии должны были, по проекту Симеона, систематически преподаваться четыре: славянский, греческий, латинский и польский. Академия была задумана Симеоном как учебное заведение всесословное, как дело „богоугодное церкви божией, и нам, великому государю, и всему нашему царствию полезное“: здесь молодые люди, полагал Симеон, могли бы получить достаточную подготовку для деятельности как духовной, так и гражданской. План Симеона Полоцкого был реализован только в начале XVIII века, когда Московская академия (она, как известно, начала функционировать с 1687 года под руководством деятелей грекофильского направления) указом Петра от 7 июня 1701 года была реорганизована и открыла широкий доступ „учениям латинским“.

Неменьшее просветительное значение придавал Симеон Полоцкий и развитию в Русском государстве книгопечатания.

Ничто бо тако славу разширяет,
яко же печать . . . ,

— писал он в одном из своих „программных“ стихотворений:

...Убо подобает,
да и Россия славу разширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги сущым многовечным.

Деятельный пропагандист печатного станка Симеон Полоцкий оставил свой, очень заметный, след в истории русского книгопечатания и как практик-издатель. В конце 1678 г. он с разрешения царя Федора организовал в Кремле типографию. Эта превосходно оборудованная так называемая „верхняя“ типография находилась в полном и бесконтрольном его ведении; по словам патриарха Иоакима, Симеон дерзал печатать книги даже без его, патриарха, благословения. К работе в „верхней“ типографии Симеону Полоцкому удалось привлечь лучшие силы: и Симона Ушакова, крупнейшего русского художника того времени, и лучшего тогда мастера книжной гравюры — Афанасия Трухменского. В 1678 г. Симеон принялся готовить к печати и некоторые свои собственные произведения. Скоропостижная смерть оборвала эту работу: 25 августа 1680 года, на 51 году жизни, Симеон Полоцкий умер.

2

Талантливый проповедник, ученый полемист и богослов, переводчик и педагог, Симеон Полоцкий в историю русской литературы вошел, однако, прежде всего как поэт.

„Рифмотворение“ было одним из любимых занятий Симеона Полоцкого. Стихи писал он быстро, почти без помарок, судя по дошедшим до нас его автографам, и, видимо, всегда с большим увлечением. Первые опыты Симеона в искусстве стихосложения относятся еще к тому времени, когда он учился в Киево-Могилянской коллегии. Сохранилось одно его стихотворение на польском языке от этих лет: переложение „акафиста пресвятой деве“, помеченное автором 1648 годом. Репутацию способного и опытного стихотворца

он прочно завоевал себе уже в Полоцке. От этого времени до нас дошел целый ряд его стихотворных произведений: рождественский диалог для учащихся полоцкой Богоявленской школы под заглавием „Беседы пастушеские“, стихотворное поздравление с днем именин Амфиногена Крыжановского, интересное своими сатирическими зарисовками быта местного черного духовенства (Крыжановский был игуменом полоцкого Воскресенского монастыря), „Стиси утешные“, где Симеон Полоцкий не без юмора изобразил самого себя, и др. В Полоцке, как и в Киеве, он писал стихи частью на польском языке, частью на той книжной „мове“, на которой писали тогда все украинские и белорусские литераторы. На „славяно-русский“ язык он перешел, когда в начале 1664 года переселился в „Великую Россию“.

С переездом Симеона Полоцкого в Москву начался новый период его поэтической деятельности, самый плодотворный. Именно здесь, в Москве, была им написана самая значительная часть его громадного поэтического наследства. Именно здесь окончательно определилось и его отношение к поэзии — не как забаве и развлечению от праздности, а как серьезному и важному делу, имеющему просветительное значение. Он высоко ценил поэзию за ее способность привлекать „слухи и сердца“ и, тем самым, служить незаменимым оружием просвещения в форме всем доступной, легко запоминающейся и приятной. По его собственным словам, он и стихи писал, руководствуясь прежде всего желанием научить всех читающих и пишущих на „словенстем книжном языце“ пользоваться этим замечательным оружием.

Систематически посвящая свой досуг поэзии, Симеон Полоцкий накопил большой материал, который долго лежал у него в свернутом виде, никак не упорядоченный. Только в конце 70-х годов XVII века он приступил к разбору этого материала и к его систематизации. Плодом усилий Симеона в этом направлении и явился первый монументальный сборник его стихотворений — „Вертоград многоцветный“. Работа

над сборником началась, видимо, еще в 1677 году и была закончена в 1678 году.

Сборник, по замыслу Симеона Полоцкого, должен был не только развлекать и поучать, но и послужить своеобразным энциклопедическим справочником, толковым словарем. В соответствии с этим замыслом весь материал, вошедший в сборник, был распределен у него по тематическим рубрикам и в алфавитном порядке названий: „Аарон“, „Авель“ ... „Бдение“, „Безбедство“, „Бездна“ ... „Вдовство“, „Велий кто“ ... „Гадание“, „Глава“ и т. д. В основу сборника легли стихотворения, написанные в разное время. Принятая Симеоном азбучная система потребовала от него ряда дополнений к уже накопленному материалу; нам известно, что Симеон еще в начале 1678 года был занят этими дополнениями: дописывал недостающие стихотворения на те или иные буквы алфавита.

„Вертоград многоцветный“ — корпус всей дидактической поэзии Симеона Полоцкого. Это подчеркнул и сам Симеон в предисловии к сборнику, характеризуя его содержание: „Обрящет зде благородный и богатый врачевства недугом своим: гордости — смирение, сребролюбию — благорасточение, скупости — подаяние ... обрящет худородный и нищий своим недугом целебная; роптанию — терпение, татбе — трудолюбие, зависти — тленных презрение. Обрящет гневливец — кротость и прощение удобное; ленивец — бодрость; глупец — мудрость; невежда — разум; усумляющийся в вере — утвержение; отчаянник — надежду; ненавистник — любовь; продерзивый — страх; скверословец — языка обуздание; блудник — чистоту и плоти умерщвление; пияница — воздержание. И всякими инеми недуги одержимии обрящут зде по своей нужде полезная былия и цветы“.

В сборник вошли в жанровом отношении стихотворения самые разнообразные: „подобия“, „образы“, „присловия“, „толкования“, „епитафия“, „образов подписания“, „повести“, „увещания“, „обличения“; не менее разнообразные и по своему

объему: от коротеньких двустиший до громоздких „поэм" в несколько сот стихов каждая.

Этой внешней пестроте сборника соответствует и пестрота его содержания.

Сравнительно большое место в составе сборника занимают стихотворения, посвященные общественно-политической проблематике. Сюда относятся: стихотворение „Гражданство", где Симеон Полоцкий устами ряда прославленных философов древности подробно характеризует все те основания человеческого „гражданского" общежития, которые „крепят государства, чинна и славна содевают царства"; стихотворения, где говорится о „гражданских" обязанностях каждого человека, о необходимости „правителям" соблюдать установленные в стране законы, о труде как обязательной основе всякого благоустроенного общества и т. п.

Сюда же примыкают и стихотворения, которые условно можно отнести к социальной сатире, — условно потому, что сатира эта, за немногими исключениями, еще очень абстрактна у Симеона и отражает современную ему действительность преимущественно сквозь призму известных ему литературных образцов этого рода поэзии. Сатирические стихотворения Симеона обычно не выходят за рамки морализирующего осуждения ряда „общечеловеческих" пороков: невежества, пьянства, „лакомства" и пр. Из числа этих стихотворений, относящихся по терминологии автора к разряду „обличений", заметнее остальных выделяются два: „Купецтво" и, в особенности, „Монах". Первое стихотворение замечательно своим не лишенным колоритности сатирическим очерком старинных русских торговых обычаев с обстоятельным перечислением всех тех мошеннических способов, к которым прибегают купцы, когда хотят обмануть покупателя. Второе — направлено против пьянства и чревоугодия монахов и, по справедливому замечанию акад. Л. Н. Майкова, действительно „силою и резкостью своих обличений напоминает не менее беспощадную в своем роде позднейшую сатиру Кантемира".

Сюда же, наконец, должен быть отнесен и обширный цикл стихотворений Симеона Полоцкого, назначение которого заключалось в том, чтобы наглядно показать читателю, — что такое идеальный правитель государства и что такое правитель-тиран (слово „тиран“ в этом именно его значении „дурного, жестокого царя“ ввел в русскую поэзию впервые Симеон Полоцкий). Идеальный правитель в изображении Симеона — полон смирения, никогда не забывает о непрочности человеческого счастья; всегда и во всем являя собою достойный пример для подданных, он трудится на благо общества, он строг и требователен и в то же время милостив и справедлив, он ревностно заботится о просвещении своего народа, он страж законности и порядка в стране; тиран — не заботится о „гражданской потребе“, обременяет подданных налогами и поборами, жесток и мстителен, несправедлив и своеволен. Противопоставляя первого второму, Симеон Полоцкий дал первую в русской литературе попытку обрисовать идеальный образ „просвещенного“ монарха. Во второй половине XVII века, в эпоху перерастания русской сословно-представительной монархии в абсолютную, эта попытка не могла не представить живейшего интереса для читателей, тем более, что сборник предназначался в первую очередь для царя и его семьи.

Заметное место в „Вертограде“ занимают также стихотворения научно-популярного содержания, как сказали бы теперь. К ним относятся: стихотворения, посвященные конспективному обзору римской истории императорского периода (до Константина Великого) и византийской, по императорам, в хронологическом порядке („Царие или кесари Рима ветхаго“ и „Царие Рима новаго“); стихотворения на темы из географии, зоологии и даже минералогии (неисчерпаемым источником сведений Симеона в этой области была „Естественная история“ Плиния Старшего, римского писателя I века н э.); стихотворения, разъясняющие некоторые термины, их значение и даже происхождение („Академия“, „Философия“ и др.);

стихотворные обработки исторических анекдотов и изречений знаменитых в истории лиц — царей, королей, философов и поэтов: Александра Македонского, Юлия Цезаря, Юстиниана, Аристотеля, Гомера, Демосфена, Анакреонта, Софокла и др.

Еще больше в „Вертограде“ стихотворений собственно дидактических — „увещаний“, по терминологии автора. Наиболее замечательны из числа стихотворений этого цикла: „Вдовство“, „Женитва“, „Достоинство“. В первом стихотворении обращает на себя внимание портрет молодой вдовы, нарисованный с большой психологической наблюдательностью; во втором — реалистическая конкретность, с какой автор, давая совет не жениться молодому человеку, желающему посвятить себя ученой деятельности, — не без лукавого юмора описывает все ожидающие его беспокойства и тревоги семейной жизни. „Достоинство“ — одно из немногих стихотворений „Вертограда“ автобиографического характера; это — лирическое размышление поэта о блаженстве жить и заниматься любимым делом вдали от того мира, где господствуют богатство, знатность, постоянная погоня за почестями и властью. Для характеристики Симеона Полоцкого-просветителя большой интерес представляют также стихотворения этого цикла, направленные против невежд („Невежда“), против ригоризма церковной морали („Воздержание“), против „баб“ и „шептунов“ — в защиту медицины и врачей („Чародейство“), против тех, кто кичится знатностью своего происхождения, не имея каких-либо личных заслуг („Честь“).

Та или иная тема в „Вертограде“, из числа указанных выше, свою поэтическую конкретизацию получала у Симеона Полоцкого двояко: или в форме прямого обращения поэта к читателю или косвенно — в форме какого-либо „образа“ („примера“).

В последнем случае стихотворения его приобретали характер повествования, иногда довольно широко развернутого. Сюжеты для стихотворений такого типа Симеон Полоцкий

обычно черпал у своих любимых неолатинских писателей: Викентия из Бовэ, автора популярного вплоть до половины XVIII века очерка всемирной истории до 1244 года — „Зерцало историческое“ (Speculum historiale), Барония, автора монументальной исторической энциклопедии под заглавием „Церковные летописи“ (Annales ecclesiastici), немецкого хрониста Науклера и др. Отбирая материал для себя из всех этих сочинений, Симеон Полоцкий руководствовался и чисто просветительской задачей: стремлением расширить известный в русской литературе репертуар повествовательных сюжетов новыми, античного или западноевропейского происхождения, — „не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая“, как писал он сам в предисловии к сборнику.

В „Вертограде“, в стихотворной обработке Симеона Полоцкого, чаще всего встречаются рассказы исторического содержания. Сюжеты их очень разнообразны. Здесь и рассказы из истории античного мира: о дамокловом мече („Мечь истинны“), о благодарном льве Андрода („Лев“), известный рассказ Геродота о царе лидийском Крезе и Солоне („Щастию не верити“), рассказ о вдове, добившейся суда у императора Траяна („Суд“); из истории древнего Востока: о царице Семирамиде, которая обезглавила своего супруга и заняла его престол („Жена“). Здесь и целая серия рассказов из истории западноевропейского средневековья: об убийстве лонгобардского короля Альбоина женой его Розамундой („Месть“), о коварном убийстве шотландского короля Кемефа его женой Фенеллой при помощи яблока, таившего в себе смертельный яд („Жена блудная“), популярный рассказ о невинно оклеветанной царице („Клевета“), одним из вариантов которого воспользовался Шекспир в „Зимней сказке“, — рассказ о гибели епископа Гаттона, съеденного мышами („Казнь за сожжение нищих“), и др.

Немало в „Вертограде“ рассказов церковно-легендарного характера: о богородице, принявшей младенца у одной монахини, согрешившей, но раскаявшейся („Блуд со сродником“),

о человеке, на сердце у которого, когда его после смерти вскрыли, нашли изображение распятия („Распятие в сердце“), о каре, постигшей одного грешника: на него вскочила жаба и прилипла к его телу („Казнь сыну за отца“), о человеке, который выколол око на иконе богородицы и за это был наказан тем же („Око избоденно образу“) и пр.

Особую группу составляют стихотворные „повести“ на темы семейно-бытовые: об отце, завещавшем детям сокровище, зарытое в саду („Завет“), об одной женщине, которая вместе с мужем пыталась обманом присвоить все деньги своего старика отца („Чадом богатств не отдаяти“), и др.

Встречаются в „Вертограде“ и рассказы шуточные, все содержание которых сводится к какому-нибудь анекдоту или даже забавному каламбуру: „Дароимство“, „Пиянство“ и пр.

„Вертоград“ Симеона Полоцкого, помимо своего большого значения в истории русской поэзии (первый в России сборник стихотворений), представляет несомненный интерес и в историко-культурном отношении: это — выдающийся памятник русского просветительства второй половины XVII века, многими сторонами своего содержания уже целиком повернутый к новой, петровской эпохе.

3

Одновременно с „Вертоградом“ Симеон Полоцкий успел подготовить к печати и еще один сборник стихотворений — полный „рифмотворный“ перевод „Псалтыри царя и пророка Давида“. Работу эту Симеон выполнил в необычайно даже для него краткий срок: начал он перевод 4 февраля 1678 года и закончил его 28 марта того же года.

В 1680 году перевод был издан в Москве отдельной книгой; печаталась она в „верхней“ типографии и вышла в свет еще при жизни Симеона Полоцкого. Помимо псалмов здесь были напечатаны в стихотворном переложении Симеона еще и ветхозаветные „песни“ и „молитвы“, обычно присоединяв-

шиеся к Псалтыри, и „Месяцеслов" (календарный указатель праздников русской православной церкви).

Псалтырь Симеона Полоцкого — одна из самых изящных в полиграфическом отношении книг, изданных в Москве во второй половине XVII века. Книга была предназначена не для церковно-богослужебного употребления, а для „домашней потребы" интеллигентного читателя — знатока и ценителя „рифмотворной" речи. Внешнее оформление Псалтыри Симеона вполне соответствует этому ее назначению. Книга со вкусом украшена орнаментом; при стихотворном наборе широко использована двуцветная печать, преследующая не только выделительные, но и декоративные цели; псалмам в переложении Симеона предшествует превосходная гравюра на меди (А. Трухменского по рисунку С. Ушакова), изображающая легендарного автора Псалтыри — библейского царя Давида.

В одном из предпосланных книге предисловий Симеон Полоцкий так рассказывает историю появления в свет этого второго сборника его стихотворений. Когда он, заканчивая „Вертоград", дошел „по чину алфавита славенскаго диалекта" до буквы „пси", у него возникла мысль переложить стихами некоторые псалмы. Он начал перевод и скоро так увлекся этим занятием, что решил переложить не только „покаянные" псалмы, как задумал ранее, но и всю Псалтырь в целом: „возлюбих и на всех псалмов труд пуститися". Три причины („вины"), по словам самого Симеона в том же предисловии, поддерживали принятое им решение: 1) свидетельство ряда авторов, восточных и западных, о том, что древнееврейский оригинал Псалтыри был „в начале" составлен не в прозе, а „художеством стихотворения"; 2) желание явить Псалтырь, переложенную стихами, „и на нашем языце славенстем", — ибо видел он стихотворные переложения псалмов на языки греческий и латинский, не раз видел, даже в самой Москве, печатные экземпляры стихотворного перевода Псалтыри и на язык польский; 3) наконец, стремление оказать посильное содействие тем, которые — и в Малой России, и в Белой, и

в Великой России, и даже в самом „царствующем и богоспасаемом граде“ Москве — полюбили „сладкое и согласное пение“ польской стихотворной Псалтыри и даже привыкли петь эти польские псалмы, — „речей убо или мало, или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющеся духовне“.

Дать в руки читателя текст Псалтыри понятный, приспособленный и для чтения, услаждающего слух, и для пения в домашней обстановке на тот или иной „глас“, — такова задача, которую поставил себе Симеон Полоцкий.

Задача была нелегкая. Псалтырь принадлежала к числу тех книг „священного писания“, старый, славянский прозаический текст которой многие знали у нас в старину едва ли не наизусть: по Псалтыри учились читать, по ней гадали, ее читали в церкви и дома, ее цитировали и устно и письменно. Новый перевод Псалтыри, да еще „в рифмех“, мог вызвать и действительно вызвал — Симеон Полоцкий очень скоро в этом убедился — ряд возражений, тем более серьезных, что в данном случае они могли исходить и от врагов и от друзей. И тех и других могла встревожить смелость замысла Симеона Полоцкого. Не удивительно, что Симеон, дав подробное обоснование самого замысла своего, счел необходимым не менее обстоятельно, в том же предисловии, изложить и те принципы, которыми он руководствовался, перелагая Псалтырь в стихи.

Вся его работа, — писал он, — направлялась стремлением возможно ближе держаться традиционного текста Псалтыри. В его переложении могут встретиться некоторые слова и даже целые стихи, отсутствующие в оригинале; могут встретиться и пропуски некоторых речений оригинала. Но читателю не следует смущаться этим обстоятельством: частичные дополнения и пропуски неизбежны, так как прозаическая речь не может быть дословно передана стихотворною. Если все эти отступления от оригинала, вызванные необходимостью учитывать требования стихотворной „меры“, не наносят ка-

кого-либо ущерба „разуму“ текста, — они допустимы. Там, где в тексте Псалтыри попадаются речения трудные, „неудобныя“ для понимания, он позволял себе иногда легкую перифразу текста, „изменение некое“ — „светлшаго ради истолкования“, но только в тех случаях, когда перифраза эта не вступала в существенное противоречие с привычным для читателя текстом; „ниже бо намерение мое зде бысть до чиста псалмы толковати, — писал Симеон, — но точию стихотворно превести я, с толиким изъяснением, елико вреститися может“.

Псалтырь Симеона Полоцкого, действительно, представляет собой почти дословный стихотворный „метафразис“ традиционного славянского текста Псалтыри. В интерпретации этого текста Симеон также не пошел много дальше общепринятого его толкования. Только в одном направлении он позволил себе несколько нарушить тот свод правил, которого в предисловии к книге обещал строго придерживаться, — „во украшении пиитическом“. Изучение Псалтыри Симеона Полоцкого показывает, что в его переложении разного рода „пиитических“ отступлений от оригинала все же значительно больше, чем это можно было предполагать, судя по предисловию; одни из них — плод личной изобретательности Симеона, другие — результат внимательного изучения очень популярной в его время стихотворной Псалтыри знаменитого польского поэта XVI века Яна Кохановского.

Не этими, однако, „пиитическими украшениями“ Симеона Полоцкого замечательна его Псалтырь. В литературном отношении она прежде всего обращает на себя внимание многообразием своих стихотворных размеров. Симеон Полоцкий во всем блеске обнаружил здесь свое незаурядное мастерство версификатора: он продемонстрировал здесь едва ли не все употребительные в то время размеры силлабического „стихотворения“, начиная от краткого шестисложного и кончая громоздким и пространным четырнадцатисложником. Он показал здесь и многие эффектные образцы

стихотворений, основанных на комбинации различных размеров; образцы стиха „сапфического“, „леонинского“ и четырнадцатисложного с двумя цезурами.

Перелагая псалмы различными размерами, Симеон Полоцкий, как и его польский предшественник Ян Кохановский, рассчитывал на то, что их будут не только читать, но и петь: разные стихотворные размеры обеспечивали возможность ее исполнения разными напевами.

Возможность эта была реализована уже в 1680 году, когда выдающийся русский композитор XVII века певчий дьяк В. П. Титов составил музыку ко всей Псалтыри Симеона Полоцкого. Обширная композиция Титова — она содержит в себе 165 музыкальных номеров на текст псалмов Симеона — интересна тем, что она положила начало русской камерной вокальной музыке. Успех, выпавший на долю именно этой композиции Титова, не случаен: секрет его несомненно в том, что Титов, перелагая на музыку псалмы Симеона Полоцкого, нередко пользовался ритмическими и гармоническими (реже — мелодическими) оборотами, свойственными народной песне.

Подготовляя к печати свою Псалтырь, Симеон Полоцкий предвидел, что разные „зоилы“ — „ловители слов“ не обойдут ее своим придирчивым вниманием. Так оно в действительности и было. Еще до выхода Псалтыри в свет Евфимий Чудовский, один из вождей грекофильской реакции, написал заметку, в которой не только самый замысел Симеона Полоцкого был безапелляционно осужден, но и содержалась по адресу Симеона прямая угроза: „... да никто псалмы мирскими красоглаголания словесы упещряет, ниже́ покусится речения переменяти“. Когда Псалтырь вышла в свет, напал на нее и сам патриарх Иоаким, голословно обвиняя автора в еретическом якобы характере многих допущенных им в тексте Псалтыри — „прилогов и отъятий“.

Все это, однако, ничуть не помешало широкой популярности Псалтыри Симеона; ее охотно читали и перечитывали

вплоть до конца XVIII века; любители вирш и кантов в XVIII в. даже не раз переписывали ее и полностью и в извлечениях. По свидетельству М. В. Ломоносова, Псалтырь Симеона Полоцкого была именно той книгой, по которой он впервые познакомился с российским стихотворством.

Псалтырь не раз привлекала творческое внимание ряда русских поэтов XVIII—XIX веков; псалмы переводили, иногда существенно переосмысляя их содержание, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, поэты-декабристы (Ф. Глинка и др.); переложением псалмов занимался, как известно, и Т. Г. Шевченко, которого они привлекали, как и поэтов-декабристов, не только своей поэтичностью, но и заложенными в них элементами „гражданской" лирики. Псалтырь Симеона Полоцкого непосредственно предшествует этой своеобразной традиции в нашей поэзии.

4

В 1679 году Симеон Полоцкий решил „сочетать" в один сборник и все свои стихотворения панегирического содержания, „в различная лета и времена сложенныя". Этому третьему и последнему сборнику своих стихотворных произведений он дал название „Рифмоло́гион". Работа над сборником продолжалась еще и в 1680 году, судя по тому, что произведения Симеона, написанные в этом году, также попали в сборник. В том виде, в каком „Рифмологион" дошел до нас, он производит впечатление недостроенного здания: каркас налицо, леса еще не сняты, все детали еще в проекте. Окончательную, „беловую" редакцию сборника Симеон Полоцкий так, видимо, и не успел выработать: осенью 1680 г. он скончался.

В состав сборника вошли прежде всего многочисленные „приветственные" и поздравительные стихотворения — царю Алексею Михайловичу, царю Федору Алексеевичу, членам царской семьи, — написанные по случаю нового года, того

или иного праздника, по случаю именин царя или членов его семьи, вступления в брак, рождения сына или дочери, и т. п.; вошли сюда и целые циклы поздравительных стихотворений: „рождественских“ („Стиси общи на Рождество Христово“) и „пасхальных“ („Стиси на Воскресение Христово“). Часто обращался Симеон Полоцкий со стихотворениями аналогичного характера и к некоторым знатным вельможам своего времени, светским и духовным: боярину Б. М. Хитрово, кн. Ф. Ю. Ромодановскому, кн. Г. А. Долгорукому, Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому, И. М. Милославскому, М. Т. Лихачеву и др.; многие из этих стихотворений также нашли себе место в сборнике. Включил сюда Симеон Полоцкий и свои, чаще всего тоже „приветственные“, стихотворения-образцы, составленные на разные случаи жизни и предназначенные для каждого, кто, независимо от своего общественного положения, пожелал бы ими воспользоваться: „от внука к дедушке“, „от сына к матери“, „к благодетелю“, „к сроднику“, „к тетушке“, „от сына к отцу, в печали сущу“, „господину, из пути пришедшу, от его домочадец“ и пр.

Центральное место в составе „Рифмологиона“ Симеона занимают его так называемые „книжицы“, написанные по поводу событий в жизни царской семьи, особо важных, иногда государственного значения. „Книжиц“ этих пять (три „приветственные“ и две траурные): „Благоприветствование“ царю Алексею Михайловичу „о ново-богом-дарованном сыне государе нашем царевиче и великом князе Симеоне Алексиевиче“ (1665), „Орел Российский“ (1667), „Френы, или Плачи всех санов и чинов православно-Российского царства“ о смерти царицы Марии Ильиничны (1669), „Глас последний ко господу богу“ царя Алексея Михайловича (1676), „Гусль доброгласная“ (1676).

„Приветственные“ и поздравительные стихотворения Симеона Полоцкого особой изобретательностью не отличаются. Все они обычно построены у него по одной и той же схеме и, за немногими исключениями, довольно банальны по

содержанию. Немало в них официозной риторики, разного рода „пиитических“ фанфар и того дежурного „восторга“, в который Симеон Полоцкий нередко впадал и не мог не впадать уже по одному тому, что в качестве „штатного“ придворного поэта царя Алексея Михайловича и, позже, царя Федора Алексеевича он считал своим долгом откликаться на все, даже самые незначительные, события придворной жизни.

Значительно больший интерес представляют „книжицы“ Симеона. Они обращают на себя внимание прежде всего необыкновенно парадным великолепием своего литературного оформления. Каждая „книжица“ — целое словесно-архитектурное сооружение. Созидая такое сооружение, Симеон Полоцкий в помощь к слову привлекал и другие средства художественного воздействия: двуцветное письмо — черное и красное, графику и даже живопись.

Уже первая по времени „книжица“ Симеона (поздравление царя Алексея с рождением сына Симеона) представляет собой примечательный образец такого „синтетического“ произведения, рассчитанного и на чисто зрительный эффект. Широкое применение нашли здесь и двуцветное письмо и разные графические построения; в числе последних, впервые у Симеона Полоцкого, и так называемый „лабиринт“ — графический фокус, секрет которого заключается в том, что одна и та же фраза может многократно читаться от центра в любом направлении (см. стр. 121).

Еще в большей степени тот же характер носит и вторая аналогичная композиция Симеона — „Орел российский“, написанная по случаю объявления 1 сентября 1667 г. царевича Алексея наследником престола; замечательна она своими живописными изображениями. В центре этой композиции — великолепная живописная панорама звездного неба с солнцем посередине. Солнце испускает сорок восемь лучей; в каждый луч вписана одна из добродетелей царя Алексея: „правдолюбие“, „правосудство“, „щедродаяние“, „словопостоянство“,

„добронравие“, „уветливость“ и пр. На фоне солнца — затемняющий его венценосный двуглавый орел с скипетром и державою в когтях. Солнце движется по „кругу животных“ — зодиаку, знаки которого („телец“, „близнецы“, „рак“, „лев“, „дева“ и пр.) — раскрашенные иллюстрации к тексту. Поддерживает эту панораму „Елогион“ (ода в честь царя Алексея) — стройная колонна, в свою очередь опирающаяся — в начале „книжицы“ — на массивный „Енкомион“ в прозе.

Такой же парадностью своих словесно-архитектурных ансамблей характеризуются и остальные „книжицы“ Симеона.

Центральная тема „книжиц“ — Российское государство, его политическое могущество и его слава. Под пером Симеона Полоцкого, придворного поэта эпохи формирования феодально абсолютистской монархии, тема эта закономерно переплеталась с другой — царского единодержавия и именно поэтому почти всегда, как правило, приобретала у него форму торжественно приподнятого, „одического“ славословия по адресу царя Алексея Михайловича и царя Федора. Царь и государство — оба эти понятия в сознании Симеона Полоцкого сливались в одно, заменяя друг друга. Царь — символ Российской державы, живое воплощение ее всесветной славы, живая персонификация ее политического могущества.

Образ монарха, каким хотел его видеть Симеон Полоцкий, был им отчетливо намечен уже в „Вертограде“. Здесь, в „Рифмологионе“, образ этот, в „Вертограде“ обрисованный в качестве некоего нормативного идеала, вне времени и пространства, — получил, в лице царя Алексея и царя Федора, свою конкретизацию применительно к условиям русской политической действительности второй половины XVII века. Щедрый покровитель просвещения, неустрашимый „оборонца“ своих подданных от турецкого султана, крымского хана и „ляхов прегордых“, опора и надежда всех народов, живущих под иноземным игом и, одновременно, укротитель народных „мятежей“, расшатывающих государственное единство скла-

дывающейся абсолютной монархии, суровый истребитель „раскола“ в церкви, верный страж существующего общественного строя и правопорядка — таков „великий государь и великий князь“, „всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец“ в изображении Симеона Полоцкого. Так рисуя портрет царя Алексея и царя Федора, Симеон выступал не только как придворный панегирист, но и как сторонник и апологет идеалов просвещенного абсолютизма.

При жизни Алексея Михайловича Симеон Полоцкий воздерживался давать царю какие-либо советы или указания. Положение несколько изменилось, когда царь Алексей скончался и на престол вступил его преемник — юный Федор Алексеевич. Теперь Симеон Полоцкий счел для себя возможным сделать то, на что он раньше никогда бы не решился: выступить в роли наставника и преподать своему бывшему воспитаннику и ученику некоторые прямые уроки житейской и политической мудрости. Об этом наглядно свидетельствуют две последние его „книжицы“, предназначенные для Федора Алексеевича, — „Глас последний ко господу богу“ царя Алексея и, в особенности „Гусль доброгласная“. Обе „книжицы“ содержат в себе свод правил, которыми, по мысли Симеона, молодому царю надлежит постоянно руководствоваться и в своей личной жизни и в своей государственной деятельности. Свод этот — целая программа. В первой „книжице“ устами покойного царя Алексея, во второй — лично от своего имени Симеон Полоцкий приглашал Федора осуществить на практике рисовавшийся ему идеал монарха.

В программе этой в особенности интересен, и прежде всего для характеристики самого Симеона, его настойчивый совет царю всемерно заботиться о просвещении его подданных.

Мало есть правды царю мудру быти,
а подчиненых мудрости лишити, —

внушал царю Симеон и доказывал ему, что “мудрии“ подданные облегчат ему нести бремя государственного управ-

ления. Интересен и его совет Федору прилежно изучать исторические сочинения; в практике государственной деятельности полезно пользоваться уроками прошлого:

Книги историй возлюби читати,
 от них бо мощно что бе в мире знати
И по примеру живот свой правити,
 да бы спасенно и преславно жити.
Само чтение многи умудряет,
 яко бо свещу во тме возжигает. . .

Обе последние „книжицы“ были написаны накануне русско-турецкой войны 1677—1678 годов, — в дни, когда Турция открыто готовилась к нападению на Русское государство, рассчитывая овладеть Киевом и подчинить своему господству Украину. Отсюда и еще один настоятельный совет Симеона Полоцкого молодому царю: дать врагу самый сокрушительный отпор, раз навсегда „попрати“ — „люта змия агарянска“. В это тревожное время Симеон все свои надежды возлагал на царя Федора, видя в нем единственного надежного защитника Украины и Белоруссии от турецкого „насилия“.

В прямой зависимости от задач, которые ставил себе Симеон Полоцкий, и содержания его „приветственных“ произведений находится и его художественный панегирический стиль. Основным принципом панегирического стиля Симеона стала, да и не могла не стать, гипербола, иногда совершенно безудержная в своем „превыспреннем“ полете. Гипербола такая обычно строилась у него на основе последовательного развития образов какого-либо определенного ряда. Высокая тема требовала и соответствующего высокого метафорического плана. Он поражает у Симеона Полоцкого своей грандиозной масштабностью. Вся картина мироздания привлекалась Симеоном для изображения величия Российского государства, для характеристики его исторического предначертания. В особенности широкое развитие получили под пером Симеона образы „космического“ ряда: Россия — небо, царь — солнце, царица — луна и пр. Чередование дня и ночи,

ненастья и погоды, времен года также давало ему богатый материал для разного рода аналогичных более или менее развернутых уподоблений и сравнений.

Опираясь на эту систему уподоблений и сравнений, Симеон Полоцкий выработал и свою поэтическую фразеологию, отдельные формулы которой, раз найденные, он затем в неизменном виде переносил из одного „приветственного“ стихотворения в другое. Некоторые из этих формул оказались очень устойчивыми и судьбу их в русской „одической“ поэзии можно проследить вплоть до конца XVIII века.

5

С именем Симеона Полоцкого связаны и первые шаги русской оригинальной драматургии. Ему принадлежат две пьесы в стихах: „Комидия о блуднѣм сынѣ“ и „трагедия“ — „О Навходоносорѣ царѣ, о тѣле <тельце> златѣ и о триех отроцѣх, в пещи не сожженных“. (Термин „трагедия“ принадлежит Симеону).

Первая пьеса написана на широко известный евангельский сюжет притчи о блудном сыне (Лука, XV, 11—32). Состоит она из пролога, эпилога и шести действий или „частей“, как называются они у Симеона Полоцкого, и относительно точно воспроизводит евангельский рассказ.

На сцену выходит отец с двумя сыновьями и слугами. Он благодарит бога за все милости к нему, затем дает сыновьям советы и делит между ними свое имущество. Старший сын в длинном монологе благодарит отца и выражает желание остаться при нем. Младший сын просит позволения посетить чужие страны:

Заключение видит ми ся быти, —
    в отчинной стране юность погубити.
Бог волю дал есть: се птицы летают,
    зверие в лесах волно пребывают.
И ты мне, отче, изволь волю дати,
    разумну сущу, весь мир посещати...

Он уверяет отца, что ему за время этого путешествия удастся прославить не только себя, но и весь свой род. Отец, не возражая в принципе против этого стремления „славы искати“, однако выражает сомнение, достаточно ли подготовлен его сын к такому путешествию; он советует ему не торопиться — приобрести некоторый опыт и „ум“, живя дома, а потом уже пускаться в далекое странствие. Но доводы отца не убеждают молодого человека; он настаивает на своем, ссылаясь на пример своих сверстников:

Что стяжу в дому? Чему изучуся?
Лучше в странствии умом сбогачуся.
Юнших от мене отци посылают
в чюждыя страны, потом ся не кают.

Отец сдается; он снабжает сына всем необходимым и отпускает его.

Воля вскружила молодому человеку голову. Он забывает свое обещание искать на чужбине ума и славы, — радуется возможности „погуляти“ на свободе. Он нанимает себе большое количество слуг, пирует с ними, играет в азартные игры (в „зернь“ и пр.). Когда, очень скоро, выясняется, что все деньги растрачены, слуги отказываются служить блудному сыну, расхищают остатки его имущества и разбегаются. Молодому человеку, оставленному всеми своими „клевретами“, остается только одно: искать работу, чтобы не умереть с голоду. Встречный „купчин“ рекомендует его одному господину в слуги; тот посылает его пасти свиней. Блудный сын, терзаемый голодом, съедает предназначенную для свиней пищу и за это подвергается побоям. Горький опыт убеждает его в правоте отцовского предупреждения; он раскаивается в своем необдуманном решении покинуть отчий дом ради веселой и праздной жизни на чужбине и возвращается домой. Отец принимает блудного сына с распростертыми объятиями, и для молодого человека начинается новая жизнь. В заключительном монологе он так формулирует

основной урок, который он извлек из опыта своего путешествия в дальние страны:

Познах бо ныне юность дурность быти,
аще кто хощет без науки жити.

В пьесе этой Симеон Полоцкий правильно отметил одно из характерных явлений своего богатого противоречиями времени: увлечение известной части молодежи правящих кругов внешними формами западной цивилизации. На практике это нередко приводило к печальным последствиям; молодежь, вскружив себе голову рассказами о Западной Европе, подменяла серьезное изучение западной культуры, западной науки, техники, искусства поверхностным подражанием всему „иностранному" и не менее поверхностной критикой всего того, что она привыкла видеть у себя дома. Московские „блудные сыновья" не могли не волновать Симеона Полоцкого: своим соблазнительным поведением они компрометировали дело, которому он ревностно служил, давали лишний повод охранителям старозаветных обычаев позлорадствовать над всякими „немецкими" новшествами и в жизни и в литературе.

Симеон Полоцкий сделал все, чтобы его „Комидия о блудном сыне" прозвучала уроком, — уроком не только для „блудных" сыновей, но до известной степени и для отцов. Первых он сурово осудил, вторых упрекнул за то, что, они, отпуская своих сыновей в далекие страны, не проявляют, однако, должного внимания к ним, не разъясняют им задач их просветительного путешествия, не принимают никаких мер, чтобы оградить их от искушений, подобных тем, жертвой которых стал изображенный им блудный сын. Основной смысл своей пьесы Симеон Полоцкий четко сформулировал сам в эпилоге к ней:

Юным се образ старейших слушати,
на младый разум свой не уповати,
Старим, да юных добре наставляют,
ничто на волю младых не спущают.

Составлена „Комидия о блудном сыне“ по типу тех небольших пьес, сочинением которых уже занимались во времена Симеона Полоцкого преподаватели пиитики и учащиеся украинских и белорусских школ в целях преимущественно учебно-педагогических. С школьными драмами этого типа „Комидия“ Симеона Полоцкого сближается и простотой композиционного построения, и объемом, и небольшим сравнительно количеством действующих лиц, и полным отсутствием аллегорических фигур, обязательных тогда для всех парадных школьных „трагедий“ и „трагедокомедий“.

Из ремарок следует, что каждая „часть“ пьесы при ее исполнении на сцене должна была заканчиваться пением хора и, по традиционному обычаю всех школьных драм, — интермедией. Текст этих интермедий нам не известен. Правда, в одной рукописи XVIII века дошла до нас интермедия о „блудном“ и „пьянице“. Блудный бражничает; к нему приходит пьяница и изъявляет желание выпить за его здоровье. В благодарность за добрые пожелания блудный подносит ему чашу; пьяница пьет и падает, слуги относят его в сторону; пьяница умирает, и демон уносит его душу в ад; блудный велит похоронить мертвеца и продолжает веселиться. Есть мнение, что интермедия эта — одна из тех пяти, которые сопровождали „Комидию о блудном сыне“ Симеона Полоцкого. Возможно, что это и так, хотя мнение это и не может быть подкреплено какими-либо прямыми доказательствами. Возможно и другое предположение: интермедии потому и не дошли до нас, что они не были написаны; проектируя в ремарках интермедию после каждой „части“, Симеон Полоцкий рассчитывал на изобретательность хорега (режиссера) и имел в виду интермедию без речей — пантомиму.

Работая над пьесой, Симеон Полоцкий стремился поднять ее до уровня дидактического „примера“ („Юным с е о б р а з . . .“, — писал он сам в эпилоге), предельно обобщающего действительность. Отсюда и некоторые художественные особенности пьесы. Действие ее развертывается вне времени

и пространства, в некоей отвлеченной стране, географически никак не локализованной; действующие лица: „отец“, „сын старший“, „сын младший“, „купчин“, „господин“ и другие — не имеют имен. Неудивительно, что в той абстрактной дидактической „пустоте“, в которой у Симеона здесь двигаются и жестикулируют его герои, все условно: приказания выполняются молниеносно — в тот самый момент, когда они даются; нужный по ходу действия персонаж всегда является во-время; один персонаж осведомлен о мыслях другого еще до встречи с ним; не успел герой высказать какое-либо пожелание, как оно уже осуществляется, и пр. Речи действующих лиц носят тот же подчеркнуто условный характер — сознательно оголенных сентенций.

Написанная на вполне доступном, сравнительно с другими произведениями Симеона Полоцкого, „славяно-русском“ книжном языке, посвященная злободневной проблеме, „Комидия о блудном сыне“ встретила, видимо, живейший отклик у современников. В 1685 году она была в Москве напечатана отдельной книжкой-альбомом с многочисленными иллюстрациями. Титульный лист издания оформлен оригинально: он изображает раздвинутый театральный занавес, под которым расположены рампа и полуфигуры зрителей. Иллюстрации к книге замечательны тем, что они воспроизводят театральную постановку, — правда, не „Комидии“ Симеона Полоцкого, а какой-то другой пьесы на этот же самый сюжет. Персонажи этой инсценировки (в ней имеются сцены, отсутствующие у Симеона) одеты в костюмы и шляпы голландского образца; некоторые зрители, изображенные у рампы, облачены в платье русского покроя, но этому покрою платья не соответствуют их бритые физиономии и иноземные шляпы с загнутыми полями. Неведомый нам мастер этого издания пользовался, очевидно, каким-то иноземным оригиналом, — быть может, действительно, голландского происхождения, как предполагают библиографы. Книга (дата ее „1685“ у некоторых историков русской старопечатной книги вызывает сомнения, но

без достаточных к тому оснований) имела свою судьбу и в XVIII веке; установлено, что она в течение этого века переиздавалась не менее четырех раз, с одних и тех же досок, и приобрела широкую популярность в качестве лубочного издания. В 1795 году „Комидия о блудном сыне“ Симеона по тексту издания 1685 года была перепечатана специально и для любителей отечественной словесности.[1]

Вторая пьеса Симеона Полоцкого — „О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных“ представляет собой инсценировку соответствующего библейского рассказа — главы третьей „Книги пророка Даниила“.

По словам автора в прологе к пьесе, он избрал этот сюжет для того, чтобы противопоставить царя истинного, мудрого и справедливого (в том же прологе автор дал понять, что образцом такого царя является Алексей Михайлович) — царю-тирану, гордому, своевольному и жестокому. Тема, подробно разработанная Симеоном в „Вертограде“ („Разнствие“ и др.), здесь, следовательно, получила и свою сценическую интерпретацию.

---

[1] Книга вышла в свет под заглавием: „Сколок с комедии из притчи о блудном сыне, преж сего печатанной в 1685 году“ (Москва, 1795, 8°, 40 стр.) — со следующим предисловием от „издателя“: „Разбирая библиотеку мою, нашел я сию книжку, под названием К о м е д и я и з П р и т ч и о б л у д н о м с ы н е, и прочитав оную, почувствовал к ней уважение, не для того, чтоб она была чрезчур нравоучительна; но потому, что любезное наше отечество и в прошедшем седьмом-надесять веке начинало уже познавать, сколь нужны театральные представления к исправлению пороков, между людьми находящихся. И хотя по новости такого дела нет в ней тех красот, умоначертания, приятностей, каковыя ныне в подобных ей являются: однако неизвестной мне сочинитель оной довольно оказал опытом таковаго сочинения на виршах славянороссkаго языка свою преданность к поправлению юношества. Где же она была представляема, того я по краткости времени найти не мог; а как оная не всякому известна, то спешу удовольствовать любопытство моих соотчичей изданием с нее сего сколка, зная, что есть много сынов России, любопытствующих о веках прошедших, к славе предков их относящихся“.

Пьеса невелика по объему, состоит из одного действия, пролога („предисловца") и эпилога.

Входит Навуходоносор с „боярами", слугами, вооруженными воинами и садится на приготовленном для него месте. Он приказывает „казначею" приготовить свой „образ" для испытания верности подданных и одновременно развести огонь и сожигать в пещи каждого, кто откажется поклониться этому „образу" как богу (у пророка Даниила Навуходоносор велит кланяться не собственному изображению, а „золотому истукану" — идолу). „Образ" поставлен, трубят трубы; народ кланяется изображению царя, за исключением трех отроков, — Седраха, Мисаха и Авденаго, которых тотчас же и схватывают. Приведенные для ответа, отроки смело исповедуют перед царем своего бога, и разгневанный царь приказывает их бросить в пещь. К отрокам в пещь спускается ангел, ободряет их, и они, невредимые, поют хвалебную песнь богу, а между тем огонь жестоко пожигает стоящих вблизи „халдеев". Бояре и Навуходоносор, при виде этого, приходят в изумление. Навуходоносор раскаивается в своем поступке и высказывает желание послужить истинному богу.

Есть мнение, что пьеса Симеона Полоцкого — литературная переработка „пещного действа" — литургического обряда русской православной церкви, отправлявшегося незадолго до праздника Рождества Христова в Москве, Новгороде, Вологде. Текст, однако, мнения этого не поддерживает, — что и неудивительно: обряд „пещного действа" во времена Симеона Полоцкого уже не исполнялся, он вышел из употребления еще в первой половине XVII века.

Обильные ремарки указывают, что обе пьесы предназначались к постановке на сцене. Во второй пьесе в прологе и эпилоге Симеон Полоцкий обращается к царю Алексею Михайловичу — знак, что пьеса предназначалась к постановке на сцене придворного театра царя Алексея, организованного в 1672 году. Была ли, однако, осуществлена постановка и той и другой пьесы, — неизвестно. Возможно, что и нет:

в начале 1676 года придворный театр царя Алексея уже прекратил свое существование.

Литературное наследие Симеона Полоцкого-драматурга указанными двумя пьесами не исчерпывается. Он деятельно культивировал в Москве и одну из малых форм школьной драматургии — „декламацию". По его инициативе утвердился в Москве и обычай публичного исполнения декламаций — при дворе в день того или иного церковного праздника или какого-либо другого торжества.

Все написанные им декламации, как и пьесы, Симеон Полоцкий в 1679 году включил в состав „Рифмологиона". Некоторые из них в рукописи сопровождаются пометками Симеона Полоцкого, из которых узнаем, что они в свое время были „говорены", т. е. были исполнены специально тому обученными под руководством Симеона „отроками" — в Москве, в селе Коломенском, в селе Измайловском.

Из числа известных нам декламаций Симеона Полоцкого наиболее интересна по своему содержанию — первая по времени, исполненная в Москве 19 января 1660 года „отроками" полоцкого Богоявленского училища в присутствии царя Алексея Михайловича („Стиси краесогласнии, глаголании в лѣто 1660. . .").

В формальном отношении декламация эта, как и все остальные у Симеона, принадлежит к тому виду этого жанра, который школьная теория драмы конца XVII века рассматривала как наиболее простой: перед нами серия чередующихся один за другим монологов (12) неодинакового объема по количеству стихотворных строк, без пролога и эпилога, выдержанная от начала до конца в одном и том же стихотворном размере. Исполнение декламации такого типа обычно не сопровождалось какой-либо театрализацией, не требовало ни специальных костюмов, ни бутафории: поочередно выступали „отроки" и произносили заученный ими монолог — в данном случае приветственное обращение царю Алексею Михайловичу.

В рамках панегирического „приветствия“ Симеон Полоцкий здесь устами „отроков“ отразил те надежды, которые питали широкие массы белорусского населения в годы, когда Белоруссия фактически частично уже была воссоединена с Русским государством, но воссоединение это еще не было официально утверждено мирным договором. Радость и глубокая благодарность за избавление от векового польско-шляхетского гнета (Полоцк был освобожден царскими войсками в 1654 году), уверенность в том, что царь Алексей будет для них защитником „от всех противных, иже поношаху благочестивым и зело стужаху“, желание и впредь „жити“ под „прекрепкой десницей“ московского царя — такова центральная тема этой декламации. Заканчивается она „похвалой“ столице Российского царства — Москве.

6

Все стихотворные произведения Симеона Полоцкого, в том числе и драматические, написаны силлабическими стихами.

Основной принцип силлабического стихосложения (от лат. syllaba — слог) — равносложность: поэтическая речь организуется закономерным чередованием равносложных стихотворных строк. Этим принципом силлабического стихосложения определяется и система его стихотворных размеров; они различаются по количеству слогов, составляющих стих: стихи восьмисложные, одиннадцатисложные, тринадцатисложные, четырнадцатисложные, „смешанные“ (в зависимости от строфической структуры стихотворения).

В наиболее употребительных у Симеона Полоцкого стихах одиннадцатисложного и тринадцатисложного размеров стих всегда, как правило, делится на две части — отчетливой паузой внутри стиха, цезурой; в одиннадцатисложном стихе — после пятого слога (по схеме: 5 + 6), в тринадцатисложном — после седьмого слога (по схеме 7 + 6).

Пресветлый орле | Российския стра́ны, (11)
честнокаменным | венцем увенча́ны, (11)
Орле преславный, | высоко паря́щий, (11)
славою орлы | вся превосходя́щий... (11)

Слепец некто пять сотниц | златых цат имя́ше, (13)
яже в некоем месте | в земли спрятал бя́ше. (13)
Тыя сосед усмотрев | тайно ископа́л есть, (13)
но слепец татбу его | домыслом позна́л есть...(13)

Цезура в стихах Симеона Полоцкого — „свободная"; она могла быть у него и женской, и мужской, и дактилической; в отличие от польского стиха не требовала обязательного ударения на шестом слоге в тринадцатисложном стихе, на четвертом — в стихе одиннадцатисложном. Рифма — парная, обычно женская (с более или менее отчетливым ударением на предпоследнем слоге стиха).

Равносложность обусловила и самый способ чтения силлабических стихов. Редкие ошибки в счете слогов — верный признак того, что счет этот несомненно воспринимался на слух. Стихи скандировались по слогам — с выделением каждого слога.

Царь не-кий пре-бо-га-тый | дщерь крас-ну и-мя-ше,
ю-же от все-го серд-ца | сво-е-го лю-бя-ше...

Такое чтение привело и не могло не привести к тому, что неударные слоги стали произноситься с той же четкостью, как и ударные: различие между неударным и ударным слогами резко ослаблялось, если не стиралось совсем. Об этом наглядно свидетельствуют знаки ударения, расставленные в рукописном оригинале стихотворений Симеона Полоцкого: иногда они стоят на своем месте, иногда явно не соответствуют действительному произношению, представляя собой простую дань орфографической традиции. О том же свидетельствует и рифма у Симеона Полоцкого; она часто у него сводится к простому совпадению окончаний слов, начиная с предпоследнего гласного, независимо от того, на какой слог рифмующегося слова падает ударение (зело́ —

ве́село, себе́ — не́бе, тобо́ю — твою́, лю́тшая — зла́я, рече́ — челове́че, Фому́ — до́му и т. п.).

Силлабические стихи читались, очевидно, в подчеркнуто декламационной манере, своеобразным речитативом, на „высокий“ лад.

Симеон Полоцкий — основоположник силлабического стихосложения в русской поэзии. До него „правильные“ силлабические стихи — явление в русской литературе крайне редкое. В ранних образцах русской виршевой поэзии, первой четверти XVII века, основной принцип силлабического стихосложения — строгий счет слогов — не соблюдался: стихи объединялись в стихотворный ряд только парной рифмой. Типичным примером такого „некунштовного“, как его называли на Украине, досиллабического стиха могут служить вирши, которыми закончил свою „Повесть“ о „смуте“ писатель первой половины XVII века — князь И. М. Катырев-Ростовский.

Елико чего изыскал, (8)
Толико сего и написал. (9)
Всяк бо чтый да разумевает (9)
И дела толикие вещи не забывает. (14)
Сие писание в конец преити едва возмогох (16)
И в труде своем никоея же ползы обретох. (15)

После Симеона Полоцкого такие неравносложные стихи, напоминающие рифмованную прозу, уже казались архаичными.

Силлабический принцип стихосложения господствовал, как известно, в русской поэзии до 40-х годов XVIII века, а в провинции, в школьном обиходе, и много позже. Феофан Прокопович, Кантемир и другие русские поэты-силлабики во многом усовершенствовали стих Симеона Полоцкого, но писали по той же системе. В 1735 году Тредиаковский в своем трактате „Новый и краткий способ к сложению российских стихов“ первый теоретически обосновал возможность перехода русской поэзии на тонический принцип стихосложения, основанный на закономерном чередовании ударных и неударных слогов, — первый наглядно продемонстрировал и воз-

можность реализации этого принципа на практике. Дело, начатое Тредиаковским, завершил Ломоносов, окончательно утвердивший тонический стих в русской поэзии.

Писал Симеон Полоцкий на том „книжном языце“, который в его время обслуживал преимущественно „высокие“ формы литературы господствующего класса (красноречие, „парадную“ эпистолярную прозу, философско-богословскую прозу). Словарный состав и грамматический строй этого книжного „диалекта“, в XVII веке уже регламентированного специальными учебными пособиями (грамматика Мелетия Смотрицкого), — в основном воспроизводят нормы языка славянского.

В поэтическом языке Симеона Полоцкого налицо все характерные особенности книжного „велеречия“ XVII века: специфические славянизмы („гонзати“. „непщевати“, „хухнати“, „выну“, „тощно“, „тщиво“ и т. п.), некоторые усвоенные этим „диалектом“ слова греческого языка („аер“, „спира“. „пирг“, „дидаскал“ и пр.), а также слова того книжного жаргона, на котором тогда писали едва ли не все украинские и белорусские писатели („згода“, „дедич“, „умова“, „оборонца“ и пр.); тяга к витиеватым синтаксическим конструкциям, длинным периодам с большим количеством вводных предложений; пристрастие к сложным эпитетам („светлозрящий“, „мрачноочный“ и т. п.), к необычной расстановке слов, к замысловатой игре словами разного значения, но одного и того же звучания („В мире не мирном мир ныне бывает, егда царь мира враги побеждает“, „чюдное чадо чюдне ся раждает“), и т. п.

„Высоту словес“, свойственную современной ему книжной прозе, Симеон Полоцкий во второй половине XVII века утвердил и в поэзии. И „высота“ эта с неизменно сопутствующими ей славянизмами надолго стала признаком „парнасского“ парения — в „одической“ поэзии, с теми или иными модификациями, до конца XVIII века.

„Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками“.[1] Симеон Полоцкий не принадлежит к числу великих писателей, но дело свое в меру своих возможностей он выполнил с честью: он положил основание в русской литературе той отрасли художественного творчества, которая до него была почти совсем не разработана, — поэзии и драматургии.

Поэзия в России прочно вошла в литературный обиход уже с 80-х годов XVII века, когда начали свою деятельность ближайшие ученики и последователи Симеона Полоцкого (С. Медведев, М. Хоныков, К. Истомин и др.); драматургия — несколько позже, в начале XVIII века, когда возник сперва в Москве, а затем и в Ростове (ярославском) первый русский „школьный“ театр. Симеон Полоцкий положил начало непрерывному развитию в русской литературе поэзии и драматургии. И в этом его основная историческая заслуга.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 166.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

1. Первый сборник стихотворений Симеона Полоцкого „Вертоград многоцвѣтный“ дошел до нас в трех основных списках: Гос. Исторического музея (Москва), Синод собр. № 659 (4°, 547 лл.), и № 288 (1°, 658 лл.), Библиотеки Академии Наук СССР (Ленинград) 31. 7. 3 (1°, 621 лл.). Первый список — черновой автограф Симеона Полоцкого; здесь стихотворения еще не расположены в алфавитном порядке заглавий. Второй — беловой экземпляр того же сборника, дополненный новыми стихотворениями и уже систематизированный по буквам азбуки. Третий список — подготовленная автором к печати окончательная редакция „Вертограда“ (рукопись написана четким каллиграфическим полууставом второй половины XVII века; кое-где встречаются поправки, сделанные рукой Симеона Полоцкого).[1]

Полное заглавие сборника по этому последнему списку: „Вертоград многоцвѣтный, ползы ради душевныя православных христиан божиим наставлением и пособием, а трудоположением многогрѣшнаго во иеромонасѣх Симеона Полоцкаго утяженный и насажденный в лѣто от создания мира 7186, а от рождества еже во плоти бога слова 1678; совершися мѣсяца аугуста в день“ (число не проставлено).

Сборнику предпосланы: „Предисловие по благочестивому читателю“ и „Оглавление вещей, в книзѣ сей содержимых“.

В качестве приложений к сборнику читаются: „Вивлиа“, — „равномѣрно и краесогласно устроенная“ (лл. 590 — 608 об.) — 261 стихотворение объемом от двух до восьми стихов (конспективное изложение Ветхого и Нового заветов); цикл стихотворений под заглавием „Образов подписания“ (лл. 609—617 об.) и, в самом конце сборника, — „Епитафион“ Симеону Полоцкому его друга и ученика Сильвестра Медведева (лл. 619—621 об.).

---

[1] Пометы, сделанные рукою С. Полоцкого или писца (ко всем текстам), см. в конце комментария. В тексте обозначено цифрой.

В настоящем издании избранных произведений Симеона Полоцкого стихотворения „Вертограда“ печатаются по списку Библиотеки Академии Наук СССР, 31. 7. 3. Расположены они нами не в алфавитном порядке заглавий, как в сборнике, а по тематическому принципу; вначале приведены стихотворения, посвященные общественно-политической проблематике; затем — все избранные повествовательные стихотворения „Вертограда“ („образы“ и „повести“, по терминологии автора) и, наконец, стихотворения на разные темы, не поддающиеся четкой тематической классификации („подобия“, „увещания“ и пр.). Для настоящего издания отобраны следующие стихотворения „Вертограда“: „Академия“ (л. 27 об.), „Бог всевидец“ (лл. 53 об.— 54), „Вдовство“ (лл. 67—68), „Вино“ (л. 73 об.), „Воздержание“ (лл. 77—78), „Время“ (л. 88), „Гражданство“ (л. 106 об.), „Дароимство“ (л. 117 об.—118), „День и нощь“ (л. 123), „Диадима“ (л. 124 об.), „Достоинство“ (лл. 128 об.—129 об.), „Друг“ (л. 130 — 130 об.), „Дѣва“ (л. 136), „Дѣлати“ (л. 145), „Жабы послушливыя“ (л. 156), „Жена“ (л. 157 об.—158), „Женитва“ (лл. 162—163), „Завѣт“ (л. 179), „Закон“ (л. 180 об.), „Истинна“ (лл. 202 об.—203), „Икона богородицы“ (л. 212 об.), „Казнь сыну за отца“ (л. 220), „Казнь за сожжение нищих“ (лл. 221 об.—222), „Казнь хулы“ (л. 222—222 об.), „Клевета“ (лл. 225—229 об.), „Клеветник“ (л. 230—230 об.), „Клятва во лжу“ (лл. 233—234), „Купецтво“ (лл. 249 об.—250), „Лакомство“ (лл. 251—251 об.), „Лев“ (лл. 252 об.—253), „Любов к подданым“ (л. 266), „Месть“ (лл. 279—280), „Мечь истинны“ (лл. 280 об.—281), „Милость господская“ (л. 283), „Монах“ (лл. 307 об.—308), „Мысль“ (л. 315 об.), „Началник“ (лл. 3?2 об.—324), „Неблагодарствие“ (лл. 326—326 об.), „Невѣжда“ (лл 329 об.—330), „Нищета царей“ (л. 337 об.) „Образ“ (лл. 341—341 об.) „Пиянство“ (лл. 363 об.—364), „Погребение“ (л. 370), „Пособие“ (лл. 380 об.—381), „Правды безмѣстие“ (л. 390 об.), „Пря“ (л. 405), „Разбойник“ (лл. 414 об.—415), „Разнствие“ (л. 415 об.), „Разум“ (л. 417), „Риза“ (л. 419 об.), „Славолюбие“ (л. 437—437 об.), „Слова неслушание“ (л. 443), „Слово“ (л. 443 об.), „Согласие“ (лл. 464 об.—465), „Старость“ (л. 473 об.), „Суд“ (лл. 483—484), „Триумф, или Торжество побѣдное“ (лл. 496 об.—498), „Труд“ (лл. 499—499 об.), „Философия“ (лл. 514 об.—515 об.), „Чадом богатств не отдаяти“ (лл. 554 об.—555 об.), „Чародѣйство“ (л. 556), „Частость“ (л. 556 об.), „Честь“ (л. 558), „Щастию не вѣрити“ (лл. 565—565 об.), „Учитися и учити“ (л. 573), „Язык“ (л. 580).

2. Второй сборник Симеона Полоцкого „Псалтырь рифмотворная“, известен нам по ряду списков XVII—XVIII вв. Наиболее интересны из из них следующие: 1) Гос. Исторического музея (Москва), Синод. собр. № 661 — черновой автограф Симеона Полоцкого; 2) Гос. Исторического музея (Москва), Синод. собр., № 237 — беловой „подносный“ экземпляр:

„Псалтирь царя и пророка Давыда, художеством рифмотворным равномѣрно слоги и согласноконечно по различным стихов родом преложенная трудолюбием многогрешнаго во иеромонасѣх Симеона Полоцкаго в лѣто от создания мира 7186, от рожества же по плоти господа бога и спаса нашего Иисуса Христа 1678 мѣсяца <не указан> в царствующем и богоспасаемом градѣ Москвѣ".

В настоящем издании избранные псалмы в стихотворном переложении Симеона Полоцкого (№№ 1, 34, 103, 132, 145) публикуются по старопечатному изданию Псалтыри Симеона (Москва, 1680), набиравшемуся в „верхней" типографии под наблюдением автора. Псалтырь Симеона Полоцкого в настоящем издании печатается по экземпляру Библиотеки Академии Наук СССР (собр. Михайловского, № 52). По этому же экземпляру публикуется и стихотворение „К гаждателю" (лл. 139—139 об).

3. Последний сборник стихотворений Симеона Полоцкого дошел до нас только в одном списке: Гос. Исторического музея (Москва), Синод. собр., № 287 (1°, 654 лл).

Полное заглавие сборника (написан четким полууставом второй половины XVII века с многочисленными на полях поправками и пометками Симеона Полоцкого): „Рифмологион, или Стихослов, содержяй в себѣ стихи равномѣрно и краесогласно сложенныя, различным нуждам приличныя. В славу и честь бога в тройцѣ единаго, пречистыя божия матере, святых угодников господних. В ползу юных и старых, духовных и мирских различных санов, купно во утѣху и умиление, в благодарствие, похвалу и привет, и прочая. Божиею помощию трудолюбием многогрѣшнаго во иеромонасѣх Симеона Полоцкаго в различная лѣта и времена сложенныя, потом же в едино собрание сочетанныя в лѣто от создания мира 7187, от рождества бога во плоти 1679" (в рукописи ошибочно написано: 1678).

Сборнику предпосланы: стихотворное „Предисловие ко благочестивому читателю"[1] и „Оглавление вещей, в книзѣ сей содержимых".

Список № 287 — черновая редакция „Рифмологиона"; выработать окончательную, беловую редакцию сборника автор не успел; он умер, когда работа над сборником была еще далеко не завершена.

По списку этому напечатаны: декламация 1660 г. — „Стиси краесогласнии" (лл. 373—375 об.), „Привѣтство" царю Алексею Михайловичу по случаю „вселения его благополучнаго" в Коломенский дворец (лл. 381—383 об.), а также последняя по времени „книжица" Симеона

[1] В „Предисловии" этом Симеон Полоцкий сообщает, что начал он составлять „Рифмологион", когда ему исполнилось пятьдесят лет: „Днесь бо точию лѣто совершаю, еже писменем «наш» <50> право считаю". Это свидетельство подтверждает дату сборника: 7187 (1679); — Симеон Полоцкий родился в 1629 году.

Полоцкого — „Гусль доброгласная", поднесенная автором царю Федору Алексеевичу 18 июня 1676 г. в день венчания его на царство (лл. 559—591 об.).[1] „Гусль доброгласная" — цикл стихотворений, объединенных единством содержания и расположенных в определенном порядке; предшествует этому циклу приветственное предисловие автора в прозе царю Федору: завершает его стихотворное послесловие — „Желание творца" (одно из наиболее замечательных „программных" стихотворений Симеона).

По тому же списку публикуются и обе пьесы Симеона Полоцкого — „Комидия о блуднѣм сынѣ" (лл. 603 об.—618 об.) и „Трагедия о Навходоносорѣ, о тѣле златѣ, о триех отроцѣх в пещи" (лл. 619—625).

В самостоятельный раздел выделены все предисловия, которыми Симеон Полоцкий снабдил сборники своих стихотворений. Предисловия эти — ценнейший материал для биографии поэта, для хронологии его произведений, для характеристики его воззрений на задачи поэзии. Предисловие в прозе к „Вертограду" печатается по рукописи Библиотеки Академии Наук СССР 31. 7. 3 (лл. 2—4 об.), предисловия к „Псалтыри рифмотворной" — по старопечатному изданию 1680 г. этого сборника (лл. 2—7 об.), стихотворное предисловие к „Рифмологиону" — по списку Гос. Исторического музея, Синод. собр., № 287 (лл. 5—6 об.).

При издании текстов приняты следующие правила: тексты печатаются с соблюдением всех особенностей орфографии оригинала; титла раскрываются, все выносные буквы вводятся в строку; буква ъ в конце слов не воспроизводится; *а йотирсванное* заменяется буквой *я; і* и *ї* заменяются буквой *и; оу* и ȣ — буквой *у; омега* — буквой *о*; *фита* — буквой *ф; пси* — буквами *пс; ижица* — буквами *в* или *и*, в зависимости от слова; буква ѣ везде сохранена, так как у Симеона Полоцкого она произносится не только как *е*, но нередко и как *и* (след украинского произношения, усвоенного им в Киеве). Ударения в настоящем издании, преследующем научно-популярные цели, не воспроизводятся.

Пометы на полях публикуемых текстов

[1] Книга 8 Граждан., глава 10. [2] чести. [3] 3 Царство, 1 (39). [4] Апокалипсис, 5 (8—9). [5] Псалтырь, 88 (21—30). [6] Даниил, 8 (21). [7] 1 Царство, 17 (34—36). [8] Пѣснь пѣсней, 3 (11). [9] Захария, 11 (7). [10] Глава 1 (11—12). [11] Притчи, 3 (16). [12] 3 Царство, 3 (1—14). [13] 4 Царство, 11 (12). [14] 3 Царство, 1 (47). [15] 3 Царство, 5 (7). [16] В книгѣ 36, в главѣ 15. [17] 4 Царство, 19 (35). [18] *Рукой Симеона Полоцкого*: окончание. [19] *Рукой Симеона Полоцкого:* сие в книзѣ врученной нѣсть писано. [20] вѣков, [21] Иоан. 5. 44.

---

[1] „Гусль доброгласная" известна и в отдельном списке конца XVII века; см. рукоп. Гос. Исторического музея (Москва), собр. Черткова № 248.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Общие обзоры жизни и деятельности Симеона Полоцкого

И. Татарский. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.

Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 1—162.

С. Голубев. Отзыв о сочинении В. О. Эйнгорна: Очерки из истории Малороссии в XVII в. 1. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. — Записки Академии Наук по историко-филологическому отд., т. VI, № 2, СПб., 1902, стр. 109—119.

К. В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, стр. 379—399.

II. Симеон Полоцкий — поэт

Издания

Ф. Буслаев. Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861, стр. 1189—1214.

Месяцеслов. Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий. М., 1680.—СПб., 1882.

Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. ОДП. CXXXIII, 1915.

Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. Общая редакция П. Беркова. Редакция и примечания Я. Барскова, П. Беркова и А. Докусова. Вступительная статья Ив. Розанова. Библиотека поэта, малая серия, № 3, „Советский писатель“, 1935, стр. 48—73, 91—119, 287—293.

Исследования и материалы

М. П<етровск>ий. Из духовных стихотворений XVII—XVIII-го века. Библиографические Записки, 1861, № 6, стр. 161—164.

А. Соболевский. Когда начался у нас ложно-классицизм? Библиограф, 1890, № 1, стр. 1—6.

Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия. Журнал Министерства народного просвещения, 1894, № 12, стр. 375—401.

Н. Глокке. „Рифмотворная Псалтырь" Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского. Университетские известия, Киев, 1896, № 9, 11, стр. 1—18.

И. М. Тарабрин. Апокрифический элемент в „Вертограде" С. Полоцкого. Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества, т. III, М., 1902, Протоколы, стр. 23—24.
О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетий. М. В. Ломоносов, Сборник статей под ред. В. В. Сиповского, СПб., 1911, стр. 66—92.

В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 года. Киев, 1912, стр. 95—98.

А. И. Белецкий. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. Сборник Историко-филологического общества при Имп. Харьковском университете, т. XXI, Харьков, 1914, стр. 587—668.

О. І. Білецький. Симеон Полоцький та українське письменство XVII-го віку. Юбілейний збірник на пошану акад. Д. Йв. Багалія, Збірник Історично-філологічного відділу Української Академії Наук, № 51, у Київі, 1927, стр. 636—648.

А. И. Белецкий. Из начальных лет литературной деятельности Симеона Полоцкого. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1928, стр. 264—267.

А. И. Белецкий. Повествовательный элемент в „Вертограде" Симеона Полоцкого. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1934, стр. 325—334.

И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. Труды Отдела древне-русской литературы, VI, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 125—153.

Б. В. Томашевский. К истории русской рифмы. Труды Отдела новой русской литературы, I, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 255—257.

III. Симеон Полоцкий — драматург

Издания

Н. Тихонравов. Русские драматическне произведения 1672—1725 годов, т. I, СПб., 1874, стр. 296—336.

Д. Ровинский. Русские народные картинки, III. СПб., 1881, стр. 8—38; IV. СПб., 1881, стр. 520—522.

Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, Атлас, т. III. СПб., 1881.

Исследования и материалы

П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 114—122.

В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действа XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 280—281, 297—298.

Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киевская икусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая. Киев, 1911, стр. 152—160.

Н. М. Петровский. Библиографические мелочи IV. Об изданиях „Комидии о блудном сыне“. Известия Отдел русск. яз. и словесн. Академии Наук, 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 156—159.

С. А. Щеглова. Русская пастораль XVII века („Беседы пастушеские“ Симеона Полоцкого). Старинный театр в России XVII—XVIII вв., Сборник статей под ред. акад. В. Н. Перетца. „Academia“, Пгр., 1923, стр. 65—92.

С. А. Щеглова. Декламация Симеона Полоцкого. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1928, стр.5—9.

Н. Ласточкин. Комедия притчи о блудном сыне. Старинный спектакль в России, Сборник статей под ред. В. Н. Всеволодского-Гернгросс. „Academia“, Л., 1928, стр. 99—131.

А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 277—278.

И. П. Еремин. „Декламация“ Симеона Полоцкого. Труды Отдела древне-русской литературы, VIII, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 354—361.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Давид — второй царь израильский (XI — начало X века до н. э.), победитель Голиафа, автор приписываемых ему религиозных песен—псалмов.

Дамокл — любимец и придворный сиракузского тирана Дионисия Старшего; „дамоклов меч“ вошел в поговорку и стал обозначать близкую, непрестанно угрожающую опасность при внешнем благополучии.

Дий — Зевс, Юпитер.

Диоген — греческий философ V—IV века до н. э., последователь кинической школы; приобрел известность, как пример философа, пренебрегающего благами жизни.

Дионисий мучитель — Дионисий I Старший, тиран сиракузский (ок. 432—367 годов до н. э.); приобрел печальную известность своей бесчеловечной жестокостью.

Евдокия Алексеевна (1650—1712) — дочь царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской (Евдокия от гр. ε'υδοχία — благоволение, любовь).

Екатерина Алексеевна (1658—1718) — дочь царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской.

Екклисиаст — каноническая книга Ветхого Завета („Книга Екклесиаста“); слово это иногда употреблялось и как прозвище библейского царя Соломона, легендарного автора указанной книги.

Епикур — греческий философ Эпикур (342—270 годы до н. э.).

Златоустый — Иоан Златоуст, греческий церковный писатель и проповедник (344—407).

„Зодий“ — Зодиак, ряд созведий, расположенных вдоль того большого круга небесной сферы (эклиптика), по которому совершается видимое годичное движение солнца; созвездий этих двенадцать: Рыбы, Овен (у Симеона Полоцкого — „агнец“), Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы (у Симеона Полоцкого — „мерила“), Скорпион, Стрелец, Козерог (у Симеона Полоцкого — „козел рогатый“), Водолей. Под „козлом рогатым“ Симеон Полоцкий везде имеет в виду турецкого султана Мухаммеда IV.

Иоаким — патриарх московский и всея Руси (1620—1690); на патриарший престол вступил в 1674 году.

Иоан (Иван) Алексеевич (1666—1696) — сын царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской (Иоанн от др.-евр. Jochanan — милостивый, благодатный).

Ирина Михайловна (1627—1679) — старшая из семи дочерей царя Михаила Федоровича от брака с Е. Л. Стрешневой (Ирина от гр. εἰρήνη — мир, спокойствие).

Камвизес — второй царь древней Персии, сын Кира; царствовал

с 529 года по 522 год до н. э.; Геродот и другие древние историки повествуют о его жестокости и самодурстве.

Капитолий — храм Юпитера в древнем Риме; по преданию основан Тарквинием Приском и достроен в 507 году до н. э.

Кир — основатель древнеперсидского царства; занимал персидский престол с 559 по 529 год до н. э.

Коломенский дворец — деревянный дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском; начат постройкой в 1667 году. Отдельные части дворца пристраивались постепенно по мере необходимости, складываясь в целом в неповторимый по своей живописности и декоративности ансамбль. Царские живописцы под руководством Симона Ушакова и живописца, выписанного из „шаховы области“, армянина Богдана Салтанова, два года расписывали и золотили палаты. Коломенский дворец — один из ярчайших образцов русского архитектурного стиля — в настоящее время уже не существует; он был сломан и разобран в 1768 году. Описание этого дворца и его „чудес“ у Симеона Полоцкого вполне соответствует действительности (Д. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. V. Коломенский дворец. Известия Отдел. русск. яз. и словесности Академии Наук, 1913, т. XVIII, кн. 3).

Константин Великий — римский император (285—337); главнейшим фактом правления Константина является утверждение христианства в качестве государственной религии; по имени этого императора получила свое название столица Византийской империи — Константинополь.

Крез — последний лидийский царь из династии Мермнадов (560—546 годы до н. э.).

Максентий — римский император, соправитель Константина Великого; в битве с Константином потерпел поражение и, убегая с поля битвы, утонул в Тибре в 312 году.

Мария Алексеевна (1660—1723) — дочь царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской (Мария от др.-евр. Mariam — высокая, славная, знаменитая, госпожа).

Марфа Алексеевна (1652—1707) — дочь царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской (Марфа от др.-евр. Martha — госпожа, хозяйка).

Могунтийский епископ — архиепископ майнцский Гаттон (968—970). С именем этого архиепископа связана легенда о его смерти, получившая широкое распространение в средневековой западноевропейской литературе. Ср. балладу В. А. Жуковского „Суд божий над епископом“.

Наталья Алексеевна (1673—1716) — дочь царя Алексея Михайло-

Татьяна Михайловна (1636—1706) — дочь царя Михаила Федоровича от брака с Е. Л. Стрешневой.

Тит — римский император Тит Флавий Веспасиан (41—81), известный своим милосердием.

Траян — римский император Марк Ульпий Траян (98—117).

Федор Алексеевич (1661—1682) — сын царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской; с 1676 года — царь (Федор от гр. ϑεός — бог и δῶρον — дар, подарок).

Феодора Алексеевна (1674—1678) — дочь царя Алексея Михайловича от брака с Н. К. Нарышкиной.

Феодосия Алексеевна (1662—1713) — дочь царя Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской.

Феофраст — греческий ученый и писатель (371—286 годы до н. э.).

Филипп Македонский (ок. 379—336 годов до н. э.) — македонский царь, отец Александра Македонского.

Франтиск краль — очевидно Франциск I (1494—1547), король французский, и покровитель искусств и наук, с именем которого связано начало эпохи Возрождения во Франции.

СЛОВАРЬ

абие — тотчас, внезапно

аггел (*греч.*) — ангел, вестник

адамант (*греч.*) — алмаз

аер (*греч.*) — воздух

аможе — куда, где

аще — если, хотя, когда, ли (*частица*)

безбѣдно — беспечально

безступно — бесстыдно

блажити — восхвалять

блазнити — соблазнять, обманывать, порочить

ближитися — приближаться

брашно — еда, пища

буйство — невежество, простота, глупость, безумие

бѣдити — убеждать

бышествовати — находиться, существовать

вапа — краска

варити — предварять, предупреждать, встречать

велми, вельми — очень, весьма

вепр — кабан

вергати — бросать

вергнути — бросить

верста — возраст

верт, вертоград — сад

верх — верхняя часть, голова

ветхий — старый, древний

вина — причина

внегда — когда

возбнути — проснуться, пробудиться

воздвизати — поднимать

вознепщевати — см. непщевати

волити — хотеть, желать, предпочитать

волна — волна; шерсть

волный, вольный — вольный, свободный

вомѣняти — считать, полагать, признавать

вон, вонь — в который

вонный — благоуханный

вотще — напрасно

вред — зло, болезнь, рана, ущерб

вредный — поврежденный, больной

вскую — почему, зачем

выну — всегда

выя — шея

вѣнец дафниев (*греч.* δαφνώδης) — лавровый венок

вѣстно — известно

вѣтии — оратор, ритор

вящше — больше, лучше

вящий — больший, высший, лучший

гаждати — хулить, ругать
гаждатель — хулитель, ругатель
глагол — слово
глаголати — говорить
глас — голос, звук, глас (*муз.*)
глашати — звать, приглашать
гнюсный — гнусный
говѣйность — благоговение
говѣти — благоговеть
годствовати — подобать, приличествовать, заслуживать
годѣ — угодно, приятно
гонзати — избегать, бежать
горний — верхний, высокий, небесный
горѣ — вверх

даже — пока, если, даже, чтобы
дароимец — взяточник
дафниев вѣнец — см. вѣнец дафниев
державец — правитель
десница — правая рука
десный — правый, истинный, достойный
дивый — дикий
дидаскал (*греч.*) — учитель
доблий — доблестный
довле — довольно, достаточно
дондеже — пока
донелѣ(же) — пока, пока не
достоинство — сан, важная должность, высокий чин
древле — некогда, прежде, раньше
другиня — подруга, приятельница
дѣдич — наследник, владелец, потомок

елма — так как, хотя, хотя бы, тогда как, когда
еродий — аист
естество — природа

женитва — брак, свадьба
живот — жизнь

завѣщати — приказывать
зазрѣти — завидовать, осуждать, обижать, делать зло
зане(же) — так как, потому что
запинати — возбранять, препятствовать, перебивать речь
запрещение — указание, приказание
заткати — заткнуть
землянин — житель, обитатель
зернь — игра в кости или в зерна
знаменати — указывать, отмечать, означать
зограф (*греч.*) — художник, живописец
зодий — зодиак (*см. стр. 269*)

идѣже — где, куда
иже — который, кто
извод — исход
изтрощати — истратить, растратить
имармена (*греч.* εἱμαρμένη) — судьба, рок, доля
иногда — некогда, однажды
исправа — исправление
истязати — требовать, потребовать, узнать, мучить

казнь — наказание, возмездие, казнь
кир (*греч.*) — господин
клеврет — раб, слуга, товарищ
кожа — кожа, шатер
кокошь — курица наседка
коллурий (*греч.*) — целебная мазь для глаз

коло — колесо, круг
користь — добыча, трофей
космицы — небожители
косный — медленный, неторопливый
котора — спор, ссора, распря
кошь — корзина
кромѣ — без, вне, вдали
крушцы — руда

лагодити — делать приятное
лакомство — сластолюбие, жадность, приобретательство
лестно — притворно, лживо, обманом
леха — гряда
лстити — обманывать, соблазнять
лѣпо — красиво, хорошо
лѣпота — красота
лѣть — можно
любець — любитель
любы — любовь

мравий — муравей
мусикия — музыкант, музыка
мысленный — духовный, умозрительный
мѣрило — весы, мера

навѣт — наговор, клевета, наущение
нань — на него
напрасный — внезапный
народствовати — опубликовать, обнародовать
нарочитый — известный, отличный, почтенный, знатный
нафа (*греч.*) — горючее, нефть
начало — начало; власть
невѣглас — невежда
негли — нежели, чем, чтобы, да, едва ли, может быть
нелѣпие — безобразие
нелѣть, не лѣть — нельзя
непщевати — думать, полагать, рассуждать
ниже — также не, и не
нужда — необходимость, потребность; насилие, принуждение

обаче — но, однако
область — господство, власть, обладание
оборонца — защитник
образ — изображение, пример
ов, ова, ово — тот, та, этот; эта; то, это
окормити — направить, наставить, возглавить
оле — о (*междометие*)
омета — край, обшивка платья, кайма
оный, он — тот
онагр (*греч.*) — дикий осел
опасно — осторожно, внимательно
опасный — осторожный, внимательный
орач — пахарь
отглас — отзвук
оток — гной
отригнути — произнести
отродный — выродок
отрѣвати — отбрасывать, отсекать
отщетитися — потерпеть, лишиться

паки — опять, вновь, еще
палица — палка, посох
перети — стремиться, нестись
пирг (*греч.*) — башня
повнегда — когда, как только
подложница — наложница, любовница
пожати — получить, достигнуть

полма — пополам
помизати — мигать, перемигиваться
поне — потому что, так как, хотя, даже
по-силному — по силе, по мере сил
послух — свидетель
потщатися — постараться, потрудиться, поспешить
похитити — схватить, завладеть
преводник — перевод, переводчик
преко — наоборот
препинати — останавливать, затруднять
препона — преграда, препятствие
препятие — препятствие
претити — удерживать, останавливать, угрожать
прещати — см. претити
прещение — угроза
прияти — принять, получить, овладеть, схватить
приискрний — близкий, подобный, родственный
промысл — мысль, забота, попечение, предначертание
пропяти — простереть, растянуть
протязати — распростирать, протягивать
пря — спор, тяжба
пѣвень — петух
пѣтель — петух

рамо — плечо
рачитель — приверженец, благожелатель, попечитель
рожение — роды
рожшцы — плоды, рожки, желуди
рѣшати — освобождать

сакк (*греч.*) — царское облачение
сигклит (*греч.*) — собрание, собор
сирѣчь — то есть
сице — так
скимн (*греч.*) — львенок
склевретство — содружество
скров — тайник, кладовая
скуделный — глиняный, бренный
сличный — соответствующий, подобающий
сляцати — сгибать, наклонять
снабдѣвати — охранять, оберегать
снѣсти — съесть, употребить в пищу
сокотати — цокотать, трещать
спира (*греч.*) — отряд
спод — круг, группа
спона — помеха, препятствие, затруднение
споручник — поручитель
средство — средство, способ; середина, среднее
стогна — улица, площадь
стомах (*греч.*) — желудок
странный — чужестранный, иноплеменный
струг — лодка, судно
стужати — досаждать, оскорблять, мучить, требовать, надоедать
стяжати — приобретать
сулица — копье
схинизма (*греч.*) — узы, веревка

тавлея — игра в шашки
тип — печать, печатный знак
токмо — только
толк — толкование, значение
толма — так, столь
точию — только
точно — равно, подобно, одинаково

точный — равный, подобный, соответствующий

точнѣ — так же, таким же образом

тощно — скоро, усердно, равно

требѣ — нужно

трудник — труженик, подвижник

туга — скорбь, печаль, уныние, тоска

тул — колчан

туне — напрасно

тщатися — стараться, спешить, устремляться

тщета — недостаток, потеря, убыток

тщиво — усердно, старательно

тѣмже — потому, по той причине, того ради

увясло — венец, повязка

умова — договор, соглашение, условие

уне — лучше

утрефленый — завитый

фиала — (*греч.*) — чаша, кубок

фрон (*греч.*) — трон, престол

хитрость — искусство

хоть — желание

хухнати — роптать, порицать

цата — мелкая монета

цвѣтовертник — садовник

цѣвница — струна, лира

чин — порядок, должность, сан, собрание

чинно — в порядке, стройно

чредити — принимать, угощать, насыщать

чуждатися — удивляться

чути (**чюти**) — чувствовать, ощущать, слышать

шуйца — левая рука

ягодица — щека

ятися — начать, приняться, взяться

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *К. С. Тверитинова*

*

РИСО АН СССР № 5293. Пл. № 6—79 В. М. 32692. Подписано к печати 7/VII 1953 г. Бумага 70×92$^{1}/_{16}$. Бум. л. 8$^{13}/_{16}$. Печ. л. 20.64. Уч.-изд. л. 12.92+6 вкл. (0.62 уч.-изд. л.). Тираж 5000. Зак. № 805. Номинал по прейскуранту 1952 г. 9 р. 55 к.

1-я Тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

